

Deutsches Historisches Institut Moskau

Bulletin

Nr. 7

Конструируя «советское»?

Доклады научной конференции студентов и аспирантов

20 - 21 апреля 2012 года
Санкт-Петербург

**Bulletin des Deutschen Historischen Instituts
Moskau**

Herausgeber: *Katja Bruisch*

Redaktion: *Vera Berezina, Maria Gumerova,
Elena Kochetkova, Elizaveta Zhdankova*

Deutsches Historisches Institut Moskau

Nachimovskij Prospekt 51/21

117418 Moskau

www.dhi-moskau.de

© Deutsches Historisches Institut Moskau 2013

Alle Rechte vorbehalten.

Das Bulletin des DHI Moskau erscheint unregelmäßig
und ist nicht kostenpflichtig.

ISSN 2070-4836

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие <i>Катя Бруши</i>	4
ДРУГОЕ «СОВЕТСКОЕ»	
Вообразить союз иначе: Всемирная федерация советских республик в видении Украинской коммунистической партии (боротьбистов) <i>Сергей Гирик</i>	9
СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ ЛИЧНОСТИ	
Экскурсионно-методическая литература 1920-х годов и проблема воспитания «нового человека» <i>Вера Березина</i>	25
«В клуб рабочий от станка металлист шагает»: деятельность клубов для рабочих в Харькове в 1920-е годы <i>Роман Любавский</i>	41
«Личное знамя»: гимнастерка как биография солдата и государства, 1941-1945 <i>Брэндон Майкл Шехтер</i>	55
КОНСТРУИРУЯ СОВЕТСКУЮ МОДЕРНОСТЬ	
Трансфер технологий в советскую лесную промышленность в 1953 – 1964 годах <i>Елена Кочеткова</i>	75
Города под куполом: советские архитекторы и освоение Крайнего Севера в 1950-1960-е годы <i>Екатерина Калеменева</i>	93
Американская национальная выставка в Сокольниках и Выставка достижений СССР в Нью-Йорке: история, семантика и кинорепрезентация двух выставок 1959 года <i>Кирилл Чунихин</i>	109
Список сокращений	128
Сведения об авторах.....	129

Предисловие

Начиная с 2007 года, слушатели Европейского университета в Санкт-Петербурге ежегодно устраивают конференцию *Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности*. Среди молодых историков это мероприятие пользуется устойчивой популярностью. Каждый год студенты старших курсов, аспиранты и докторанты из России и государств бывшего СССР, а также из стран Западной Европы и Америки по приглашению своих коллег отправляются в Петербург, чтобы обсудить феномен «советского» с позиций исторической науки. Настоящий выпуск сборника Германского исторического института в Москве включает в себя статьи, которые отражают тематический и методологический спектр докладов, прозвучавших на шестой конференции (20 – 21 апреля 2012 г.).

Открывает сборник статья, посвященная истории «советского» как идейной категории. В работе Сергея Гирика показано, что подчас самые различные группировки исторических деятелей называли свои политические взгляды и свое самосознание «советскими». На примере разработанного Украинской коммунистической партией (боротьбисты) в 1919 г. проекта по созданию международной федерации советских республик Гирик показывает, что в годы революции и Гражданской войны целый ряд исторических деятелей притязали на участие, на идейном уровне и в сфере реальной политики, в формировании нового, провозглашенного «советским», государственного и общественного строя. Анализируя выдвинутую украинскими коммунистами идею создания союза государств с относительно слабым (в сравнении с будущим Советским Союзом) центром, его статья на конкретном примере доказывает, что общепринятое отождествление «советского» с «большевистским» представляет собой ретроспективную проекцию, результат монополизации власти большевиками.

В работах трех авторов категория «советского» рассматривается с точки зрения исторического опыта. Основное внимание они

¹ По материалам докладов, сделанных в 2011 году, в 2012 был издан сборник: *Конструируя «советское»? Доклады научной конференции студентов и аспирантов, Санкт-Петербург 14 -15 апреля 2011 года* (Bulletin des DHI Moskau Nr. 6).

уделяют дебатам, площадкам и социальным практикам, в которых наглядно проявились претензии большевиков на революционное преобразование культуры и быта. На примере методических пособий по экскурсионному делу (Вера Березина) и рабочих клубов в Харькове (Роман Любавский) в 1920-е годы они показывают, насколько тесно идея господства переплеталась у большевиков со стремлением посредством образования, воспитания и перестройки времени и пространства создать «нового человека». Всевозможные меры, направленные на замену прежних ценностей, на которые навесили ярлык «отсталых» или «буржуазных», новыми, «советскими» ценностями, сопровождались внедрением новых вариантов самоидентификации. Как показывает Брэндон Майкл Шехтер в своей статье о красноармейской гимнастике времен Второй мировой войны, новые варианты личного самоопределения были призваны помочь людям самим вписаться в советский коллектив. Впрочем, формирование «советской идентичности» (и это также прослеживается во всех статьях данного раздела сборника) можно лишь отчасти считать проектом правящей элиты. Движимые желанием обозначить свою собственную принадлежность к некому воображаемому сообществу, граждане советской России подчас сами создавали из себя «новых людей», активно осваивая новые варианты самоопределения или включая их в уже сложившееся самосознание.

Заключительный раздел сборника посвящен Советскому Союзу в годы правления Н.С. Хрущева. Статьи о советско-финских связях в лесной промышленности (Елена Кочеткова), о строительстве городов в ходе освоения советской Арктики (Екатерина Калеменева), а также об американской Национальной выставке в Москве и советской выставке в Нью-Йорке в 1959 году (Кирилл Чунихин) поднимают вопрос о том, сколь много значили покорение природы и преодоление временных и пространственных границ для легитимации и самоутверждения Советского Союза в качестве режима, конкурентоспособного на мировой арене. Конечно, Советский Союз во многих сферах жизни отставал от темпов развития целого ряда западных стран. Однако самосознание политической и научно-технической элиты в Советском Союзе в той же мере, что и во многих промышленно более развитых странах основывалось на характерной для эпохи модерности вере в возможность преобразовать мир посредством научных знаний и разума. Одновременно в статьях на конкретных, показательных примерах рассматривается культурное измерение холодной войны. Чунихин показывает, как ревностно и советское, и американское руководство стремились путем целенаправленного отбора и продуманной расстановки экспонатов продемонстрировать

превосходство своей собственной системы, обращаясь при этом как к зарубежной публике, так и к населению своей страны. Работы Кочетковой и Калеменовой убеждают в том, что период холодной войны, невзирая на дихотомическое мышление в сфере политики и идеологии, был гораздо более многогранным, чем это предусматривает шаблонное противопоставление Востока и Запада. На уровне отдельных экспертных групп поддерживались регулярные контакты. Периодика ряда западных стран, — к примеру, канадские и финские издания, — даже в годы холодной войны оставались для Советского Союза важными источниками информации. Таким образом, материалы этих исследователей свидетельствуют о «проницаемости» «железного занавеса», которая, исходя из жизненного опыта современников, вероятно, могла играть более важную роль, нежели соперничество на мировой арене.

До сих пор, как показывают материалы настоящего сборника, категории «советского» не удастся дать однозначного определения. С точки зрения исторического опыта, понятие это заключает в себе множество различных идей, институций, представлений и социальных практик, за которыми в свое время закрепился ярлык «советского» и которыми в первую очередь воспользовались большевики, чтобы узаконить революционные преобразования во всех сферах жизни. И в качестве эвристической категории «советское» еще не обрело четких контуров. Несмотря на то, что данный термин обыкновенно применяется к российскому государству в период правления большевиков и к совокупности таких элементов, как социалистическая идеология, большевистские методы правления и современная вера в знание, технику и планирование, соотношение которых в ходе истории оценивалось по-разному, однозначного определения на сегодня нет. Независимо от того, рассматриваем ли мы категорию «советского» с позиций исторического опыта или же применяем ее как инструмент анализа: термин «советское» всегда используется с целью акцентировать некое различие. Поэтому его значение в свою очередь зависит от выбранного антипода: дореволюционной России, «буржуазного» общества, капиталистических стран или некоего абстрактного Запада. Содействовать исследованию всех этих многообразных граней, масштабов и потенциальных смыслов категории «советского» — в этом и заключается заслуга ежегодной конференции *Конструируя «советское»*.

Другое «советское»

Сергей Гирик

Вообразить союз иначе: Всемирная федерация советских республик в видении Украинской коммунистической партии (боротьбистов)

Одним из наиболее интересных и перспективных направлений интеллектуальной истории различных политических сил, действовавших на территории бывшей Российской империи в годы становления советских республик, является изучение предлагавшихся ими федералистских проектов. Для этого необходимы их первичное и сравнительное исследование, публикация ключевых идеологических текстов, сохранившихся в архивах и библиотечных коллекциях прессы подобных партий. Среди таких текстов — сами проекты в виде юридических документов, выступления на данную тему представителей этих партий на съездах советов и на заседаниях республиканских ЦИК'ов, отчеты о лекциях для партийного актива, статьи политических идеологов в партийных органах. Разработка этой темы поможет более полно понять процессы становления идеи федерации советских республик в годы, предшествовавшие созданию СССР; выявить взаимовлияние различных проектов такого союза, разработанных представителями национал-коммунистических течений; проследить то, как факт знакомства с ними отражался на процессе выработки итоговых форм Договора об образовании СССР¹.

В украинских архивах хранится значительное количество документов украинских и еврейских политических партий, имеющих отношение к поставленному вопросу. В первую очередь это касается наиболее влиятельной национал-коммунистической партии, действовавшей в УССР — Украинской коммунистической партии (боротьбистов). В период своего расцвета, незадолго до ее слияния с Коммунистической партией (большевиков) Украины, она насчитывала около 15 тысяч членов и имела представителей в Совнарком УССР. В частности, боротьбисты занимали должности наркома финансов (Николай Литвиненко), образования (Григорий Гринько, Александр Шумский), юстиции (Михаил Лебединец), несколько должностей заместителей наркомов.

¹ Т.е. собственно Декларации и Договора об образовании СССР, а также значительно переработанного с целью сокращения полномочий республик варианта, ставшего основой первой Конституции СССР 1924 г.

Стоит отметить, что в историографии интеллектуальной истории сравнительно мало внимания уделено проблеме федералистских проектов представителей украинского национал-коммунизма. В частности, это касается наиболее детализированных разработок сценария будущего советских республик, которые можно обнаружить в идеологических документах Украинской коммунистической партии (боротьбистов). Так, в первом монографическом исследовании истории этой партии (1954 г.) ее бывший активист Иван Майстренко вообще практически не затрагивает вопросов идеологии У КП(б), и лишь вскользь упоминает, что в области государственного строительства боротьбисты «выступали за полное равенство между Украиной и Россией»², а после «прилива новой марксистской крови в партию»³ [...]надеялись оживиться и вновь вступить в борьбу [...] за независимую коммунистическую Украину»⁴. Как видим, в своем труде он практически игнорирует федералистские планы боротьбистов, хотя в приложении к нему приводит английский перевод текста Меморандума У КП(б) Исполнительному Комитету Третьего Интернационала, в котором идея создания в будущем всемирной федерации советских республик четко и недвусмысленно озвучена как одно из ключевых программных положений партии⁵.

Несколько большее внимание федералистским идеям боротьбистов уделяет известный американский украинист Джеймс Мейс. Историк отмечает, что в воззрениях боротьбистов «объединение с Советской Россией должно было основываться на принципе равенства»⁶, а «боротьбисты верили, что особые социально-экономические и национальные условия Украины обуславливали потребность для нее стать отдельной независимой советской республикой, органически связанной со своим селом, равноправным членом будущей всемирной федерации советских республик»⁷.

² *Maistrenko I. Borot'bism. A Chapter in the History of the Ukrainian Revolution* / Ed. by *Chris Ford*. Stuttgart, 2007. P. 109.

³ Имеется в виду слияние Украинской партии социалистов-революционеров (коммунистов-боротьбистов) и Украинской социал-демократической рабочей партии (независимых левых) в Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов), провозглашенное 6 августа 1919 г. См.: Объединяння українських комуністичних сил (Злиття У.С.-Р. (комуністів) і У.С.-Д.Р.П. незалежних лівих). Київ, 1919.

⁴ *Maistrenko I. Borot'bism*. P. 140.

⁵ *Ibid.* P. 283.

⁶ *Mace J. Communism and the Dilemmas of National Liberation. National Communism in Soviet Ukraine, 1918-1933*. Cambridge, MA, 1983. P. 54.

⁷ *Ibid.* P. 56.

В украинской историографии позднего советского периода этот вопрос затрагивался в ключе подчеркнуто критического отношения к партии боротьбистов вообще, что обуславливало специфический тон высказываний об их федералистской программе. Симптоматичным является тот факт, что Юрий Клинтух – автор наиболее основательного посвященного этой партии исследования, написанного в этот период, – включает информацию о взглядах боротьбистов на будущую всемирную федерацию в раздел «Авантюризм политики и тактики партии боротьбистов», а не в предшествовавший ему «Идейно-теоретические корни боротьбизма». Он утверждает: «авантюризм партии боротьбистов нашел свое яркое выражение в призывах к борьбе во имя ‘великой всемирной революции’»⁸. По его словам, боротьбисты «понимали совершившуюся революцию как составную часть мирового революционного процесса. Однако его торжество они связывали с победой революции в других странах [...]. Боротьбисты утверждали, что упрочить советскую власть можно только созданием всемирной республиканской федерации»⁹.

Что касается современной украинской историографии, то те исследователи украинского национал-коммунизма, которые уделяли внимание деятельности УКП (боротьбистов), как правило, лишь упоминают об их федералистском проекте, однако не детализируют его особенностей, ограничиваясь теми же общими фразами, что и зарубежные ученые. В сорокастраничном разделе «Политическая доктрина боротьбизма» самого подробного исследования истории этой партии – защищенной в 1993 году кандидатской диссертации Елены Любовец – нашлось место лишь упоминанию о том, что «принципиальное решение вопроса [о дальнейшем государственном устройстве Украины – С.Г.] было заимствовано из программы бывшей Украинской партии социалистов-революционеров, стоявшей на федералистских позициях»¹⁰. Затрагивая вскользь боротьбистскую идею построения «Всемирной социалистической федерации», исследовательница не считает нужным вспомнить ключевой документ УКП(б) по этому вопросу – рассматриваемый нами далее проект

⁸ *Клинтух Ю.* Крах идеологии и политики мелкобуржуазной националистической партии боротьбистов. Лекция, прочитанная слушателям ВПШ при ЦК КП Украины. К., 1971. С. 23.

⁹ *Клинтух Ю.* Тактика коммунистической партии по отношению к мелкобуржуазной националистической партии боротьбистов. Автореф. ... канд. ист. наук. Одесса, 1973. С. 13.

¹⁰ *Любовець О.М.* Партія боротьбистів в українській революції 1917 – 1920 рр. Дис. канд. іст. наук. Київ, 1993. С. 78.

Конституции Федерации Советских Республик¹¹, предложенный ее Зарубежным бюро¹² Исполкому Коминтерна в августе 1919 г.¹³ В большинстве других работ современных исследователей, за редкими исключениями, кратко пересказываются положения процитированных выше трудов без опоры на новые документы.

Сам текст боротьбистского проекта Конституции по своей форме и структуре схож с Договором о создании СССР от 30 декабря 1922 г. Подготовленный УКП(б) документ состоит из трех разделов: «Об учреждении Федерации и ее составе», «О Федеративных органах», «Об актах Интернациональных Федеративных Органов». Помимо этого, указано название IV раздела — «О флаге, гербе и печати Федерации», текст которого в проекте отсутствует.

Данному проекту Конституции Федерации Советских Республик предшествовал предложенный фракцией этой партии во Всеукраинском Центральном Исполнительном Комитете проект Декларации об объединении советских республик (в ночь с 14 на 15 июня этот орган рассматривал вопрос о будущем объединении советских республик). Вместе с боротьбистским (альтернативным) рассматривался и проект, выдвинутый фракцией Коммунистической партии (большевиков) Украины, имевшей в ВУЦИК большинство. В итоге принят был проект большевиков (26 голосами против 15), причем он был поддержан представителями не только КП(б)У, но и Бунда. Однако принципиальных расхождений между этими документами было мало. В редакционной статье киевской газеты «Боротьба»¹⁴ «Важное постановление» по этому поводу говорилось:

Различие между обоими [проектами. – С.Г.] состояло в том, что формула большевиков-коммунистов, не затрагивая принципиально этот вопрос в его международно-правовом масштабе, позволяет в виде стратегически-военного объединения протягивать политические государственно-националистические тенденции российского реставраторства, что угрожает новым взрывом сепаратистского национального шовинизма на Украине и среди прочих когда-то 'негосударственных' наций бывшей России. Предложенная же фракцией коммунистов

¹¹ ЦДАГОУ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 30. Л. 33-34 об.

¹² Под таким названием действовало представительство ЦК УКП (боротьбистов) при ИККИ и ЦК РКП(б) в Москве.

¹³ Этот документ был разработан в промежутке между 15 июня (днем рассмотрения вопроса о будущем объединении советских республик во Всеукраинском ЦИК) и 28 августа 1919 г. (днем подачи ЦК УКП(б) Меморандума к ИККИ, к которому был приложен и этот проект Конституции).

¹⁴ Газеты с названием «Боротьба» боротьбисты издавали одновременно в ряде городов (Екатеринослав, Чернигов, Херсон, Николаев и др.); киевская «Боротьба» была центральным органом партии.

боротьбистов декларация, в случае ее принятия, широтой и глубиной своей постановки всех вопросов сразу бы выбила любую почву из-под различных посторонних, вредных для революции тенденций, и заложила бы крепкий фундамент под строение международной пролетарской власти, не отсрочивая в то же время и общие конкретные шаги по соединению тех или иных областей хозяйства, которые продиктованы положением момента и стратегически-военными обстоятельствами¹⁵.

Боротьбисты в течение некоторого времени перед рассмотрением этого вопроса в ВУЦИК готовили общественное мнение к восприятию своего проекта. Так, за два дня до упомянутого выше заседания в их центральном партийном органе вышла передовица «К объединению советских республик»¹⁶ (ее автором, вероятно, был Василь Эллан-Блакитный¹⁷, в то время редактировавший эту газету, а отсутствие подписи под материалом свидетельствует о его официальном характере, представляющем позицию партии). В статье, в частности, говорится: «Есть проблемы, в которых на практике пролетариат современности не имеет предшественников. Одна из них – вопрос об объединении советских республик, который в наше время актуально стал на порядок дня конкретного его решения, осуществления в определенных формах». Автор отдельно подчеркивает, что в процессе образования федерации нужно избегать возможной реставрации старой Российской империи в новых ‘советских’ формах¹⁸, а далее характеризует принципы, которые должны лечь в основу будущей федерации: «Во-первых, нужно согласовать принцип строгой централизации с не содействующим ему своими масштабами размером территории, которые нужно соединить в одно огромное целое». Далее высказываются мысли, имеющие параллели в рассматриваемом боротьбистском проекте Конституции:

Ясно, что при современном состоянии материальной культуры, при разрушенности средств коммуникации, придется разделить территориально все пространство будущей Республики на целый ряд отдельных республик-штатов с собственными политическими центрами, подчиненными одному общему руководящему и регулирующему. Этот общий центр должен иметь как можно более тесную связь с отдельными частями целого, но должен быть настолько гибким, чтобы не превратиться в мертвый бюрократический ‘центр’, в качестве примера которого

¹⁵ Важна постанова // Боротьба (Киев). 1919. № 101(158). 20 июня.

¹⁶ До об'єднання радянських республік // Боротьба (Киев). 1919. № 94(151). 12 июня.

¹⁷ После объединения УКП(б) и КП(б)У Эллан-Блакитный вплоть до своей смерти был главным редактором центральной правительственной газеты УССР — «Вісті ВУЦВК».

¹⁸ В статьях идеологического характера в боротьбистской прессе тоже уделяется значительное внимание этому вопросу (см.: *Гарт В. [Эллан-Блакитный В.] До реставрації великої Росії* // Боротьба (Киев). 1919. № 88(145), 4 июня.; *Его же. Необхідно ясности* // Боротьба (Киев). 1919. № 108(165). 28 июня. и др.).

можно взять бывший центр старой России, душивший своей окаменелостью все проявления жизни и развития периферии¹⁹.

После этого в материале рассматриваются возможные принципы разделения будущей федерации (сложность соединения национально-культурного и экономического подходов). Отметив, что в идеале стоило бы стремиться к созданию «экономически однородных коммун», автор заявляет: «В данный момент – до времени подъема масс всех наций, а особенно недоразвитых, до уровня непосредственного участия в социалистическом строительстве [...], *в это время* [курсив в тексте. – С.Г.], когда национальная вражда – язва буржуазного уклада, еще не вполне изжита и когда национальный момент может быть самым сильным тормозом революции – остановиться как на основном на принципе национальной единства, лишь дополняя его принципом экономической однородности»²⁰. Это национальное единство боротьбисты видели в примордиалистском этнокультурном ключе. Об этом свидетельствует как процитированный материал (национальный момент – это «по сути, вопрос *культурный*, вопрос *языка*» [курсив в тексте. – С.Г.]), так и рассматриваемый здесь проект Конституции, о чем мы отдельно скажем ниже.

Следует отметить, что в самом этом тексте и сопутствующих документах отсутствуют указания на его авторство, однако его можно с большой долей вероятности установить по тому, кто в ЦК партии боротьбистов наиболее активно продвигал предложенные в проекте идеи. Это, в первую очередь, Михаил Полоз, находившийся в Москве со второй половины лета 1919 года и участвовавший в переговорах с Исполкомом Коммунистического Интернационала о возможности вступления боротьбистов в эту организацию, и Александр Шумский, неоднократно высказывавшийся в духе положений проанализированного документа в своих статьях и выступлениях в Совнарком УССР и Всеукраинском ЦИК. Особенно важной здесь представляется именно роль М. Полоза, который в период 1921 – 1923 гг. занимал должность полномочного представителя УССР в Москве, активно участвовал в выработке всех ключевых документов, касающихся отношений между УССР и РСФСР, а также в деятельности соответствующей российско-украинской комиссии, возглавлявшейся Михаилом Фрунзе. Кроме того, он участвовал в выработке текста Договора о создании СССР, принятого на Первом съезде советов СССР,

¹⁹ До объединения радянських республік. С. 1.

²⁰ Там же.

и обсуждениях предлагавшихся в этом документе формулировок²¹. Оба эти политических деятеля в дальнейшем, уже после слияния У КП(б) с партией большевиков и создания СССР, занимали важные посты в правительстве УССР. А. Шумский повторно был наркомом просвещения (1924, перед этим он занимал эту должность еще как боротьбист в 1919 году), а М. Полоз – наркомом финансов (1925 – 1930). Оба они были репрессированы в 1930-х гг. – М. Полоз расстрелян, а А. Шумский умер при невыясненных обстоятельствах в 1946 году в тюремной больнице, где оставался, парализованный, после окончания срока ссылки. Кроме того, представляется возможным участие в выработке этого документа В. Эллана-Блакитного, одного из ведущих идеологов партии боротьбистов. Однако оно должно было носить ограниченный характер, поскольку этот деятель не имел соответствующей экономической и юридической подготовки.

Текст предложенного боротьбистами проекта основного закона федеративного советского государства, как и подписанный тремя годами позднее Договор о создании СССР, посвящен, прежде всего, разграничению полномочий между республиканскими и общесоюзными органами власти. Естественно, в этом случае речь шла лишь о том, как видела будущее объединение одна из политических сил (пусть и довольно влиятельных на соответствующем этапе революции) одной из советских республик. В связи с этим, разграничение полномочий и описание принципов формирования будущего союзного государства не были столь подробными, как в союзном договоре 1922 г. Однако различия в проработке деталей не мешают увидеть различия в принципах объединения советских республик, положенных в основу этих двух документов.

Одной из первых бросающихся в глаза особенностей боротьбистского проекта Конституции Федерации Советских Республик является четкое указание на этнографическое понимание «народов», объединяющихся в союз. Статья 4 этого документа гласит: «Вступление народов в состав Федерации Социалистических Советских Республик, а равно и пребывание в ее составе является исключительно актом свободной воли каждого *осознающего свое этнографическое единство народа* [курсив наш. – С.Г.], законно выраженной в постановлении полномочного Съезда

²¹ *Єфіменко Г.* Михайло Полоз – розстріляний у Сандармосі співтворець СССР // Радіо Свобода, 15.01.2012, [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/24581185.html>.

Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов»²² и далее: «Каждый вступивший в состав Федерации народ сохраняет всю полноту принадлежащей ему власти в пределах своих этнографических границ» (статья 7)²³. Кроме того, этим проектом предусматривалось наделение федерального законодательного органа – Интернационального Федеративного Съезда Советов – исключительными полномочиями в области «установления этнографических границ советских республик» (статья 12, пункт «в»)²⁴. Это внимание к этнографическому обоснованию существования республик и выделения образующих их народов (довольно проблематичное, если учитывать дисперсность проживания многих этнокультурных групп, более чем характерную для пространства бывшей Российской империи, в частности, на ее окраинах, и в особенности – на Кавказе) перекликалось с исследованиями дореволюционных этнографов и бравших на вооружение результаты их исследований представителей национально-автономистских и федералистских движений²⁵. Общеизвестно, что при создании СССР и дальнейшем разграничении входивших в его состав территорий учитывались результаты этнографических исследований, а многие национальные административно-территориальные единицы создавались исключительно с целью институционализировать ранее открытые учеными «национальности» (в этническом понимании этого термина)²⁶. При этом, в Договоре и Декларации о создании СССР этот этнографизм толкования понятия «народы республик» не прослеживается²⁷. Вообще, в случае отказа от принципа национально-персональной автономии, это концентрирование на национальных границах в таком понимании было чревато множеством этнических (как территориальных, так и нетерриториальных) конфликтов. Однако нужно отметить, что многочисленные публикации с выступлениями

²² ЦДАГОУ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 30. Л. 33.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л.33 об.

²⁵ См., например: *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1890 – 1940. М., 2010. С. 130-133 и др.

²⁶ См.: *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. – Ithaca; London, 2005 (части I и II); *Кадио Ж.* Лаборатория империи. (главы 5 и 6).

²⁷ Слово «этнографический» в этих документах нигде не упоминается, однако утверждается, что «Союз этот является добровольным объединением равноправных народов» (Декларация об образовании Союза Советских Социалистических республик // Съезды советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов в трех томах, 1917-1936. Т.III: Съезды советов СССР. Сборник документов, 1922-1936. М., 1960. С. 17). Слова «народ» и «республика» в тексте этих документов либо стоят рядом, либо употребляются в качестве ситуативных синонимов.

против антисемитизма в боротьбистской прессе²⁸ и последовательное отрицание идеологами этой партии любой дискриминации по этническому или конфессиональному признаку свидетельствуют о том, что этот факт должен был быть учтен, а его отсутствие в проекте Конституции объясняется предварительным характером документа.

Интересно, что в центральном программном документе партии боротьбистов, принятом всего несколькими месяцами ранее (в марте 1919 года), федералистским планам уделяется значительно меньше внимания, но, при этом, отстаиваются те же принципы построения будущего объединения:

IV. Коммунистический характер нынешней революции делает условием ее успеха осуществление диктатуры пролетариата, что лучше всего осуществляется путем установления власти советов и координации революционного действия пролетариата отдельных наций и государств путем сосредоточения его вокруг единого коммунистического центра.

V. При перестройке нынешнего общественного уклада в социалистический и создании международного центра управления экономической жизнью народов границы современных государств будут заменяться административно-хозяйственными, установленными на основе экономической однородности. В современный переходный период в основу государственных объединений должен быть положен принцип национальной однородности как могущественный фактор объединения трудящихся²⁹.

Характерно и то, что центр федерации, согласно подготовленному УКП(б) документу, получал заметно меньше полномочий. Так, к исключительному ведению центральных органов федерации³⁰ относились лишь утверждение и изменение федеральной Конституции; общее руководство внешней политикой федерации³¹; разрешение споров об определении этнографических границ республик; принятие в состав федерации новых членов и выхода из нее; установление организации военных сил членов

²⁸ См., например: Не можна замовчувати // Боротьба (Киев). 1919. № 4(61). С. 1, 12 февраля. 1919; Гарт В. [Эллан-Блакитный В]. Ворон ворону очей не виклюе // Боротьба (Киев). 1919. № 105(162), 25 июня. и др.

²⁹ Тези політичної комісії, прийняті З'їздом У.П.С.-Р. як основа нового програму партії // Перший (п'ятий) з'їзд Української Партії С.-Р. (комуністів) 3-11 березня 1919 року в м. Харкові. Доклади і резолюції. Київ, 1919. С. 13-14.

³⁰ К которым относились Интернациональный Федеративный Съезд Советов, Интернациональный Федеративный Исполнительный Комитет, Интернациональные Федеративные Комиссары и Интернациональный Федеративный Суд.

³¹ Договор о создании СССР предусматривал передачу всех полномочий в области внешней политики общесоюзному центру (Статья 1, пункты «а», «е» и др., см.: Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик // Съезды советов. С. 18).

федерации³²; установление системы мер и весов; установление основ хозяйственного строительства; заведывание денежной системой; трудовое, уголовное и социальное законодательство (статья 12).

В противоположность этому, в Договоре о создании СССР общесоюзному центру было делегировано заметно больше полномочий, в том числе в вопросах, касающихся внутренней политики советских республик. Так, в отличие от предусматривавшейся боротьбистским проектом федерации, в СССР на всесоюзном уровне утверждался единый государственный бюджет, включавший в себя государственные бюджеты союзных республик (статья 1, пункт „л“). Кроме того, общесоюзный центр согласно Договору получал определенные, хоть и ограниченные, полномочия в сфере образования (статья 1, пункт „р“)³³, а в видении УКП(б) оно было исключительной прерогативой самих республик, как и вообще область культурного строительства. В отличие от Договора о создании СССР, проект боротьбистов не предусматривал существования единого общесоюзного гражданства, судебной системы и статистических органов, относя эти сферы к области внутренней политики членов федерации. Кроме того, в боротьбистском проекте отсутствовало упоминание об органе государственной безопасности (ОГПУ), полномочия которого в СССР были подтверждены конституцией, благодаря включению раздела об этой структуре в Договор³⁴. Также в Проекте Конституции Федерации Советских Республик детально расписана процедура выхода отдельных республик из состава объединения (статьи 9-10)³⁵, а Договор о создании СССР ограничивается подтверждением права на выход вступивших в него республик (статья 4).

Исходя из этого анализа, мы можем прийти к выводу, что будущая федерация советских республик в том виде, какой ей прида-

³² Отметим, что такая формулировка предусматривала наличие не только общесоюзных, но и собственных вооруженных сил отдельных республик, как мы можем это видеть в Договоре о создании СССР. Статья 1, пункт «к» предусматривала предоставление исключительно центру полномочий в области «установления основ организации вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик» (Там же).

³³ В расширенном варианте Договора в составе Конституции СССР 1924 г. – Статья 1, пункт «с».

³⁴ В первоначальном тексте соответствующая глава отсутствовала. Она была включена только в расширенный вариант Конституции СССР 1924 г. (Съезды советов. С. 52-53).

³⁵ ЦДАГОУ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 30. Л. 33 об.

вался в идеологии Украинской коммунистической партии (борьбистов), представляла собой не федеративное государство в строгом смысле этого слова, как мы это видим в случае СССР³⁶, а конфедеративное межгосударственное образование. Особенно важны здесь отсутствие в их проекте упоминания об общефедеративном гражданстве и столице федерации. Это вполне закономерно, если учитывать время и обстоятельства появления рассматриваемого документа. Весна-лето 1919 года – это период, когда вполне реальными казались перспективы начала революции в странах Центральной и Западной Европы. Признание не просто возможности, а неизбежности быстрого развития революционного процесса на Западе красной нитью проходит через законодательные акты РСФСР, УССР и других советских республик, утвержденные в этот период; присутствует в официальных заявлениях партийных деятелей РКП(б) и КП(б)У, не говоря уже о наполненных ожиданием вспышки всемирной революции текстах официального и полуофициального характера, публиковавшихся на страницах центрального органа Коминтерна – журнала «Коммунистический Интернационал». Если говорить об Украине, то уже в принятой 10 марта 1919 года первой Конституции УССР утверждалось:

Украинская Социалистическая Советская Республика заявляет о своей твердой решимости войти в состав Единой Международной Социалистической Советской Республики, как только создадутся условия для ее возникновения; вместе с тем, Украинская Социалистическая Советская Республика заявляет о своей полной солидарности с ныне существующими уже Советскими Республиками и о своем решении вступить с ними в теснейшее политическое объединение для совместной борьбы за торжество мировой коммунистической революции и в теснейшее сотрудничество в области коммунистического строительства, мыслимого только в международном масштабе³⁷.

Несколько позже, 18 мая 1919 года, Всеукраинский ЦИК – отметил, что в этот период в нем уже была представлена фракция

³⁶ Централизация управления хозяйством в СССР дает основания отдельным исследователям отрицать его федеративный характер. Так, Терри Мартин отмечает: «Она (советская национальная политика. – С.Г.) не предлагала федерацию, если в это понятие вкладывать нечто большее, чем просто формирование административных территорий в национальном духе» (*Мартин Т.* Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 98). Однако здесь мы рассматриваем лишь формальное распределение полномочий между союзным центром и республиками, в соответствии с которым СССР, безусловно, был федерацией.

³⁷ Конституція Української СРР (10 березня 1919 року) // Радянське будівництво на Україні в роки Громадянської війни (листопад 1918 – серпень 1919). Збірник документів і матеріалів. Київ, 1962. С. 94.

боротьбистов – принял постановление, которым подчеркнул необходимость объединения военных и материальных сил всех советских республик вообще, без отдельного упоминания о РСФСР:

- 1) Вся вооруженная борьба с врагами советских республик должна быть объединена во всех существующих советских республиках.
 - 2) Все материальные средства, необходимые для ведения этой борьбы, должны быть сосредоточены вокруг общего для всех республик центра.
- Исходя из этого, ЦИК поручает своему президиуму обратиться в ЦИК всех Советских республик с предложением выработать конкретные формы организации единого фронта революционной борьбы³⁸.

По всей видимости, подготовка и принятие этого документа были связаны с подготовкой тогда же при участии В.И. Ленина проекта директивы ЦК РКП(б) о военном единстве советских республик, в котором были озвучены схожие тезисы, однако уже с конкретизацией: общим центром управления военными и материальными силами республик должны были стать руководящие органы РСФСР, а не созданный отдельно союзный центр. Это вполне можно понять, если учесть тогдашнее военное положение – формирование, пусть даже формальное, новых органов власти, усложнило бы и без того громоздкую схему передачи распоряжений на места:

Принимая во внимание:

[...]

2) что необходимым условием успеха этой войны является единое командование всеми отрядами Красной Армии и строжайшая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами социалистических республик [...]/ ЦК РКП(б) постановил:

1) признать безусловно необходимым на все время социалистической оборонительной войны объединение всего дела снабжения Красной Армии под единым руководством Совета Оборона и других центральных учреждений РСФСР [...]³⁹.

В принятом 1 июня 1919 года на основе этого документа «Декрете Всероссийского ЦИК об объединении Советских республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма для борьбы против империалистов» (именно этот текст лег в основу утвержденного Всеукраинским ЦИК в ночь с 14 на 15 июня 1919 года Декрета об объединении советских республик взамен предлагавшегося боротьбистами) упоминание о РСФСР как центре было дипломатично снято. При этом следует отметить, что одним из поводов к принятию декрета в нем названо про-

³⁸ Постанова ЦВК Рад України про необхідність об'єднання військових і матеріальних сил Радянських республік // Там же. С. 122.

³⁹ Проект Директивы о военном единстве // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 38. М., 1969. С. 400.

цитированное выше постановление ВУЦИК:

[...] стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма, и исходя как из резолюции Украинского Центрального Исполнительного Комитета, принятой на заседании 18 мая 1919 г., так и предложения Советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов признает необходимым провести тесное объединение 1) военной организации и военного командования, 2) Советов Народного Хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) Комиссариатов Труда Советских Социалистических Республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых Коллегий⁴⁰.

Изложенный в декрете принцип был положен в основу большинства нормативно-правовых актов, которые играли роль подготовительных к подписанию Договора о создании СССР, например, Союзного договора между РСФСР и УССР от 28 декабря 1920 года⁴¹. Последним, однако, предусматривалось вхождение объединенных наркоматов в состав Совнаркома РСФСР с наличием в них уполномоченных представителей от Украины (в их число вошли наркоматы военных и морских сил, внешней торговли, финансов, труда, путей общения, почты и телеграфа и ВСНХ)⁴². Подписание этого документа произошло в условиях стабилизации общемировой политической ситуации, выхода советских республик из дипломатической блокады и прекращения непосредственных военных действий на их территории. Это утверждение касается и Договора о создании СССР. Последний, несмотря на наличие в тексте Декларации о его создании фразы о том, что его заключение должно служить «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Республику»⁴³, играл роль не столько предполагаемого сценария будущего объединения советских республик всего мира, сколько средства закрепления уже существовавшей на момент его подписания ситуации.

⁴⁰ Декрет Всероссийского ЦИК об объединении Советских Социалистических Республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма для борьбы против империалистов // Радянське будівництво на Україні. С. 137.

⁴¹ К моменту его подписания партия боротьбистов уже была ликвидирована (решение об этом было принято в марте 1920 года), однако значительная часть представителей ее бывшего руководства продолжала занимать важные посты в Совнарком УССР и была введена в состав ЦК КП(б)У.

⁴² Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР (28 декабря 1920) // Радянське будівництво на Україні в роки Громадянської війни (1919-1920). Збірник документів і матеріалів. Київ, 1957. С. 183.

⁴³ Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик // Съезды Советов. С. 17.

Как было сказано выше, в корне иным было положение весны-лета 1919 года, периода кратковременного существования советских республик в Баварии и, в особенности, в Венгрии. Это было время, когда всемирная революция казалась делом даже не ближайших лет, а ближайших месяцев. В таких условиях казалось необходимым разработать сценарий объединения советских республик, который стал бы привлекательным не только для народов бывшей Российской империи, а значит, предусматривавший предоставление больших полномочий составным частям федерации. Именно свидетельством этой эпохи и является проект, подготовленный представителями партии боротьбистов. Хотя этот документ не получил широкой известности и не был опубликован, его авторы и знакомившиеся с его содержанием политические деятели (в частности, представители Коминтерна) участвовали в выработке основных документов, связанных с созданием СССР, что обусловило определенное влияние отдельных высказанных в нем мыслей на документы, положенные в основу создания последнего.

Создание
советской личности

Вера Березина

Экскурсионно-методическая литература 1920-х годов и проблема воспитания «нового человека»

1920-е годы принято считать «золотым десятилетием» экскурсионного дела в советской России: тогда, поддерживаемое руководителями «культурного фронта», оно получило широкий размах, особенно в крупнейших городах. В эти годы можно отметить отчетливую тенденцию роста посещаемости экскурсий, кратковременный спад наблюдался лишь в начале НЭПа. Так, в 1919 году в различных экскурсиях по Петрограду и его пригородам приняло участие около 105 тысяч экскурсантов, а в 1926 году в Ленинграде экскурсионной работой было охвачено около миллиона человек.¹ Для обеспечения методической и материальной базы бурно развивающегося экскурсионного дела создавались многочисленные экскурсионные станции, проводились конференции и семинары, шла подготовка новых экскурсоводов.

Очевидно, что стремительный рост экскурсионного дела в этот период был невозможен без активной поддержки со стороны властей. Внимание руководителей «культурного фронта»² к экскурсионному методу, проявившееся едва ли не с первых месяцев существования советского государства, подчеркивается многими авторами работ по истории туризма и экскурсионного дела.³ Интерес этот был неслучаен. Экскурсионный метод во многом соответствовал отраженным в коммунистических доктринах «основным принципам единой трудовой школы» – принципу «активного подвижного творческого знакомства с миром», тесной связи школы с жизнью – и мог стать действенным средством воспитания коллективизма и взаимопомощи. Этот метод, зародившийся в конце XIX века, с первых дней существования противопоставлялся методам «старой школы», которую упрекали в формализме и схоластике. Немаловажную роль в поддержке властями такой

¹ Петроградский губернский отдел народного образования. Отчет за 1922/1923 учебный год и краткий обзор пятилетней деятельности. С. 58, 214; Итоги и перспективы экскурсионного дела // Коммунистическое просвещение. 1927. № 5. С. 158.

² Под ними я понимаю большевиков, так или иначе ответственных за политику в области культуры и образования: А.В. Луначарского, Н.К. Крупскую и др.

³ См., например: *Дворниченко В.В.* Развитие туризма в СССР (1917 – 1988). М., 1985; *Долженко Г.П.* История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов, 1988; *Усыскин Гр.* Очерки истории российского туризма. М.-СПб., 2000; *Скобелыцина А.С.* Экскурсоведение. Уч. пособие. СПб., 2007 и др.

формы «работы с массами» играла и доступность экскурсий: для их проведения не требовалось больших затрат и далеко не обязательным условием было наличие у экскурсантов специальных навыков.

Об экскурсии как средстве воспитания «нового человека» начали писать деятели, стоявшие во главе «народного просвещения»: Надежда Константиновна Крупская, Павел Петрович Блонский, Владимир Иванович Невский и другие.⁴ В журнале «Коммунистическое просвещение», который являлся печатным органом Главного политико-просветительного комитета Республики, возникла отдельная рубрика, где публиковались статьи, посвященные экскурсионному делу.⁵ В этих работах подчеркивалось, что экскурсия должна служить средством политического просвещения и учить смотреть «глазами нового революционного человека». Сотрудники агитационно-пропагандистских структур считали, что при помощи экскурсии возможно не только «воспитать революционное миросозерцание», сформировав «правильные» представления об истории и современности, но и приобщить людей к советским ритуалам и практикам. Экскурсионная работа виделась им как один из «культурных проектов», составляющих разнородный ансамбль воспитания «нового человека», который отличался особой пестротой форм и содержания в 1920-е годы.

В статьях руководителей «культурного фронта», равно как и в циркулярных документах центральных органов Народного комиссариата просвещения, лишь, однако, очерчивались основные направления экскурсионной работы. Разработка конкретных методик использования экскурсий для воспитания «нового человека» ложилась, в основном, на плечи рядовых методистов экскурсионного дела. В чем они видели цели и задачи такого воспитания? Каким должен был быть взгляд «нового революционного человека» на прошлое и настоящее страны? Насколько вообще представлялся им «новым» этот человек? На эти вопросы

⁴ *Крупская Н.К.* Экскурсионный метод при изучении вопросов, намеченных в схемах, принятых съездом союзов // На путях к новой школе. 1923. №3 (6). С. 7-12; *Блонский П.П.* О программе 3-го и 4-го года I ступени // На путях к новой школе. 1924. №6. С. 19; *Невский В.А.* Массовая политико-просветительная работа революционных лет. Критический обзор важнейших форм агитации и пропаганды. М.-Л., 1925.

⁵ См., например: *Краснуха Э.* К вопросу о постановке экскурсионного дела среди взрослых (Из практики Петроградской работы) // Коммунистическое просвещение. 1923. №3. С.85-88; *Волков В.* Больше внимания к экскурсиям в деревне // Коммунистическое просвещение. 1928. №1. С.69-71 и др.

можно попытаться ответить, проанализировав методические руководства по подготовке и проведению экскурсий, подготовленные в Петрограде-Ленинграде в 1920-е гг., и статьи в периодических изданиях того времени, посвященные проблемам экскурсионной работы.

Необходимо отметить, что попыток комплексно рассмотреть экскурсионную работу как лабораторию по «привитию» нового мировоззрения, в частности путем анализа руководств по подготовке и проведению экскурсий, в исследовательской литературе почти не предпринималось. В центре внимания авторов работ, изучавших развитие советского туризма и экскурсионного дела, традиционно находилось функционирование системы экскурсионных институций.⁶ Целям, содержанию, формам экскурсионной работы уделялось значительно меньше внимания. И если в трудах, вышедших в советское время, идеологическая новизна проводимой экскурсионной работы и ее зависимость от партийных установок не подвергалась сомнению, то в современных исследованиях чаще, напротив, декларируется преемственность экскурсионного дела. Так, американский историк раннего советского общества Дайана Кoenкер высказывает точку зрения, что «по структуре и содержанию советские экскурсии в 1920-е гг. представляли собой продолжение дореволюционных просвещенческих инициатив».⁷ В свою очередь, автор диссертации, посвященной экскурсионной работе в 1920-е годы утверждает, что в условиях советского режима «дореволюционные педагогические кадры использовали накопленный опыт и имели прекрасную возможность воплотить в жизнь свои идеи, в том числе и экскурсионный метод».⁸ Остается неясным, как методисты относились к рекомендациям руководителей «культурного фронта» и служащих агитпропструктур использовать экскурсионную работу для «привития» нового революционного мировоззрения. Если такие установки полностью игнорировались (хотя подобную ситуацию трудно представить), то почему экскурсионному делу

⁶ *Дворниченко В.В.* Развитие туризма в СССР; *Долженко Г.П.* История туризма в дореволюционной России и СССР; *Писцов К.М.* Экскурсии как компонент культурно-просветительской политики в первое десятилетие советского государства. Дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. М., 2001.

⁷ *Кoenкер Д.* Исторический туризм: Революция как туристическая достопримечательность // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века). Международный colloquium. Сб. научных докладов. СПб., 2007.

⁸ *Писцов К.М.* Экскурсии как компонент культурно-просветительской политики в первое десятилетие советского государства. С. 51.

оказывалась всесторонняя поддержка со стороны советского режима вплоть до конца 1920-х годов? Более сложным явлением попытался представить названную «культурную лабораторию» Штефан Плаггенборг.⁹ По его мнению, большевистские лидеры и экскурсионисты были в идеологическом плане не так далеки друг от друга, так как и те, и другие руководствовались в своей деятельности убеждением в необходимости «усовершенствования» человека.¹⁰ Исследователь, однако, подробно не останавливался на содержании экскурсионной работы и на тех методах, которыми те и другие хотели «усовершенствовать» людей.

Разработка рекомендаций по подготовке и проведению экскурсий, разумеется, не находилась в прямой связи с задачами советского пропагандистского аппарата. Первые ее попытки мы можем наблюдать во второй половине XIX века. С конца этого столетия в педагогических журналах стали часто появляться статьи, посвященные методике экскурсионной работы со школьниками и опыту ведения экскурсий для учащихся школ и гимназий.¹¹ Опыты конца XIX – начала XX веков касались, в первую очередь, методики проведения естественнонаучных экскурсий и организации путешествий по городам России или за границу. Первый обобщающий труд, где были четко сформулированы основные принципы школьной экскурсионной методики и дано представление о системе учебных экскурсий по всем предметам с учетом программных требований школы, увидел свет в 1910 году. Он представлял собой объемный сборник, изданный при Санкт-Петербургском Лесном коммерческом училище под редакцией педагога-естественника Бориса Евгеньевича Райкова.¹² В этом издании предлагались различные разработки экскурсий с учащимися, как по естественнонаучной тематике (путешествие по дюнам, лесные прогулки), так и гуманитарной (прогулки «по следам» литературных героев, к историческим памятникам, на фабрики, заводы, в порты и др.). Как правило, содержанию первых методических указаний были присущи неконкретность, общие теоретические рассуждения; лишь некоторые экскурсионные разработки отличались подробностью изложения (например, экскурсия «По следам Петра Великого»).

⁹ Плаггенборг Шт. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.

¹⁰ Там же. С. 246.

¹¹ См., напр., Педагогика школьных путешествий // Педагогический сборник. Т. 5. М., 1900; Боч Г.Н., Райков Б.Е., Соколов Н.М., Тушим Г.Г. Образовательные экскурсии, их основные задачи и место в учебном курсе // Ежегодник СПб Лесного Коммерческого Училища. Т. II. СПб., 1910; Юницкий А.А. Экскурсия в сосновый лес. СПб., 1910 и др.

¹² Школьные экскурсии, их значение и организация. СПб., 1910.

Для авторов сборника – главным образом, педагогов Коммерческого училища – характерен хороший литературный язык. Тексты, вошедшие в сборник, деполитизированы. Как правило, в них очень мало вкраплений, говорящих о каких-либо политических пристрастиях авторов. В отношении к экскурсионной работе, выраженном в сборнике, проявляются лишь присущие в целом интеллигентскому кругу представления о свободе и самоценности личности, о необходимости борьбы с рутинной и застоем, выявляется направленность на либерализацию и гуманизацию общества. В этом отношении замечание, сделанное заместителем председателя Центрального Совета Обществ пролетарского туризма и экскурсий Львом Менделевичем Гурвичем в 1931 году о том, что экскурсии до революции «носили не только сугубо культурнический характер, но и весьма значительно начинались патриотическим содержанием [...] способствуя укреплению авторитета царя и бога»¹³, выглядит явно не правдоподобным. Следует отметить, что авторов сборника объединяет также несколько идеалистичное, возвышенное отношение к экскурсионной работе. Они готовы чрезмерно преувеличить значение экскурсии для воспитания школьников. Так, один из авторов сборника полагает, что именно во время экскурсии свободнее раскрывается личность ученика «с её светлыми и темными сторонами».¹⁴

После революций 1917 года общественный подъем, открытие многих прежде недоступных публике дворцов, царских и аристократических резиденций, а также расчеты властей на экскурсионный метод как на метод политического просвещения в значительной мере дали импульс к развитию экскурсионного дела. Уже с лета 1918 года при поддержке наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского начинают работать инструкторские экскурсионные курсы для педагогов, открываются экскурсионные станции в пригородах Петрограда.¹⁵ Новые методические разработки экскурсий стали, однако, выпускаться далеко не сразу. В первые послереволюционные годы были лишь переизданы некоторые дореволюционные пособия, что можно считать примером преемственности экскурсионной работы.¹⁶ По мере того, как советское экскурсионное дело институционализируется и централизуется,

¹³ Гурвич Л. Туризм и экскурсии. М.-Л., 1931.

¹⁴ Школьные экскурсии. С. 5.

¹⁵ Полянский И.И. Опыт новой организации экскурсионного дела в школах // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 3.

¹⁶ См., напр.: Дубянский В.А. Экскурсия на дюны. Очерк Сестрорецких дюн и их растительности. Пг., 1919.

формируются отдельные коллективы, занимающиеся подготовкой инструкций по проведению экскурсионной работы. Так, в «Положении об экскурсионной секции и экскурсионных станциях при Коллегии единой трудовой школы Комиссариата Народного Просвещения» от 1 января 1920 года в обязанность экскурсионным станциям вменялось, кроме всего прочего, издавать «посвященные экскурсионному делу книги, журналы и т.п.».¹⁷ Все это способствовало переходу от единичных публикаций отдельных педагогов к более методичной работе по составлению и отшлифовке рекомендаций, касающихся экскурсионной работы.

В 1920 году выходит, вероятно, первое в советском Петрограде руководство по проведению экскурсий.¹⁸ Его автор, сотрудник экскурсионной станции на Каменном острове, основываясь на собственном опыте, публикует подробные рекомендации по ведению природоведческой экскурсии. На первых порах методические разработки были малочисленны. Это можно объяснить рядом причин, в частности, тем, что в стране в целом выпускалось мало книг, особенно, педагогических изданий. Начиная с 1921 года, когда вышли декреты о платности непериодической печати и частных издательствах, руководства по проведению экскурсий стали выходить регулярно.

Экскурсионно-методическая литература, выпускаемая в 1920-е годы, была разнообразна по форме, содержанию и направленности. К ней можно отнести работы, касающиеся в большей степени теоретических вопросов экскурсионного дела и методические разработки экскурсий без углубления в вопросы теории экскурсоведения. Выпускались эти руководства как одним автором, так и авторскими коллективами, иногда были анонимны. Посвящены они были разным видам экскурсий: естественно-научным, гуманитарным, техническим, экономическим и т.п.¹⁹ Издавались такие пособия чаще всего в виде отдельных книг, объемом от 100 до 200 страниц. Небольшой объем изданий был, вероятно, обусловлен практической направленностью публикаций. Острая потребность в материалах, возникшая в связи с распространением экскурсионного дела, ставила на первое место издание компактных,

¹⁷ Цит. по: *Полянский И.И.* Опыт новой организации экскурсионного дела в школах // *Экскурсионное дело.* 1921. № 1. С. 5.

¹⁸ *Сорохтин Г.Н.* Спутник руководителя по зоологическим водным экскурсиям. Пг., 1920.

¹⁹ Оговоримся, что мы сосредоточим свое внимание больше на гуманитарных, касаясь остальных лишь по мере необходимости.

конкретных руководств по определенным видам экскурсий, а не издание обобщающих трудов, насыщенных теоретическими штудиями. Тираж изданий экскурсионно-методической литературы колебался от трех до пяти тысяч экземпляров, что для того периода считалось оптимальным для научной и научно-популярной книги.²⁰ Можно предположить, что методические разработки имели достаточно широкое распространение. Частое переиздание некоторых работ говорит о востребованности подобных рекомендаций.

Большинство пособий выходило в Государственном издательстве (Госиздате), которое владело исключительным правом на издание и переиздание учебников, учебных руководств и учебных пособий с августа 1921 года.²¹ Часть изданий выпускалась Госиздатом через своих контрагентов – частных издателей. Экскурсионно-методическую литературу выпускало одно из наиболее крупных в Петрограде издательств – «Сеятель», а также кооперативное издательство «Начатки знаний», которое «стремилось стать руководящим центром для всех культурно-просветительских учреждений». ²² Изданием методических разработок также занимались издательство Главполитпросвета – «Красная новь» и партийное издательство «Прибой». Встречаются рекомендации по проведению экскурсий, вышедшие в издательствах государственных институций. Выпуск экскурсионно-методической литературы Госиздатом и издательствами государственных структур влек за собой осуществление более жесткой цензуры над ними.

В связи с созданием государственных организаций, занимающихся экскурсионным делом, составление руководств постепенно перестало быть индивидуальной работой отдельных методистов. Стали появляться методические разработки, выпущенные под грифами различных структур. Изданием экскурсионно-методической литературы, в частности, занимался Губернский подотдел социального воспитания, Ленинградская центральная станция школьных экскурсий, а также Экскурсионная база Губполитпросвета и профсоюзные организации: Ленинградский губернский совет профсоюзов и Дом работников просвещения. Все эти обстоятельства обусловили установление довольно

²⁰ *Свиченская МК* Частное книгоиздание Москвы и Санкт-Петербурга: История, современное состояние, перспективы развития. Прага, 2000. С. 78.

²¹ *Подгорнова АИ*. Советское книгоиздание в 20-е годы. Историко-правовое исследование. М., 1984. С. 11.

²² *Свиченская МК* Частное книгоиздание Москвы и Санкт-Петербурга. С. 63.

жесткого контроля над содержанием экскурсионно-методической литературы. Цензура и самоцензура, в свою очередь, не могла не наложить определенный отпечаток на язык, стиль и содержание методических разработок.

В условиях, когда обозначилось стремление к унификации экскурсионно-методической литературы, язык и стиль каждого издания, однако, все еще оставались индивидуальными. Представляется, однако, возможным выделить несколько групп методических руководств. Первую группу составляют работы тех авторов, которые начали активно практиковать экскурсионный метод до революции (и кого большевики называли «старыми специалистами»). Их путь к сотрудничеству с новой властью был сложен и многообразен. Многие, не будучи чуждыми в юности революционным настроениям, едва ли были способны испытывать симпатию к коммунистической идеологии и практике. Оппозиционная, которая нередко основывалась на «культурном» отрижении представителей «пролетарской» власти, не мешала, однако, участию в создании и работе в новых советских учреждениях. Такими «старыми специалистами» в области экскурсионного дела были уже упоминавшийся нами Борис Евгеньевич Райков и историк-медиевист Иван Михайлович Гревс, опубликовавшие после революции немало своих работ. Их язык отличается литературностью, даже некоторой поэтичностью. Он богат тропами, риторическими вопросами, восклицаниями. Характерен, например, такой пассаж:

...как заправский капитан, руководитель экскурсии ведет свой беспокойный живой корабль по волнам житейского моря, где есть свои подводные скалы – в виде железнодорожных расписаний, свои мели – в виде вокзалов и гостиниц, свои пираты – в виде носильщиков, проводников, извозчиков, где возможны падения за борт, голод.²³

Очищенный от прозаизмов, этот язык соответствует той благородной задаче, которую ставит перед собой автор – возвысить, одухотворить читателя. Читатель – его коллега, интеллигент, имеющий достаточное образование. Это объясняет, например, то, что часто иностранные термины даются без перевода. Язык и стиль рассматриваемых авторов мало менялся на протяжении 1920-х годов. Так, если сравнить первое издание книги Райкова, вышедшее в 1921 году, с четвертым изданием (М.-Л., 1930), то мы найдем мало различий. В последнем появляются лишь понятие «политико-просветработа» и изредка встречается сочетание «широкие массы населения».²⁴

²³ Райков Б.Е. Методика и техника ведения экскурсий. Пг., 1922. С. 96.

²⁴ Немаловажно отметить, что в 1931 году эта книга была крайне жестко раскри-

Следующую группу составляют авторы, представляющие более молодое поколение «экскурсионистов», едва успевшие до революции зарекомендовать себя на просвещенческой ниве и познакомиться с экскурсионным методом. К ним можно причислить, например, заведующую Центральной школьной станцией гуманитарных экскурсий Ксению Владимировну Ползикову-Рубец, педагога, руководительницу экскурсионных курсов Ядвигу Адольфовну Вейнерт (Влядих) и других. Наиболее яркая фигура среди них – известный педагог, культуролог и историк, ученик И.М. Гревса Николай Павлович Анциферов. Язык Анциферова, как и у его наставника, – художественный, поэтичный. Для него характерна образность, в которой, в некоторой степени, можно выявить стилевую рецепцию литературы Серебряного века. Едва ли является случайной такая близость языков разных людей. Это обстоятельство указывает на то, что эти люди были причастны к культуре дореволюционной интеллигенции, где заметно желание перевести наукообразные формулы в художественные тропы, пусть даже и не совсем адекватные им. Витиеватость и риторичность фраз тогда не была в диковинку. Пожалуй, это одна из языковых лабораторий, определяемая единым местом, временем и действием. Не случайно, здесь, как и в работах Гревса и Райкова, просматривается установка, в первую очередь, на читателя-интеллигента. Обилие цитат из художественных произведений, которые часто даются без ссылок, показывают одновременно и широкий культурный кругозор автора, и отношение к читателю как к образованному человеку, которому должны быть известны приводимые строки. Не увидеть, однако, в языке Анциферова идеологических наслоений нельзя. Автор обильно использует такие клише, как «культурная борьба», «культурное строительство» и тому подобные. Более того, иногда в текстах Анциферова ярко проявляется пафос советской риторики. Он не чурается и таких фраз: «при самодержавном режиме в России в массах затуманилась любовь к своему прошлому»; «места, отмеченные революционными событиями, места заключения борцов за освобождение, наконец, могилы вождей, в особенности Ленина, становятся центральным местом притяжения народных масс, вызывая особый интерес и большой подъем».²⁵

тикована уже упоминавшимся нами Л.М. Гурвичем за «внеклассовость и аполитичность», а сам Райков назван «буржуазным идеологом», стремящимся «овладеть командными высотами экскурсионного дела в целях пропаганды буржуазной идеологии» (Гурвич Л. Туризм и экскурсии. М.-Л., 1931).

²⁵ Анциферов Н.П. Теория и практика литературных экскурсий. Л., 1926. С. 43.

Важно отметить, что язык и стиль Анциферова меняется с течением времени. В работах, изданных в конце 1920-х годов, становится меньше поэтических вкраплений, появляется отрывистость, фрагментарность изложения, лозунговость. Язык упрощается, стиль становится директивным. Не исключено, однако, что изменение стиля было вызвано необходимостью приспособливаться к вкусам той аудитории, для которой предназначались методические пособия Анциферова.

Авторами руководств, составляющих последнюю группу, являлись деятели, связанные, в первую очередь, с партийной и общественной работой, а затем уже с экскурсионным делом: Эмма Васильевна Краснуха, Софья Михайловна Левидова, а также сотрудники культотдела Ленинградского губернского совета профсоюзов. Эти разработки представляют собой тексты, политико-воспитательная направленность которых выражена наиболее отчетливо. Язык их более прозаичный, простой, лишенный поэтичности, изыска. Ему чужды тропы. Для него характерны короткие предложения, лозунговость. В тексте специально используются просторечия, разговорные слова («шкурный страх», «веселенькие картинки»); обращение к читателю на «ты». Думается, здесь можно говорить о нарочитой примитивизации языка, что могло помочь стать «ближе к народу».

Мы далеко не всегда сможем объяснить, что именно заставляло авторов экскурсионно-методической литературы использовать ту или иную форму для выражения своих идей, оперировать определенными языковыми штампами и клише. Кроме того, советский язык, как отметил специалист по психологии раннесоветского общества С.В. Яров, не был «чем-то новым или необычным» для интеллигенции: «в нем без труда можно распознать характерные фрагменты типичной интеллигентской лексики. Восхищаясь этикой коммунизма, они, по существу, повторяли старый набор интеллигентских штампов и мифов – делая вид, что им следуют и коммунисты».²⁶ Гораздо важнее для нас то, что, используя и усваивая определенный набор социалистических языковых штампов, авторы методических разработок способствовали их дальнейшему распространению. Порой используемые впоследствии руководителями экскурсий, они внедрялись в сознание экскурсантов – людей, часто в повседневной жизни далеких от политики.

²⁶ Яров С.В. Интеллигенция и власть в Петрограде 1917 - 1925 годов: конформистские стратегии и язык сотрудничества // ИЛЮ. 2006. № 78. С. 21.

Для изучения вопроса о том, насколько руководства по подготовке и проведению экскурсий могли явиться эффективным средством формирования нового мировоззрения, необходимо изучить степень детальности описания и директивности стиля методических пособий. Единообразия в этом отношении нет. В некоторых работах 1920-х годов, как и в дореволюционных экскурсионных руководствах, даются общие методические указания и лишь намечаются планы экскурсий. Чаще, однако, в раннесоветских методических пособиях подробно даются четкие указания об экскурсионном маршруте, приводится характеристика экскурсионных объектов и имеются указания к их осмотру. Эти указания приобретают форму скорее рекомендаций и советов, чем директивных установок. Подробные руководства, для которых характерен директивный стиль, начинают появляться, вероятно, во второй половине 1920-х годов. Ярким примером таких руководств являются, так называемые, «самообразовательные экскурсии», появившиеся в 1927 году и разработанные в большей степени для индивидуальных прогулок. В них мы встречаем множество идеологических оценочных суждений. Кроме прочего, в конце подобных пособий встречаются вопросы для самопроверки, которые часто слабо связаны с предметом экскурсии. «Почему в 1917 году пала монархия?» – предлагается ответить экскурсантам, совершившим прогулку по Детскому Селу.²⁷

Говоря о содержательной стороне рекомендаций по подготовке и проведению экскурсий, можно выделить ряд аспектов. Один из них – вопрос о формировании нравственных и политических ориентиров экскурсанта, важнейший вопрос с точки зрения воспитания «нового человека». Одной из приоритетных задач в этой области авторам методических пособий и статей часто виделось воспитание духа коллективизма. Эта задача не была чужда дореволюционной экскурсионной работе, однако, в раннесоветский период стремление «привить навыки коллективизма» зачастую приобретало идеологическую подоплеку. Так, углубление «коллективности жизни ребят», по мнению Н.К. Крупской, должно было вести к отсутствию потребности в религии у подростков.²⁸ Таким образом, воспитание коллективизма могло оказаться средством антирелигиозной пропаганды. Антирелигиозная пропаганда могла стать и основной задачей экскурсии.²⁹

²⁷ Детское Село. Александровский дворец. Самообразовательная экскурсия. С. 23.

²⁸ *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения. Т. 3. М., 1959. С. 202.

²⁹ *Роголь А.* Экскурсии и антирелигиозная пропаганда // *Спутник экскурсанта.* 1925. № 1. С. 8-10.

Вовлечение в борьбу с религией, с суевериями и, в целом, с «прежитками прошлого» было немаловажной составляющей экскурсионной работы. Экскурсии должны помогать, по мнению авторов методических руководств, «разогнать тот туман суеверий, которым окутано еще наше общество» и «способствовать развитию материалистического мирозерцания». ³⁰ Со страниц одного из пособий звучал даже призыв к будущим руководителям экскурсии бороться «с обывательским протестом, [...] который приносится детьми из дому». ³¹ Помимо идей воспитания в духе большевистской идеологии, при анализе текстов экскурсионных пособий отчетливо видны также и попытки внедрить в экскурсионную практику идеи воспитания общечеловеческих качеств, гармоничного развития личности. В частности, особый акцент делался на эмоциональном развитии экскурсантов. ³²

Кроме вопроса о воспитательных принципах, для теоретиков и практиков экскурсионного дела был, конечно, важен вопрос об образовании или «культурном просвещении» «нового человека». Знания о прошлом формировались на экскурсиях по центральной части города (по Невскому проспекту, Садовой улице и т.д.), к рабочим окраинам (например, на Выборгскую сторону, в район Путиловского завода) и загород (в Пушкин, Павловск и т.д.). ³³ Особое внимание уделялось авторами местам, связанным с революционным прошлым. В методических руководствах рекомендовали посетить памятники декабристского и народовольческого движения, первой русской революции, событий февраля и октября 1917 года: Петропавловскую крепость, Таврический дворец, Смольный, Музей Революции и тому подобные объекты. ³⁴ Начали разрабатываться, но пока не получили распространения, экскурсии по местам «жизни и деятельности» В.И. Ленина. ³⁵

³⁰ *Васильковский П.* Для чего нужны естественно-исторические экскурсии // *Спутник экскурсанта*. 1926. № 8. С. 106; *Внешкольные экскурсии* // Ред. Б.Е. Райков. М., 1924. С. 23.

³¹ *Современность в школе I ступени* // Ред. А.Г. Ярошевского. С. 125.

³² *Герд В.А.* Экскурсионное дело. М.-Л., 1928. С. 39; *Скритиль М.* Ведение литературных кружков в рабочих клубах. Очерк II. Литературные экскурсии. Л., 1924.

³³ См., например: *Экскурсионная практика ЛОНО. Пособие для руководителей экскурсий* / Ред. Н.А. Кузнецов и К.В. Ползикова-Рубец. Вып. 1. Л., 1925; *Экскурсии в культуру* / Ред. И.М. Гревс. Л., 1925 и др.

³⁴ См., например: *Внешкольные экскурсии*. М., 1924; *Шалашев П.Г.* Летние экскурсии и прогулки молодежи. Л., 1926; *Левидова С.М.* Экскурсия на тему «От февраля к октябрю: Таврический дворец и Смольный». Л., 1926; *Ползикова-Рубец К.В.* Петропавловская крепость. М.-Л., 1927 и др.

³⁵ См., например: *Мани Э.Р.* Вслед за Лениным. Материалы для экскурсий по Ленинграду. М.-Л., 1928.

Необходимо отметить, что, несмотря на угрозу обвинения в «голом культурничестве», значительное место отводилось также историческим сюжетам, не связанным напрямую с историей революционного движения.³⁶ Здесь приоритет часто отдавался эпохе Петра I. Нередко объектами экскурсии становились Троицкая площадь, Васильевский остров, Летний сад и Медный всадник.³⁷

Большое распространение получили и литературные экскурсии по местам, связанным с жизнью писателя, его эпохой или действующими лицами художественных произведений. Экскурсантам предлагается исследовать места, ассоциирующиеся с литераторами, ставшими уже классиками: М.В. Ломоносовым, Г.Р. Державиным, А.Н. Радищевым, А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Н.А. Некрасовым, Ф.М. Достоевским и другими. Но не забыты авторами методических пособий и писатели-современники: М. Горький, А.А. Блок. Иногда в экскурсионных руководствах открыто делается акцент на «революционности» того или иного писателя и идеологической ценности темы.³⁸

Особое внимание, конечно, уделялось авторами методических пособий связи того или иного места или персонажа с революционным движением. В методическом пособии «Новый Петергоф» о железнодорожном вокзале упоминается лишь постольку, постольку «на его платформе 13 августа 1906 г. был убит Зинаидой Коноплянниковой командир гвардейского Семеновского полка генерал Мин».³⁹

То, что предлагаемые для осмотра объекты были часто слабо связаны с политической жизнью, не означало того, что рассказ о них был лишен идеологии. Часто выбранная перспектива изучения того или иного памятника, то, каким образом расставлялись акценты, могло произвести очень сильный идеологический эффект. Этой идеологической призме изучения экскурсионных объектов уделяли в своих работах внимание руководители «культурного фронта» страны. Так, Н.К. Крупская подчеркивала, что на экскурсиях важно «научить видеть в области общественных отношений».⁴⁰

³⁶ Обвинения авторов работ по экскурсионному делу в аполитичности и голом культурничестве особенно получают распространение в конце 1920-х – начале 1930-х гг. См., например, Гурвич Л. Туризм и экскурсия. М.-Л., 1931.

³⁷ См., например: Внешкольные экскурсии; *Анциферов Н.П.* Теория и практика экскурсий по обществоведению. Л., 1926 и др.

³⁸ *Мушиников В.Ф.* Из литературного прошлого. М.-Л., 1927; *Скритиль М.* Ук. соч.

³⁹ Новый Петергоф. С. 6.

⁴⁰ *Крупская Н.К.* Экскурсионный метод. С. 9.

Но, вероятно, не все руководители экскурсий ясно осознавали эти требования и, главное, претворяли их в жизнь. Бессменный руководитель Главполитпросвета с возмущением отмечала:

Сейчас сплошь и рядом можно натолкнуться на такое явление. Едут осматривать совхоз. Что смотрят? Насколько оборудован сельскохозяйственными машинами данный совхоз, как ведет хозяйство, какими силами работает? Совсем нет! Осматривают расписные потолки и изящную старинную мебель и при этом говорят не о том, что эта роскошь существовала бок о бок с крестьянской нищетой и темнотой, а об облагораживающем влиянии искусства.⁴¹

Ей вторил П.П. Блонский:

вот, скажем, происходит экскурсия в монастырь, происходит экскурсия в какое-нибудь из старых дворянских гнезд [...] Старое дворянское гнездо – и возможны здесь длительные разговоры о тонкостях этой старой помещичьей культуры и ни слова о том крепостном праве, на основании которой она развивалась.⁴²

Некоторые авторы методических разработок делали все возможное, чтобы избежать распространения подобных «ошибок». «Элементы политического просвещения» в тексты руководств по организации и проведению экскурсий «внедрялись» разными путями. Авторы руководств старательно подчеркивали классовые противоречия, царящие в прежней России, бедственное положение рабочих до революции, эксплуатацию крестьян, роскошь и праздность двора. Особенно заметны эти акценты в руководствах второй половины 1920-х гг.: «200 лет с лишним нынешний Ленинград был столицей и русские самодержцы окружили город пышными, ослепляющими своим богатством, дворцами и парками. Только огромная затрата человеческого труда и бездумное расходование народных денег (курсив мой – В.Б.) могли превратить болота в парки замечательной красоты»⁴³, – так предлагалось в одной из брошюр знакомить «нового человека» с азами теории классовой борьбы.

Нередко внимание руководителей экскурсий обращалось на необходимость противопоставления «старого» и «нового» быта, причем неизменно все старое должно быть окрашено в темные цвета, а новое – исключительно в светлые. Так, в рекомендациях по проведению экскурсии в казармах постоянно подчеркивается улучшение жизни советского солдата по сравнению с солдатом царской армии.⁴⁴ Справедливости ради стоит отметить, что

⁴¹ Там же. С. 8.

⁴² Блонский П.П. Ук. соч. С. 19.

⁴³ Новый Петергоф. Дворец и парк. Самообразовательная экскурсия. Л., 1927. С.3.

⁴⁴ Экскурсионная практика. Город, быт производство в школах 1 ступени / Ред. К.В. Ползикова-Рубец. Л., 1926.

желание выделить контраст «старого» и «нового» – не особенность раннесоветского времени, оно характерно для любой революционной эпохи. Размышляя, однако, над контрастностью до- и после-революционной жизни, экскурсант постепенно мог убедиться в правильности пути, предложенного большевиками. И это убеждение было важно для «нового советского человека».

Более важным, чем знание исторического прошлого, для «нового человека» было понимание различных граней современной ему жизни. Он должен был легко ориентироваться в вопросах экономики и политики, а также приобретать новые умения и навыки, нужные ему как в профессиональной деятельности, так и в общественной жизни. Экскурсии «в современность» особо поддерживались деятелями «культурного фронта». «В городе, – писала Крупская, – надо устраивать экскурсии к кустарям, в ремесленные заведения, на фабрики и заводы <...> обследовать первичные ячейки: фабзавкомы, ячейки профсоюза».⁴⁵ Экскурсии начинают выступать средством производственной пропаганды и пропаганды советской административной системы для рабочих и составной частью трудового воспитания для школьников. Так, например, Мартовская экскурсионная конференция 1923 года выдвинула на первый план «вопрос о производственных экскурсиях, как наиболее ярком и конкретном способе производственной пропаганды, нуждающемся в усиленной проработке».⁴⁶

Ориентируясь на рекомендации руководителей «культурного строительства» и принимая во внимание школьные программы по обществоведению Государственного ученого совета, методисты экскурсионного дела разрабатывали многочисленные пособия по организации экскурсий «в современность». Учащимся предлагались экскурсии на промышленные предприятия (на фабрики, заводы, в типографии), посещения водопроводной станции, порта, трамвайного парка, общественных столовых, рынков, школ, казарм, кооперативов.⁴⁷ Взрослые должны были, по мнению авторов руководств, посещать заводы, совхозы, колхозы, крупные стройки (Волховстрой, Днепрострой).⁴⁸ Вероятно, однако, что

⁴⁵ *Крупская Н.К.* Экскурсионный метод. С. 10.

⁴⁶ Вторая московская экскурсионная конференция в 1923 году // Коммунистическое просвещение. 1923. № 3 С. 177.

⁴⁷ Экскурсии в современность / Ред. Н.А. Кузнецов. Л., 1925; Экскурсионная практика. Город, быт производство в школах 1 ступени / Ред. К.В. Ползикова-Рубец. Л., 1926; Экскурсионная практика. Тема «Транспорт» в школах 1 ступени / Ред. К.В. Ползикова-Рубец. Л., 1926 Экскурсионная практика. Темы «Рынок», «кооперация», «хлебзавод» в школе 1 ступени/ Ред. К.В. Ползикова-Рубец. Л., 1926 и др.

⁴⁸ См., например: Внешкольные экскурсии, Краснуха Э.В. Экскурсии в парпшколе. М.-Л, 1927

количество предлагаемых пособий руководители агитпропструктур считали недостаточным, так как они отмечали неглубокую разработанность экскурсий «в современность».⁴⁹

Подводя итоги, можно сказать, что авторы методических разработок не ставили перед руководителями экскурсий откровенно политизированных целей, в их предложениях присутствовал лишь легкий идеологический налет, хотя и не последнее место в выборе тем играла политическая конъюнктура. Именно в это время более отчетливой стала попытка выбора «правильной» идеологической призмы показа экскурсионного объекта и активное внедрение в экскурсии элементов «политического воспитания».

Образ «нового человека», который должен был быть воспитан, в частности, путем участия в экскурсиях, рисуется нам таким. Он – личность, которой не чужды духовные искания. Ему присущ дух коллективизма. Он далек от суеверий и предрассудков «старого быта». Этот «новый человек» имеет весьма отчетливое представление об историческом прошлом, но близок к тому, чтобы смотреть на историю с идеологических позиций, определенных большевиками. Он хорошо ориентируется в вопросах современности, постоянно повышает свой профессионализм и «активно участвует в социалистическом строительстве и общественной жизни». Портрет этот, нарисованный с очень большой долей условности, представляется «дорисовкой» тех очертаний, которые набросали большевистские лидеры.

⁴⁹ *Крутская НК* Ук. соч.; Невский В.А. Массовая политико-просветительная работа революционных лет. Критический обзор важнейших форм агитации и пропаганды. М.-Л., 1925 и др.

Роман Любавский

**«В клуб рабочий от станка металлист шагает»:
деятельность клубов для рабочих в Харькове
в 1920-е годы**

Лидеры партии большевиков в своих публичных речах и выступлениях неоднократно заявляли, что революция 1917 года была совершена с целью построения нового справедливого общества. Для достижения этой цели революционеры, руководствуясь социалистическими идеалами о государственном устройстве, целенаправленно воздействовали на общественные структуры, стремились их реорганизовать. Английский философ Бертран Рассел во время пребывания в Москве в 1920 году заметил, что отличительной чертой большевизма была вера в возможность преобразования человеческой природы¹. Партийные идеологи понимали, что «рождение» нового советского человека возможно лишь при изменении жизненного уклада социума, его ценностных ориентиров и повседневных практик. Для этого обществу необходимо было усвоить комплекс новых общественно-политических и морально-нравственных идеалов. По мнению Льва Троцкого, для того, чтобы люди восприняли политические лозунги и партийные директивы как нечто свое, они должны были подойти к ним по ступеням повседневного опыта. Ключевая роль в этом процессе должна была принадлежать клубам для рабочих².

Несмотря на значение, которое придавала советская власть рабочим клубам, в историографии они плохо освещены. В советскую эпоху исследователи рассматривали клубы как центры политического образования и воспитания, поэтому изучали их в контексте советского культурного строительства³. Современные ученые специально не изучают деятельность клубов, хотя и упоминают о них в исторических исследованиях отдельных городов⁴. Таким образом, специальных работ по изучению функций и задач, которые советская власть ставила перед клубами, в современной историографии нет. Целью данной работы является

¹ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 100.

² См., например: *Троцкий ЛД. Ленинизм и рабочие клубы (речь на совещании клубных работников 17-го июля 1924 г.)*. М., 1924. С. 9–10.

³ *Коваленко ІЗ. Установи політосвіти на Харківщині*. Харків, 1927. С. 16.

⁴ Например, в работе, посвященной истории Харькова: *Лейбфрейд А., Полякова Ю. Харьков от крепости до столицы*. Харьков, 1998. С. 22; *Очерки истории профсоюзов Харьковщины* / Ред. В.Г. Антонов. Харьков, 1999. С. 65.

исследование функционирования клубов для рабочих города Харькова в 1920-е годы как ретранслятора властных идеологем. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что Харьков, столица Советской Украины, на протяжении 1920-х годов имел имидж прогрессивного советского города, в котором с наибольшей полнотой были воплощены многие из идей социалистических преобразований⁵.

Клубы для рабочих появились в Харькове в первые месяцы после февральской революции 1917 года. Ведущая роль в их организации принадлежала профсоюзам. Так, клуб профсоюза «Металлист», созданный на базе существовавшего еще до революции «Дома рабочих», считался образцовым⁶. Кроме профсоюзных, в городе были открыты государственные и ведомственные клубы. По данным статистики во второй половине 1920-х годов в Харькове функционировало 52 клуба для рабочих⁷, 18 из них принадлежало профсоюзным организациям, 12 было организовано при предприятиях⁸.

После провозглашения советской власти в Харькове, клубы стали, прежде всего, местом проведения пропагандистских акций и «ритуалов» советской системы, своеобразной площадкой, на которой политический режим принимал облик «инсценирующей диктатуры»⁹. Они являлись мультифункциональным инструментом популяризации идей нового быта и одним из каналов их внедрения. В клубах проводилось много разнообразных мероприятий: церемонии празднования календарных праздников и советских «обрядов» жизненного цикла, юбилеи революционных событий, годовщины лидеров государства и классиков марксизма-ленинизма. Все эти виды деятельности, известные в научной литературе как отдельные примеры, в Харькове, столице Советской Украины, существовали в большинстве рабочих клубов. С целью популяризации политических лозунгов в них устраивались выступления «живых» газет, проводились вечера вопросов и ответов, литературные суды над пьесами, книгами, газетными статьями. Немало внимания клубные работники уделяли

⁵ См. подробнее об этом: *Кравченко В.В.* Харьков // Харків: столица Пограниччя. Вильнюс, 2010. С. 242–261.

⁶ *Антухин В.* Первые шаги культработы на Харьковщине // Культработник. 1927. № 19. С. 20.

⁷ *Коваленко Л.З.* Установи політосвіти на Харківщині. Харків, 1927. С. 16.

⁸ Очерки истории профсоюзов Харьковщины. С. 79. Стоит отметить, что в этом перечне указаны только те клубы, которые имели фиксированное членство.

⁹ См. об этом понятие: *Рольф М.* Массовые советские праздники. М., 2009. С. 7.

организации семейных вечеров, которые задумывались ими как образцы публичного рационально организованного отдыха.

Рассмотрим наиболее показательные практики проведения календарных праздников и советских «обрядов» жизненного цикла. В начале 1920-х годов большевики взяли курс на вытеснение из повседневной жизни пролетариата религиозных празднеств, популяризацию новых праздничных дат. Специально для агитаторов и партийных работников был разработан «Календарь коммуниста», в котором были собраны все знаменательные события, вошедшие в советский праздничный пантеон¹⁰. Календарь был снабжен обширными комментариями, которые были направлены на разъяснение происхождения революционных праздников, их отличия от религиозных. Рабочие клубы Харькова становились, прежде всего, местом проведения праздничных торжеств, посвященных политической борьбе пролетариата (День Парижской коммуны, Первое мая и другие). Официальные празднества были инструментом популяризации политических целей советской власти. Большевики использовали их для того, чтобы продемонстрировать новый порядок и реально укоренить его в жизни общества¹¹.

При проведении торжеств клубные работники акцентировали внимание рабочих на историческом значении события и его влиянии на современную жизнь. Помещения клубов были украшены лозунгами и плакатами, насыщенными идеологически выверенными образами релевантного прошлого. Релевантное значит пригодное для включения в ту цепочку событий, в которой прошлое неразрывно связано с настоящим, а настоящее также неразрывно связано с ожидаемым будущим¹². Известно, что советская пропаганда делала акцент на построении «светлого будущего». Это открывало прекрасные возможности для освобождения от критических замечаний и утверждения, что только в будущем проявятся все достоинства современных преобразований¹³. Лидеры партии осознавали необходимость демонстрации неразрывной связи между прошлым, настоящим и будущим, чтобы у обывателя не возникло ощущения противоречивости советской

¹⁰ Календарь коммуниста на 1923 год. М., 1922; Календарь коммуниста на 1924 год. М., 1924; Календарь коммуниста на 1925 год. М., 1925; Календарь коммуниста на 1928 год. М., 1927.

¹¹ *Рольф М.* Массовые советские праздники. С. 9.

¹² *Филиппов А.Ф.* Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. М., 2004. С. 54.

¹³ *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996 С. 457.

политической системы. Большевики использовали рабочие клубы в качестве ретранслятора образов релевантного прошлого. Так, по мнению партийных идеологов, широкое отмечание новых праздничных дат «давало рабочим ключ к пониманию исторической закономерности общественного развития и стимулировало их на дальнейшую борьбу за достижения конечной цели – построения коммунизма».¹⁴

Советские праздники представляли собой инициированные и контролируемые государством мероприятия и были, таким образом, праздниками «официальной культуры»¹⁵. Клубы для рабочих участвовали в проведении массовых советских праздников, организации манифестаций. Перед руководителями кружков самодеятельности, организованных при клубах, ставилась задача изготавливать карнавальные костюмы и транспаранты¹⁶. Харьковские клубы, выполняя эти рекомендации, первого мая проводили различные мероприятия, транслировали фильмы, устраивали вечера встреч рабочих с делегациями из других городов¹⁷. Таким образом, рабочие клубы становились местом, где фокусировалась праздничная сторона советской политической системы.

Индоктринацию новых общественных ценностей в повседневную жизнь рабочих идеологи советского строя осуществляли также с помощью политизации традиционных праздников и форм их проведения. Это можно проследить на примере празднования встречи Нового года в клубах для рабочих Харькова. Журналисты региональных периодических изданий писали о том, что новый календарный год будет годом решительной политической борьбы и новых побед пролетариата¹⁸. Внимание клубных работников было сконцентрировано на проведении праздничной церемонии. Большевики учитывали популярность этого праздника среди населения и делали ставку на то, чтобы использовать его для проведения агитации на повседневном уровне. Излюбленным приемом советской власти все больше становилось наполнение традиционных праздников новым смыслом. Понятно, что одним из символов Нового года была

¹⁴ Пролетарские праздники в рабочих клубах / Ред. *НК Крупская*. М., 1924. С. 3.

¹⁵ *Рольф М.* Массовые советские праздники. С. 17.

¹⁶ Клуб в день 1 Мая. М., 1924. С. 6.

¹⁷ План празднования 1 мая в Харькове // *Харьковский пролетарий*. 1926. 27 апреля; План празднования 1 мая // *Харьковский пролетарий*. 1929. 19 апреля.

¹⁸ *Рязнов Н.* Наш новогодний подарок // *Харьковский пролетарий*. 1925. 1 января; Десять новых годов // *Харьковский пролетарий*. 1928. 1 января.

украшенная игрушками елка. Известно, что в 1927 году накануне праздника в клубах Харькова были установлены «советские елки». Клубные работники украшали их игрушками – фигурами пионеров, которые держали в руках политические лозунги¹⁹. Таким образом «старое», традиционное торжество проходило в новом, искусственно созданном визуально-коммуникативном пространстве. Целью мероприятия было укоренение в быту новой системы общественно-политических ценностей. Не претендуя на полный анализ отношения советской власти к елке как символу новогодних и рождественских праздников²⁰, отметим, что оно изменялось на протяжении 1920-х годов. Так, в середине десятилетия большевики предпринимали попытки изменить содержание образа елки, советизировав ее облик (украшение пионерами и лозунгами). В конце 1920-х годов дизайнеры новой культуры решили отказаться от этого праздничного атрибута как от пережитка прошлого. В 1929 году харьковские журналисты призывали рабочих стать «врагами религии и друзьями леса», отказаться от традиции установления хвойных деревьев в домах, поскольку это ведет к уничтожению лесных массивов²¹. На рубеже 1920-1930-х годов рождественская елка стала маргинальной, и ее перестали устанавливать в рабочих клубах.

Важным и весьма информативным источником для изучения празднования Нового года в харьковских рабочих клубах являются заметки рабочих корреспондентов, опубликованные на страницах региональной прессы. Исследование материалов периодической печати показало, что агитационные мероприятия в новогоднюю ночь проводили лишь некоторые клубы. Так, в 1929 году образцовый новогодний праздник состоялся в клубе работников железной дороги. Вниманию посетителей клуба были представлены номера художественной самодеятельности, различные игры, выступления «живых» газет. Корреспонденты подчеркивали, что в полночь, во время кульминации праздника, в клубе была поставлена инсценировка, сюжет которой сводился к тому, что «пьяница, растратчик и бюрократ выметались как сор новым 1929 годом».²² Однако зачастую «официальная» часть праздника в клубах состояла из чтения доклада о внутреннем и международном положении СССР. После этого начиналось

¹⁹ Гец С. Советизация елки // Культработник. 1927. № 3. С. 36.

²⁰ См. подробно об этом: Душечкина Е. Русская елка: история, мифология, литература. СПб., 2012. С. 213–292.

²¹ Враг религии – друг леса // Харьковский пролетарий. 1929. 21 декабря.

²² Новый год по-новому встретили рабочие клубы окраин // Харьковский пролетарий. 1929. 1 января.

массовое гуляние с употреблением спиртных напитков, которые рабочие покупали в клубных буфетах или приносили с собой.

Советская власть уделяла особое внимание подготовке и организации показательных мероприятий в преддверии наиболее почитаемых христианских праздников, Рождества и Пасхи. Пропагандисты ставили цель вытеснить церковные празднества из повседневной жизни населения, заменив их советскими годовщинами «красного» календаря. Для достижения этой цели партийное руководство использовало различные приемы и методы агитации. По мнению партийных идеологов, для того, чтобы изжить религиозные традиции, пролетариату необходимо было продемонстрировать альтернативу, отвлечь рабочих от церковных праздников. Эта задача и была возложена на рабочие клубы. Советская власть стремилась заинтересовать рабочего в проведении праздничных дней не в церкви, а в клубе²³. Культработники вели со священниками настоящую «войну» за посетителя. Рабочие клубы в этой борьбе опирались на поддержку государства, церковь – на силу традиции. Рассмотрим некоторые приемы, которыми пользовались агитаторы для популяризации деятельности клубов во время рождественских праздников. Журналисты специализированных изданий обращали внимание клубных работников на необходимость изготовить большую и приметную вывеску с названием клуба для привлечения рабочих. Многие люди часто не могли отыскать неприметную входную дверь²⁴. Региональные периодические издания задолго до праздников начинали рекламу концертных программ клубов, анонсируя на своих страницах мероприятия, которые пройдут в рождественские дни²⁵. В 1929 году редакция газеты «Харьковский пролетарий» призвала клубных активистов «дать бой Рождеству».²⁶ Чтобы привлечь посетителей, клубные работники устраивали киносеансы, театральные представления и танцы – наиболее популярные мероприятия среди рабочих. Однако обследование нескольких харьковских клубов накануне Рождества показало, что некоторые руководители не составили какой-либо программы масштабных антирелигиозных мероприятий. Журналисты

²³ Клубы в борьбе с религиозным дурманом // Харьковский пролетарий. 1929. 6 января.

²⁴ О быте рабочего клуба // Рабочий клуб. 1925 № 2. С. 24.

²⁵ Клубы 24, 25 и 26 декабря. Детские утренники, массовые походы, игры, семейные вечера // Харьковский пролетарий. 1928. 24 декабря; В ответ на поповское рождество // Харьковский пролетарий. 1928. 24 декабря.

²⁶ Дадим бой Рождеству. 25 и 26 декабря должны работать все клубы, театры, кино // Харьковский пролетарий. 1929. 21 декабря.

били тревогу, что антирелигиозные «компании» в клубах длились (если вообще проводились) лишь несколько дней и не были систематическими²⁷. Таким образом, можно утверждать, что руководители клубов все же не делали исключительного акцента на антирелигиозной пропаганде.

В свою очередь, рабочие использовали возможность проведения досуга в клубе, однако и не отказывались от традиционных практик празднования Рождества. В дни религиозных праздников клубам не удавалось привлечь большое количество рабочих и выдержать конкуренцию с церковью. Журналисты объясняли это тем, что клубные помещения зачастую были тесны и неудобны²⁸. Как писали рабочие корреспонденты, обстановка в клубах действительно была неприглядной, «сухой и казенной», что отталкивало рабочих от посещения клубов²⁹. При этом данные письменного опроса группы московских партийных агитаторов-массовиков, проведенного Л. Троцким в 1923 году, свидетельствуют, что церковная обстановка сильно привлекала трудящихся, она соответствовала их настроению, поскольку воссоздавала атмосферу праздника. Один из вопросов анкеты касался традиционной церковно-бытовой обрядности и ее места в повседневной жизни рабочих. Суть вопроса состояла в том, чем была заменена эта обрядность и была ли эта замена эффективной³⁰. Один из респондентов обратил внимание на то, что настроение в праздничное время у людей такое, что «хочется куда-нибудь пойти». Рабочие шли в храмы, потому что «там действительно все блестит и все красиво», хор поет лучше, чем участники клубной самостоятельности, и вход бесплатный³¹. Очевидно, что для пролетариев атмосфера в церквях была более эмоционально привлекательной, чем в клубах. Это подтверждают данные материалов региональной прессы. В 1928 году харьковские корреспонденты писали, что клубам не удалось «заглушить колокольный звон» и отвлечь рабочих от церковных праздников³².

Рассмотрим деятельность клубов для рабочих во время Пасхи. Естественно, что в советском дискурсе доминировал негативный образ этого праздника. Журналисты стремились представить

²⁷ Разве так выходят на бой? // Харьковский пролетарий. 1929. 24 декабря.

²⁸ Энге. Улучшить клубную работу // Харьковский пролетарий. 1926. 19 августа.

²⁹ О массовой работе рабочих клубов // Харьковский пролетарий. 1926. 2 марта.

³⁰ Троцкий Л.Д. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923. С. 128.

³¹ Там же. С. 131–132.

³² В церкви – празднично, в клубе – буднично // Харьковский пролетарий. 1928. 10 января.

религиозный праздник лишь в виде очередного повода для массового гуляния³³. На клубы возлагалась задача организовать для рабочих культурную программу, которая соответствовала партийным идеологическим установкам и наглядно демонстрировала ложность религиозных воззрений. Организация праздничных мероприятий была высшей формой репрезентации политической системы, потому что при их проведении соединялись воедино разные уровни выражения: слово, изображение, движение, инсценировка³⁴. Так, в Харькове в середине 1920-х годов государственное издательство Украины опубликовало специальный сборник инструкций и материалов для проведения антирелигиозной работы в клубах в канун Пасхи³⁵. Согласно плану, разработанному агитаторами, вечером перед праздником в клубе должен был читаться доклад «о классовой сущности религии». После него авторы предлагали поставить комедийную пьесу, в которой высмеивались некоторые разночтения в библейских текстах. Пропагандисты стремились подвести научную основу под критику религиозных праздников, что было типичным для государственной пропаганды³⁶. Во время перерыва актеры на сцене должны были петь антирелигиозные частушки. Клуб следовало украсить лозунгами, плакатами с цитатами из работ Карла Маркса и Владимира Ленина, карикатурами на священников³⁷. Таким образом, советская власть смотрела на клубы для рабочих как на очень важный инструмент антирелигиозной пропаганды.

Следует отметить, что по отношению к клубным работникам часто используются оценки их деятельности лишь как функционеров на «культурном фронте». Однако эти работники нередко проявляли творчество, самостоятельно разрабатывали различные проекты инкорпорации новых общественно-политических ценностей в повседневный мир рабочего. С инициативой выступали и отдельные граждане. Так, в 1925 году в редакцию журнала «Рабочий клуб» пришло письмо некоего Вительса, в котором он изложил свою идею создания антирелигиозных игровых карт³⁸. В 1920-е годы существовало множество подвижных

³³ 14, 15 и 16 апреля. Три дня оголтелого обжорства и пьянства // Харьковский пролетарий. 1928. 18 апреля.

³⁴ *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 287.

³⁵ Пасха в рабочем клубе. Сборник материалов. Харьков, 1925.

³⁶ *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. С. 456.

³⁷ Пасха в рабочем клубе. С. 4.

³⁸ *Вительс.* Поповские слезы (карты безбожника) // Рабочий клуб. 1925. № 8–9. С. 64–66

и настольных игр, которые проводились в клубах с целью латентной политизации досуга (эти игры назывались “политлото”, “политфанты” и так далее). Однако идея создания карт для безбожников заслуживает внимания из-за стремления изобретателя игры сделать ставку на ее азартности и визуально-эмоциональном влиянии на человеческую психику. По замыслу Вительса, игра велась 36 картами, колода состояла из карт черной («поповские») и красной масти («советские»). При этом все карты красной масти считались козырными. Смысл игры заключался в том, что каждой карте черной масти (с изображением крестин, венчания в церкви, лечения чудодейственными иконами) противостояла карта красной масти (на которых были запечатлены октябрины, регистрация в ЗАГСе, оказание врачебной помощи в больнице). «Советская» карта с изображением, например, «гражданских похорон» могла побить только карту «поповских похорон»³⁹. Образование четких дихотомических пар, по-видимому, должно было укрепить в сознании игрока представление о сути различия «новых» и «старых» элементов бытовой обрядности. По словам автора, суть идеи состояла в том, что карты черной масти игроку было иметь невыгодно, поэтому он злился бы, когда они ему попадались. Расчет делался на то, что злость, возникающая при получении карты черной масти, непроизвольно переносилась бы на то, что на ней изображено. Хорошее настроение игрока, имеющего карту с изображением октябрин, могло трансформироваться в позитивное отношение к самим октябринам. Вительс понимал, что с помощью этой игры невозможно перевоспитать человека, однако считал ее той каплей, которая точит камень⁴⁰. Учитывая популярность карточных игр среди рабочих и существование различных «суррогатных» праздников (комсомольское рождество⁴¹ и другие), понятно, что эта идея родилась не случайно, а была отражением меняющегося общественного сознания. В источниках нет информации о том, играли ли в эти антирелигиозные карты рабочие харьковских клубов. Однако подобные проекты демонстрируют варианты адаптации игровой культуры к партийным доктринам.

Дизайнеры новой культуры понимали, что вытеснить из повседневной жизни традиционные обряды жизненного цикла достаточно трудно, обществу необходимо предлагать альтернативы

³⁹ Там же. С. 64.

⁴⁰ Там же. С. 65.

⁴¹ Комсомольское рождество в клубах. Сб. материалов / Ред. М. Лисовский Л., 1925.

(«пролетарские» свадьбы, «красные» крестины). Хотя источники не дают ответа на вопрос, как часто проводились «пролетарские» свадьбы, анализ отдельных случаев дает возможность понять, каким образом власть стремилась использовать рабочие клубы для демонстрации новых общественных ценностей и их распространения через повседневные практики. Например, образцовая «красная» свадьба была сыграна 15 января 1924 года в клубе рабочих пищевой промышленности Харькова. Организаторы мероприятия делали акцент на символическом значении проведения свадебной церемонии не в церкви, а в клубе⁴². Власть демонстрировала обществу наличие альтернативы устоявшимся традициям, образцы новых социальных отношений, примеры для подражания. Корреспонденты изображали молодоженов новыми советскими людьми, которые отказались от существующих норм и вступили в брак согласно новому революционному ритуалу. Проведение свадебной церемонии было похоже на заседание комиссии, которая разбирала вопрос о вступлении в брак. Руководство клуба выступило с поздравительным словом, в котором рассказало о сути и значении нового быта. Молодожены, члены профсоюза рабочих харьковской промышленности, торжественно вступили в брак и взяли на себя обязательство вступить в союз коммунистической молодежи. Итак, советская власть использовала клубы, не только для демонстрации нового порядка вещей, но и для укоренения его в повседневной жизни рабочих. Идеи переустройства общественного строя «обкатывались» в клубах в форме торжественных презентаций. Таким способом клуб пытался выполнять возложенную на него функцию социалистического перевоспитания рабочих.

Современные исследователи все чаще обращают внимание на вовлеченность населения СССР в процессы, которые не являлись особенностью советской системы. Советский Союз существовал во время «века масс», поэтому не мог находиться вне процессов становления массового производства и потребления, массовой политики и культуры⁴³. Это определило облик советского культурного ландшафта. Как отмечал Джеймс фон Гелдерн, советские газеты «печатали и подобострастную лесть, и острую сатиру; советские киностудии производили мюзиклы в голливудской манере и картины о Гражданской войне; по радиоволнам

⁴² Не в церкви, а в клубе (пролетарская свадьба) // Пролетарий. 1924. 16 января.

⁴³ *Коткин С.* Новые времена: Советский союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия: Сборник статей / Ред. М.О. Хархордин. СПб.-М., 2001. С. 239.

разносились производственные марши и меланхоличные шансоны».⁴⁴ Государство стремилось не только перевоспитать, дисциплинировать общество, но и удовлетворить запросы публики. Это можно наблюдать на примере деятельности харьковских клубов для рабочих. Высшее руководство осознавало необходимость разработки серии мероприятий, которые составили бы основу клубной работы. Эти вопросы неоднократно ставили перед собой и руководители клубов. Так, делегаты городской конференции клубных работников пришли к выводу, что они уделяли недостаточно внимания политическим кампаниям, революционные праздники проводились по шаблону⁴⁵. Как свидетельствуют результаты обследования деятельности харьковских клубов, инициированного их руководством, наиболее популярным видом работы была организация спектаклей, концертов и киносеансов⁴⁶. Советская власть стремилась использовать эти мероприятия в своих целях. Исследование делопроизводственной документации Харьковского райкома Всесоюзского союза рабочих металлистов показало, что руководители клубов ратовали за выступление культработника перед началом спектаклей, который объяснял бы аудитории смысл той или иной пьесы⁴⁷. Власть старалась не допустить вольных интерпретаций сюжета, рабочие должны были правильно его воспринять. Типичным было явление, когда руководство клуба для того, чтобы привлечь внимание трудящихся к заседанию, на котором обговаривались проблемы оптимизации клубной работы, перевыборы администрации и прочее, по окончании мероприятия обещало устроить киносеанс. Не удивительно, что посетители постоянно прерывали докладчиков выкриками: «Хватит! Давай кино!».⁴⁸

На протяжении 1920-х годов «культурный менеджмент» советской власти был направлен на воспитание у людей чувства коллективизма, маркера нового человека. Советский человек должен был включать в число своих первостатейных качеств способность эффективно и рационально пользоваться временем. Партийные идеологи стремились навязать населению новые представления о свободном времени⁴⁹. Это обусловило возникновение новых

⁴⁴ Цит. по: *Коткин С.* Новые времена. С. 250.

⁴⁵ Как отдыхает рабочий // Харьковский пролетарий. 1928. 5 декабря.

⁴⁶ Отчет Харьковского окружного исполнительного комитета рабочих и крестьянских депутатов. Харьков, 1926. С. 201.

⁴⁷ ГАХО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 67. Л. 60.

⁴⁸ *Нам А.* Работу клубов под контроль рабочих // Харьковский пролетарий. 1928. 16 декабря.

⁴⁹ *Ловелл С.* Досуг в России: «свободное» время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 146–147.

форм клубной работы. В клубах для рабочих проходили так называемые семейные вечера. Идея мероприятия заключалась в том, что рабочие одного цеха или бригады приходили в клуб вместе со своими семьями. По мнению профсоюзных работников, совместное проведение досуга способствовало укреплению товарищеских отношений между рабочими⁵⁰. Проведение семейных вечеров можно рассматривать как попытку профсоюзов сформировать то, что в западноевропейских фирмах входило в понятие «корпоративной солидарности». Отличительной чертой этих вечеров было отсутствие мероприятий пропагандистского и познавательного характера (лекций, докладов и так далее). Культурная программа обычного семейного вечера состояла из концерта, организованного членами кружков самодеятельности⁵¹. Нередко во время таких вечеров проводили шахматно-шашечные турниры и театральные постановки⁵². Клубные работники организовывали семейные вечера с целью привлечь в клуб прежде всего рабочих зрелого возраста, которые, в отличие от молодежи, стремились провести досуг, не принимая участия в различных кружках самодеятельности⁵³. Организация семейных вечеров иллюстрирует стремление власти перенести практику проведения досуга в круту семьи из частной сферы в публичную.

Советская власть на протяжении 1920-х годов вела активную борьбу с социальными болезнями (пьянством, хулиганством), которые давно укоренились в повседневной жизни рабочих. По мнению партийных деятелей, клубы для рабочих должны были стать одним из инструментов их искоренения, «центрами пролетарской культуры».⁵⁴ На профсоюзных конференциях клубных работников звучали призывы организовать работу клубов таким образом, чтобы пролетарии не шли отдыхать в пивную. Профсоюзные организации для этой цели разрабатывали ряд мероприятий по вовлечению рабочих в клубы и красные уголки в дни зарплаты⁵⁵. При этом продажа алкогольных напитков часто

⁵⁰ Отчет правления Харьковского окротдела профсоюза рабочих полиграфпроизводства. Харьков, 1927. С. 40.

⁵¹ ГАХО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 54. Л. 90.

⁵² Сжатые итоги посещения заводов «ВЭК» и «Серп и Молот» // Культработник. № 1. С. 21.

⁵³ Семейные вечера привлекают взрослых рабочих в клуб // Харьковский пролетарий. 1926. 25 февраля.

⁵⁴ Каким должен быть рабочий клуб. Доклад Н. Крупской на всеукраинском съезде клубных работников в Харькове // Харьковский пролетарий. 1925. 30 сентября; *Физдель А.* Клуб в борьбе с алкоголизмом // Рабочий клуб. 1925. № 1. С. 50–52.

⁵⁵ Отчет Харьковского окружного совета профсоюзов к VIII окружному съезду профсоюзов. Харьков, 1928. С. 103.

осуществлялась непосредственно в клубах. Так, в клубе имени Петра Моисеенко, расположенного на окраине Харькова, драки и скандалы были привычным делом для посетителей его буфета. Две трети членов клуба являлись рабочими промышленных предприятий города. Неудивительно, что в местной прессе постоянно печатались статьи о пьянстве и хулиганстве рабочих, происходивших именно в клубах. Представители руководства клубов не предпринимали попыток изменить ситуацию, поскольку, как следует из источников, и сами нередко злоупотребляли спиртным. Наверное, именно поэтому, когда часть рабочих инициировала перевыборы правления клуба, большинство его членов высказалось в поддержку действующей администрации⁵⁵.

Итак, мы можем утверждать, что советская власть на протяжении 1920-х годов придавала огромное значение клубам для рабочих как институтам популяризации социально-политических идей нового быта, воспитания нового человека. Клубы должны были стать местом проведения специфических ритуалов нового общественного строя («красные свадьбы» и тому подобное), посредником между политическими лозунгами и миром повседневности рабочих. Именно посредством таких акций власть стремилась укоренить в общественном сознании представление о социальных практиках, которые являлись маркерами поведения нового советского человека. Особенностью новых советизированных форм проведения досуга было их перемещение из частного в публичное пространство. Можно говорить о том, что дизайнеры новой советской культуры стремились притеснить коммуникативные пространства, которые ранее являлись доминантными. Об этом свидетельствуют практики проведения «красных» свадеб не в церкви, а в клубе, отмечаания новогодних праздников не дома, в кругу семьи, а в клубе среди коллег и тому подобное. Таким образом, советская власть вела борьбу не только за популяризацию партийных догм, но и за гегемонию в социальном пространстве.

Партийные агитаторы уделяли особое внимание организации в клубах для рабочих мероприятий, которые составляли основу пропагандистских кампаний (антиалкогольной, антирелигиозной и других), проводимых советской властью для социальной мобилизации населения. Можем констатировать, что вовлечение

⁵⁵ Отчет Харьковского окружного совета профсоюзов к VIII окружному съезду профсоюзов. Харьков, 1928. С. 103.

⁵⁶ Почему скучно в клубах? // Харьковский пролетарий. 1928. 18 декабря.

населения в различные агитационные кампании проходило не «автоматически», а через несколько этапов «оповседневнивания». Руководители клубов часто выполняли свои обязанности агентов социальной мобилизации формально, сводили «мобилизационную» деятельность к чтению докладов, посвященных актуальным пропагандистским компаниям. Активными участниками/соучастниками агитационных мероприятий была рабочая молодежь, многие рабочие зрелого возраста не участвовали в них. Важно отметить, что появление новых форм проведения досуга не привело к исчезновению традиционных повседневных практик. Рабочие комбинировали старые и новые социальные практики, выстраивали наиболее приемлемую для себя модель поведения, стремились извлечь максимальные выгоды (например, прийти на собрание для того, чтобы по окончании посмотреть фильм). Таким образом, они использовали клубы в качестве легального канала социализации и демонстрации лояльности к режиму, но при этом могли сохранить дистанцию по отношению к господствующему социальному порядку.

Брэндон Майкл Шехтер

«Личное знамя»¹: гимнастерка как биография солдата и государства, 1941-1945

Введение

Гимнастерка является ценным источником исторического знания. Пошитая чаще всего из хлопчатобумажной ткани рубашка, выцветая на плечах солдата, просаливаясь его потом и демонстрируя его заслуги, она несла в себе следы его боевого опыта.

Внешний вид красноармейца должен был соответствовать заданным правилам и отражать закладываемые государством смыслы. В этой связи форма была полна символами и становилась текстом, в частности, для внутреннего прочтения (звание и род войск), как это принято во всех регулярных армиях. Однако существовала специфика формы военных РККА. Заключалась она в том, что, во-первых, солдаты носили свои награды постоянно, при этом сама форма не имела отличительных знаков частей. Во-вторых, в ходе войны форма Красной Армии претерпела кардинальные изменения - были введены новые патриотические символы, в которых была мобилизована российская история. Эти особенности и позволяют нам рассматривать солдатскую гимнастерку как личное знамя, раскрывающее личный опыт солдата, историю его ранений и географию боевых перемещений, и как знамя государства, имеющего свою национальную историю. Эта статья представляет собой главу моей диссертации «Government Issue: The Material Culture of the Red Army 1941-1945» («Казенные вещи: материальная культура РККА 1941-1945»). Основываясь на двух видах источников: официальные (приказы, военная печать, уставы и наставления) и личные документы (дневники, письма, воспоминания и лейтенантская литература), я пытаюсь сопоставить различные аспекты военного быта солдат. В целом я ставлю перед собой следующие цели: 1) реконструировать быт солдат РККА – создать своего рода этнографию; 2) рассмотреть то, как представители разных этнических групп, разного классового происхождения, носители разного образования, представители

¹ Автор благодарен организаторам конференции за возможность участия. Он так же хотел бы выразить благодарность Ю.Л. Слезкину за непосредственное руководство и Б.И. Колоницкому, Н.А. Ломагину, С.В. Ярову, О.В. Будницкому, В. Фреде, А. Юрчаку, Жд. Конели, Б.К. Иринчееву и М.М. Закировой за помощь в этом проекте.

разных поколений и обоих полов становились солдатами Красной Армии, в том числе и через включение в общую материальную среду, которая часто влияла и на характер межличностных отношений; 3) рассмотреть, как война повлияла на понимание «советского» в целом.

В последнее время усилился интерес исследователей к повседневной жизни советских людей². Особое внимание привлекла материальная культура советского периода: от белья и пластинок до квартир и памятников³. Существует множество работ, в которых рассматриваются различные социальные аспекты Великой Отечественной войны. Например, военный опыт в переосмыслении советского проекта (А. Вейнер), опыт женщин в рядах РККА (А. Крылова), мотивация и эффективность солдат РККА (Р. Рис), дети на войне (О. Курчеренко)⁴. Особенно много англоязычных исследований в смежных с историей дисциплинах: антропологии, социологии, литературоведении и т.д.⁵ В России также наблюдается всплеск интереса к военной повседневности. Ярким примером является «военная антропология», в частности работы Е.С. Сенявской. Существует ряд работ, в которых рассматривается вопрос снабжения РККА, а также огромное количество литературы для коллекционеров, однако предметом детального изучения материальная среда солдат РККА еще не стала⁶. Особый интерес военное обмундирование представляет в связи с тем, что его использование определено системой правил – ношение формы

² Ключевые работы в этом направлении: *Hellbeck J.* Revolution on My mind: Writing a Diary Under Stalin. Cambridge, 2006. *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. Berkeley, 1995.

³ Приведу только несколько примеров: *Гурова О.* Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008. *Умехин И.* Очерки коммунального быта. М., 2001. *Tumarkin N.* The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, 1994. *Yurchak A.* Everything Was Forever Until It Was No More. Princeton, 2006.

⁴ *Kucherenko O.* Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941-1945. Oxford, 2011. *Krylova A.* Soviet Women in Combat: A History of Violence on the Eastern Front. New York, 2010. *Merridale C.* Ivan's War: Life and Death in the Red Army 1939-1945. New York, 2006. *Reese R.* Why Stalin's Soldiers Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II. Lawrence, 2011. *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001.

⁵ Стоит отметить, что данная работа отчасти опирается на богатую американскую историографию о материальной культуре. Например, *Breen T.* Marketplace of Revolution: How Consumer Politics Shaped American Independence. New York, 2004; *Cohen L.* Making a New Deal. Cambridge, 2008; *Deetz J.* In Small Things Forgotten: An Archeology of Early American Life. New York, 1996; *Weber E.* Peasants into Frenchmen. Stanford, 1976.

⁶ Очень подробно форма описывается, например, в книге *КВ. Цыпенкова* (Униформа российского военного воздушного флота. М. 2007).

жестко регламентировалось. В РККА солдат должен был пришивать свежий подворотник каждый день, даже на фронте. Ремень должен был быть туго затянут вокруг талии. Военнослужащий не мог расстегнуть ни одну пуговицу без разрешения командира⁷. Однако с другой стороны, солдаты жили под открытым небом продолжительное время, они рыли окопы и блиндажи. Им редко выпадала возможность раздеться, а тем более умыться, что приводило к возникновению вшей⁸ и грязи⁹. Таким образом, униформа становилась фактически «второй кожей».

Новые идентификации

Призыв в армию радикально изменил жизни участников войны. Советский Союз был еще крестьянской страной, где большинство не имело права передвижения. Многих служба в армии столкнула с современностью и разнообразием. Комвзвод Михаил Логинов так описал одного из своих солдат, рядового Джуму Казимбетова: «Кроме базара и колхозных полей ничего не видел, нигде не был. Весь его мир состоял из небольшой семьи, домика и сада. Никогда не думал, что можно жить какой-иной жизнью. И вот неожиданно его тихая жизнь оборвалась. Пришла повестка, вызывают Джуму в райвоенкомат...[из вагона он] увидел в небольшое окно родную гору и прилепившиеся к ее подножию кишлаки. Там была ему знакома каждая тропинка. А что теперь будет...»¹⁰

Изменилась не только окружающая солдат действительность, но и их статус. Как объяснял призывникам комбат Баурджан Момыш-улы: «Вчера вы были людьми разных профессий, разного достатка – вчера среди вас были и рядовые колхозники, и директора. С сегодняшнего дня вы бойцы и младшие командиры Рабоче-Крестьянской Красной Армии»¹¹. Все довоенные различия должны были быть стерты, как только человек становился красноармейцем. Форма воплотила эту идентификацию и отграничила военную жизнь от довоенной. Как отмечает в своей статье один корреспондент, на войне значение имело звание, а не прошлые достижения командира:

«Командует нашей ротой лт. Иванов. Он родился в деревне Али-

⁷ Памятка красноармейца о подгонке, ношении и уходе за обмундированием и обувью. М., 1941. С. 38-39.

⁸ Лесин А. Была война: книга-дневник. Симферополь, 1990. С. 82.

⁹ Чехович Н. Дневник офицера. М., 1945. С. 69.

¹⁰ Логинов М. Это было на фронте. Казань, 1984. С. 6-7.

¹¹ Бек А. Волоколамское шоссе. М., 1988. С. 58.

фимово... До 1930 года отец его был крестьянином-середняком, имел одну лошадь и одну корову, пару овец и т.д. и т.п. А для чего все это молодому бойцу? Лошадь и овцы командировых родичей его вовсе не интересуют. Ему важно знать, что за воин этот командир, которомуверяются его судьба и жизнь, где и как этот командир бил немцев, каков у него характер...за что командир награжден Орденом».¹²

В статье корреспондента присутствуют намеки на то, что Иванов мог бы быть сыном кулака, но автор подчеркивает, что достижения на фронте, а не классовое происхождение должно определять отношение к командиру. Даже в красноармейской книжке – документе, заменившем паспорт, графа «классовое происхождение» отсутствовала.

Красноармейская книжка объективировала солдат. Его довоенная биография была выражена всего лишь следующими графами: имя, образование, национальность и адрес семьи. Его новая биография как красноармейца состояла из приписанной специальности, прикрепления к обмундированию, оружию и полученным наградам. В красноармейской книжке нашло отражение и описание тела солдата – его размеры и группа крови. У всех была схожая прическа. Тело солдата также приобретало другое значение и отчуждалось от него: за самострел и членовредительство военнослужащие карались расстрелом или в лучшем случае отправкой в штрафные части. Наиболее важные пункты красноармейской книжки находили отражение в униформе. Солдат отдавал честь не личности, а мундиру, который олицетворял государство¹³. Звание и род войск, определяемые знаками различия, стали основанием идентификации.

Служба в РККА была менее стабильной по сравнению с другими армиями. Военкор Александр Лесин заметил в своем дневнике: «Перед строем командир отчитывает кого-то: – Разве ты хороший солдат? Хороший солдат долго в роте не пробудет: его или ранят, или... – замылся, – или он геройски погибнет»¹⁴. Кратковременное

¹² Литвинов А. Ввод в бой нового пополнения // Красная звезда. 1943. 20 апреля.

¹³ Joseph N. Uniforms and Nonuniforms: Communication Through Clothing. New York, 1986. P. 3, 66-7; Кривицкий А. О военном мундире и погонах // Красная звезда. 1943. 7 января.

¹⁴ Лесин. Была война. С. 241. Гольбрайх Ефим Абелевич. Интервью Г. Кофмана. / Сайт "Я Помню". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iremember.ru/rekhotintsi/golbraykh-efim-abelevich/stranitsa-3.html> (дата обращения: 12 декабря 2011) - Гольбрайх вспоминал: «Да и жизнь ротного на фронте очень короткая. Мне еще сильно повезло, что ротой командовал несколько месяцев, пока не выбыл

пребывание солдат на фронте не было особенностью РККА, но отличалась траектория их перемещений после выздоровления. Как вспоминала пулеметчица Валентина Чудакова: «Я знала, что после выздоровления в свою часть возвратиться очень непросто... В отношении пехоты бытует правило: «Не специалист. Пойдешь, куда направят. Не все ли равно где воевать?» Нет не все равно и даже очень не все равно!.. Фронтовики так и говорят: «Домой хотим!» А «домой»-то и не пускают. Это одна из накладок войны»¹⁵.

В других армиях солдаты были прикреплены к части на всю войну, после каждого ранения возвращались к своим сослуживцам. В РККА солдата перемещали из части в часть – после ранения его дивизия могла уйти далеко вперед, его должность могла быть занята. Солдаты часто меняли специальность: пехотинцы могли стать кавалеристами, а из морской пехоты можно было перейти на службу на торпедный катер¹⁶. Некоторые солдаты переделявали документы, чтобы вернуться «домой» или даже «дезертировали» в старую часть¹⁷.

Важную роль в идентификации красноармейца играли сопровождающие его на протяжении всей службы документы, манипуляции с которыми могли кардинально изменить статус красноармейца и его социальную позицию.¹⁸ Некоторые красноармейцы теряли важные документы, рекомендации на награды или связи с друзьями, что могло привести к утере идентичности. Другие, наоборот, подделывали документы, приписывали себе звания и награды¹⁹.

Солдаты РККА в большей, чем в других армиях, степени были передвигаемыми и заменяемыми деталями огромной военной машины. Это отчасти и объясняет отсутствие знаков различия частей, которые существовали в других армиях и создавали там

из строя. Полковой “рекорд”.”

¹⁵ Чудакова В. Ратное счастье. М., 1980. С. 9; *Moniusbko E.* From Leningrad to Hungary: Notes of a Red Army Soldier, 1941-1946 trans. By Oleg Sheremet, edited by David M. Glantz. New York, 2005. С. 122-125.

¹⁶ *Замиховский Г.Е.* Интервью Г. Кофмана. / Сайт “Я Помню”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iremember.ru/krasnoflotti/zamikhovskiy-grigoriy-efimovich/stranitsa-5.html> (дата обращения: 12 Сентября 2012).

¹⁷ *Yakushin Ivan.* On the Roads of War. / Translated and edited by Bair Irincheev. South Yorkshire, 2005. С. 151.

¹⁸ См. Например о ворах в армии: ИРИ РАН Ф. 2 Р.Х. Оп. 7. Д. 13-6 Л. 97-98.

¹⁹ *РГВА Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 677* // Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. - 1942 г.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-2). М., 1997. С. 310-311.

чувство сплоченности и особенности в фактически безличном армейском контексте²⁰. Однако здесь необходимо подчеркнуть роль униформы как носителя информации. Выйдя из госпиталя, солдат зачастую попадал в другую часть, где по наградам и знакам на его гимнастерке новые товарищи узнавали о нем.

Награды и новая биография

На начальном этапе войны вопрос отношения солдат к форме встал особенно остро. Выбираясь из окружения, солдаты должны были сделать выбор: остаться в форме или избавиться от нее. Бросить форму – это дезертирство, однако многие красноармейцы шли на это – переодевались, срывали свои знаки различия и закапывали награды в землю²¹.

Именно в эти кризисные годы начала войны советское государство создало большое количество символических элементов формы, например, новые награды. Был облегчен процесс присвоения наград и конкретизированы основания их получения²². Предполагалось, что награды выполняли стимулирующую функцию: «Наградить отважного бойца... это не все. Надо учесть остальных на примерах героев, надо чаще рассказывать бойцам о лучших людях, самоотверженно сражающихся за Родину, и доводить эти рассказы до сердец красноармейцев»²³. Армия, путем популяризации подвигов, призывала к дерзости на поле боя, переводя ударничество и стахановское движение на военный лад. Обязательным компонентом военной прессы стали списки

²⁰ Идея введения особого обмундирования для разных частей обсуждалась в ходе войны, но не воплотилась в жизнь, поскольку возникли другие приоритеты, например, общее снабжение войск. См.: *Цыленков КВ.* Униформа российского военного воздушного флота. В 2-х т. т.2 ч.1 М., 2007, 218-220; «Это то, что наболело, что просится наружу»: Письма И.В. Сталину. 1941-1942 гг. // Исторический архив, 2005. №2 С.4-40, 28.

²¹ Об этом пишут многие ветераны, см., например: *Якутов Х.* Фронтовые зарисовки: записки художника. Казань, 1981. С. 19-20, 26; См. так же РГВА, Ф. 208. Оп. 14703. Д. 1. Л. 141-143, Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная. Т.25 (14). М., 1998, 90 и, конечно, приказ 227, РГВА, Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 617-622, Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 – 1942 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-2). М., 1997. С. 58-60.

²² РГВА, Ф. 4. Оп. 11. Д. 71. Л. 386-389; Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 – 1942 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-2). М., 1997. С. 269-270; Награда в бою // Красная звезда. 1943. 6 марта.

²³ «Награда в бою»; см. так же *Рубинштейн М.* О воинском воспитании // Красная звезда. 1942. 18 октября.

награжденных и очерки о подвигах. Таким образом, награды, представленные на груди солдат, выполняли и педагогическую функцию. Стоит заметить, что указы о наградах распространялись в СМИ, соответственно «иконostas» солдата был текстом не только для военных.

Самой скромной внешне наградой была нашивка за ранение. Ее ввели весной 1942 года и выдавали всем раненым в ходе войны солдатам. Солдат должен был получить красную ленту за «легкое» ранение и золотистую за «тяжелое» ранение. «Легким» ранением называли раны в мякоть, а «тяжелым» повреждение суставов или костей. Такие нашивки демонстрировали возможность активной жизни даже после ранения, и выделяли как героев тех, кто вернулся в строй²⁴. У каждой раны была своя история, и каждый раненный солдат пользовался уважением как более опытный боец²⁵.

Существовали также и особые профессиональные награды. Спектр профессий был широк: от пекарей до десантников и разведчиков. Солдаты получали их за приобретение специальных навыков, проявление инициативы и т.д. Нагрудный знак «Гвардия» был самым распространенным. С 18 сентября 1941 г. отличившиеся в боях части РККА могли получить звание «гвардейских». Появление этого звания отсылает к дореволюционному опыту гвардейских частей царской армии. Гвардейцы рядового и сержантского состава получали двукратную зарплату, лучше снабжались. Гвардейские части пополнялись лучшими призывниками²⁶. Еще одной привилегией гвардейцев было то, что после выздоровления они должны были быть возвращены в часть, из которой были, однако это не всегда получалось²⁷. Медалями за участие

²⁴ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 920265, д. 5, л. 539 // Главные Политические Органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной Воине 1941 – 1945 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная, Т.17-6 (1-2). М., 1996. С. 151-152.

²⁵ *Субботин В.* Солдатская душа // Красная звезда. 1943. 19 февраля.

²⁶ ПРИКАЗ О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ 100, 127, 153 И 161-Й СТРЕЛКОВЫХ ДИВИЗИЙ В 1, 2, 3 И 4-Ю ГВАРДЕЙСКИЕ ДИВИЗИИ № 308 18 сентября 1941 г. // Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2—2). М., 1997, 85-86; УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ВВЕДЕНИИ ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ГВАРДЕЙСКИХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА ГВАРДЕЙСКИХ ВОЕННЫХ ЗВАНИЙ Москва 21 мая 1942 г. // Там же. С. 243-245; *Temkin G.* My Just War: The Memoir of a Jewish Red Army Soldier. Novato, CA, 1998. С. 138-139.

²⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 126. Д. 99. Л. 341-342 // Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2—2) М., 1997. С. 128-129.

в боевых действиях награждали целые соединения. Такие награды выдавались масштабно, например, более 1,470,000 человек получили медаль «За Оборону Ленинграда», а медаль «За Победу над Германией» получил весь личный состав действующей армии – а это больше 15 млн. человек²⁸.

Солдаты относились к наградам с энтузиазмом и иногда хотели участвовать в их создании. М.И. Калинин получал от фронтовиков письма с вложенными в них эскизами медалей «Защитник Ленинграда» и «Защитник Москвы»²⁹. Снайперы попросили добавив к их награждному знаку талон с цифрой-«счетом» – количеством успешных попаданий³⁰, а участники Гражданской войны хотели получать собственные отличительные знаки³¹.

Эти награды выдавались не за отличие, а за присутствие, но при этом они визуализировали прошлое солдата и его причастность к эпическим событиям. Множество фотографий и воспоминаний свидетельствуют о том, что даже когда награды на полевой одежде предполагалось заменить лентами, многие солдаты и офицеры продолжали их носить³².

Отсутствие наград могло вызвать подозрения или подорвать авторитет офицеров. В августе 1944 г. один офицер-минометчик написал в своем дневнике: «В войне фиаско за фиаско. Орденов нет. Даже медалей, хотя бы за Сталинград. Репутации нет. Снова фактически начинаю вступать в жизнь, испытывая на себе подозрения и неискренность со стороны начальства. Почва под ногами шатка...»³³. Получение наград за подвиги иногда рассматривалось как обязанность, а их отсутствие могло восприниматься как позор. Сержант-минометчик Абдулин вспоминал: «...психология солдатская простая: войне уже два года, а после Сталинграда как-то

²⁸ Кузнецов А. Энциклопедия русских наград. М., 2001. С. 370-373, 287; РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 111. Л. 365-368, Приказы народного комиссара обороны СССР 1943 – 1945 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–3). М., 1997. С. 371-372.

²⁹ ГАРФ Ф. Р-7523. Оп. 13. Д. 66. Д. 1-2, 38-9.

³⁰ Там же. Л. 66-69.

³¹ Там же. Л. 48.

³² Приказ НКО СССР от 21.06.1943 N 240 «О Правилах ношения орденов, медалей, орденовских лент, лент медалей и военных знаков отличия военнослужащими Красной Армии» // Программа КонсультантПлюс.

³³ Записи с 28.04.1944, *Гельфанд В.* Дневник 1941-1946. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gelfand.de/> (дата обращения: 20 января 2012). См. так же *Жукова Ю.* Девушка со снайперской винтовкой: воспоминания выпускницы Центральной Женской Школы Снайперской подготовки 1944 – 1945. М., 2006. С. 118.

особенно стыдно не иметь на груди хотя бы медаль. Что же ты делал там, спрашивается, если не заслужил ни одной награды?!»³⁴

Медали являлись доказательством того, что солдат заслуживал доверия, а орденом удостаивался тот, кто отличился высшей степенью храбрости. Многие ордена выдавались солдатам определенного звания, однако за особые достижения ордена вручались и целым организациям. Еще до войны орденосцы стали отдельной льготной категорией граждан. Во время войны эта практика получила развитие. Среди привилегий орденосцев можно отметить: повышение зарплаты, бесплатный проезд в трамваях, право бесплатной поездки в любую точку СССР раз в год и скидки на коммунальные платежи³⁵.

Ордена были наделены ценностью как в буквальном, так и в историческом смысле. Все ордена были сделаны из дорогостоящих материалов – серебро, эмаль, золото, платина, бриллианты. В оформлении наблюдалось целенаправленное подражание стилистике царских наград. В 1942 г. офицеры, отвечавшие за разработку новых наград, изучали царские книги фалеристики в поисках моделей³⁶. Ордена, введенные во время войны, связаны с российской историей и часто были посвящены русским полководцам. Например, орденом Суворова, учрежденным в 1942 г., поощряли исключительно командиров. Он существовал в трех степенях, дифференцированных согласно званию офицера, например, лейтенант мог получить только орден третьей степени.

Орден Богдана Хмельницкого, созданный в честь украинского гетмана – единственная награда в честь этнически не русского героя, был принят, когда армия вошла на территорию Украины. Этот орден уникален также и тем, что в указе о его введении упоминались партизаны³⁷. Существовал также орден, предназначенный только для рядового и сержантского состава. Дизайн этого ордена, Ордена Славы, напоминал Георгиевский крест – единственную царскую награду, которую разрешалось носить в РККА³⁸.

³⁴ *Абдулин М.Г.*, 160 страниц из солдатского дневника. М., 1985. С. 77.

³⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 107. Л. 590 // Приказы народного комиссара обороны СССР 1943 – 1945 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-3). М., 1997. С. 100-101.

³⁶ РГАСПИ Ф.17. Оп.125. Д.78. Л.122.

³⁷ *Изотова М., Царева Т.* Полная энциклопедия орденов и медалей России. Ростов н/Д, 2008. С. 242-243.

³⁸ Установлено по фотографии, автор еще работает над поиском официальных документов.

Вместе с Орденом Славы красноармейцы сразу получали привилегии: повышение в звании, льготы на обучение детей и т.д. Самая высокая награда советской армии – Герой Советского Союза. Военнослужащий в любом звании мог заслужить золотую звезду: и Сталин, и рядовой Александр Матросов стали героями Советского союза. В течение войны 11 500 солдат были удостоены этой награды, 104 человека дважды и трое трижды³⁹.

Получение наград становилось значимым событием, в которое зачастую включались и семьи красноармейцев. Солдаты часто писали награждения в письмах домой, семьи также получали поздравительные письма от лица командования⁴⁰. Упоминание наград вошло в лексику, в частности, стало неотъемлемым атрибутом переписки с инстанциями. Статус орденосца мог служить основанием или аргументом в прошении или требовании⁴¹.

Героизация при вручении наград нередко имела и обратный эффект. Вот как эту проблему определил один военкор: «Щедрое награждение орденами вскружило многим голову... Храбрых нужно орденами награждать. У опозорившихся, зазнавшихся нужно ордена отбирать. Иначе награда обесценивается...»⁴². Другой аспект этой проблемы описал начальник ГЛАВПУРККА А.С. Щербаков: «Широко распространилось настроение, когда люди живут вчерашним днем, вчерашними победами»⁴³. Отчуждение наград было частью наказания: например, при аресте лишали всех наград, но после реабилитации их снова возвращали. Попытка пересмотреть заслуги и подвиги солдат получила развитие при демобилизации армии, так по указу Президиума Верховного Совета СССР с первого января 1948 г. были отменены прежние льготы⁴⁴.

Награждение стало для государства основным способом мотивации солдат и признания их достижений. Однако иногда в признанную объективность вознаграждения вмешивался элемент субъективности. Дело в том, что к награде солдат представляли

³⁹ Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали СССР. М., 1983. С. 31.

⁴⁰ ИРИ РАН Ф.2 Р.11 Оп.5. Д.2-а. Л. 49.

⁴¹ *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization.* Berkeley, 1995. С. 198-238.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 130. Л. 55-56.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 972. Л. 3.

⁴⁴ УКАЗ от 16 декабря 1947 года «О внесении изменений в законодательство СССР в связи с изданием указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года “о льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР”» // Программа КонсультантПлюс.

командиры, поэтому характер отношений между командиром и подчиненным мог влиять на получение наград. Иногда солдаты объясняли отсутствие наград несправедливостью командира. Награда должна была быть получена справедливо, а не «по благу», как это случалось. В одной гвардейской воздушно-десантной дивизии в июле 1944 г. было отмечено, что «Правительственные награды работниками штаба обещались за отдельные услуги: за пошивку сапог, выдачу нового костюма, за выдачу горючего, за сожительство»⁴⁵. Незаслуженная выдача наград воспринималась фронтовиками очень болезненно. Иногда награды рассматривались как инструмент воздействия на женщин. В некоторых мемуарах, в которых фигурирует «ППЖ» (походно-полевая жена), медали часто описывались как своеобразные украшения, выданные офицерами своим любовницам⁴⁶. Такое отношение могло несправедливо транслироваться на всех женщин-солдат. Отмечены случаи, когда командиры использовали свою власть и лишали отвергнувших их девушек заслуженных наград⁴⁷.

Особенно в начале войны процесс получения наград был недостаточно продуман и усложнялся бюрократическими проводочками и интенсивными изменениями ситуации на фронте. Военкор Курганов, служивший на Западном фронте, описывал эту проблему так:

На фронте, по-моему, наградная система страдает существенным недостатком – она лишена конкретизации. Человек за какой-нибудь героический поступок награждается орденом, но пока это награждение оформляется проходит долгий срок – иногда два-три месяца, - а вручение ордена еще больше затягивается. Порой и сам награжденный забывает, за что именно его наградили, а окружающие бойцы вообще не знают об этом... Ясно, что стимулирующая сила наград при такой системе весьма незначительна.⁴⁸

⁴⁵ ПРИКАЗ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ О СЛУЧАЯХ НЕПРАВИЛЬНЫХ НАГРАЖДЕНИЙ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ВО 2-Й ГВАРДЕЙСКОЙ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЙ ПРОСКУРОВСКОЙ ДИВИЗИИ № 0197 7 июля 1944 г. // Приказы народного комиссара обороны СССР 1943-1945 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-3). М., 1997. С. 299-300.

⁴⁶ Например, *Айзенштадт Я.* Записки секретаря военного трибунала. Лондон, 1991. С. 120.

⁴⁷ *Александрова (Савельева) З.Н.* Интервью. Сайт “Я Помню”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: iremember.ru/gazvedchiki/aleksandrova-saveleva-zoynikiforovna/stranitsa-2.html (дата обращения: 20 октября 2010). Она вспоминала: “Медалью “За боевые заслуги” награждались обычно ППЖ... может быть, этим меня хотели унижить, когда награждали”.

⁴⁸ РГАСПИ Ф.17. Оп. 125. Д. 78. Л. 123.

Солдат мог уже выбыть из части или погибнуть до того, как награда достигала его⁴⁹. В результате в 1943 г. был принят ряд приказов, направленных на упрощение процедуры⁵⁰. Это содействовало успехам в военных действиях.

Общее положение на фронте являлось важным фактором при награждении. Во время отступления награждали мало, с началом наступления это изменилось⁵¹. Один автор утверждает, что в 1941 г. только 1% личного состава имел награды, а в 1945 г. – 86%. Многие отмечали масштабность поощрений в РККА. Вот, например, запись Александры Орме, сделанная в 1944 г. в Венгрии: «Ни в одной другой армии я не видела такого изобилия наград. Каждый рядовой имеет как минимум три, а у офицеров целый ряд, иногда один на левой стороне и второй на правой стороне груди»⁵². Другие способы поощрения были также желанны. Александр Твардовский описал подобную ситуацию: его герой Василий Теркин предпочел поездку домой ордену или медали.⁵³

Награды были тесно связаны со смертью. Во время похорон офицера каждую награду несли отдельно⁵⁴. Награды павших солдат собирались и отправлялись родным, часто они воплощали в себе последнюю память о погибшем⁵⁵.

Каждая награда имела (или должна была иметь) свою историю, и солдат мог бы рассказать свою фронтовую биографию через медали. Военкор Василий Субботин писал: «У тебя, парень, на груди цельная история твоей фронтовой жизни»⁵⁶. Боевой путь, страдания и достижения солдата оказывались у всех на виду

⁴⁹ «На западном фронте, таким образом, накопилось несколько тысяч невыданных орденов, из них пятисот орденов Ленина» (Там же. Л. 123).

⁵⁰ См., например: Указ от 10 ноября 1942 года «О предоставлении права награждения орденами и медалями СССР и нагрудными знаками командующим фронтами, флотами, армиями и флотилиями, командирам корпусов, дивизий, бригад, полков» // Программа КонсультантПлюс.

⁵¹ Дунаевская И. От Ленинграда до Кенигсберга. М., 2010. С. 257-258.

⁵² Орте А. Comes the Comrade. New York, 1950. P. 255; Смыслов О. История советских наград; Во славу отечества. М., 2007. С. 133-134, 207.

⁵³ Твардовский А. Василий Теркин. Дом у дороги. Стихотворения. М., 2000. С. 48-51.

⁵⁴ Устав гарнизонной службы Красно Армии. М., 1942. С. 86-87.

⁵⁵ ПРИКАЗ ВОЙСКАМ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА О НЕДОСТАТКАХ В ПОГРЕБЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ № 018 5 февраля 1945г. // Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная. Т.25(14). М., 1998. С. 645-646; Собирать памятники и реликвии Отечественной войны // Красная звезда. 1943. 7 апреля. Прежде чем пойти на разведку, солдаты на случай гибели оставляли свои награды старшине. Абдуллин. 160 страниц, С. 77.

⁵⁶ Субботин. Солдатская душа.

на его гимнастерке. Анонимная по определению униформа становилась персонализированной.

Военная форма как государственная витрина

Внешний вид солдата менялся в ходе войны не только в результате его личных достижений. В 1941 г. обмундирование Красной Армии сохраняло много элементов формы времен Гражданской войны. Так, петлицы ярких цветов дифференцировали род войск (например, малиновые петлицы с черным кантом соответствовали пехоте), а разные эмалевые формы обозначали звание (например, треугольники для младших командиров). После Зимней войны в августе 1941 г. было принято решение ввести петлицы защитного цвета, однако многие офицеры предпочитали оставить старые петлицы, так как считали их более красивыми⁵⁷.

К середине войны символическая составляющая военной формы претерпела изменения. В 1943 г. были введены погоны⁵⁸. Советское руководство придало большое значение этому событию. Решение о переходе на новую форму было принято в октябре 1942 г., когда исход войны еще не был предрешен⁵⁹. В армии приказ о новом обмундировании был объявлен шестого января 1943 г. До 15 февраля 1943 г. все военнослужащие должны были получить погоны, однако процесс затянулся до марта. К апрелю 1943 г. в армию было направлено более 32-х миллионов пар погонов⁶⁰. Снабжение погонами осуществлялось быстро и с ущербом для производства других видов одежды, например, белья, которое и до этого было дефицитом⁶¹.

В отличие от других предметов вещевого снабжения, погоны

⁵⁷ «Это то, что наболело, что просится наружу»: Письма И.В. Сталину. 1941 – 1942 гг. // Исторический архив. 2005. № 2 С.4–40, 28.

⁵⁸ Стоит отметить, что изменился и фасон гимнастерки. В начале войны воротник был навыворот, имел петлицы, на гимнастерке было два нагрудных кармана. С 1943 г. был введен воротник-стойка на двух пуговицах и без петлиц. Рядовой и сержантский состав был лишен нагрудных карманов. Также в 1943 году было много гибридных гимнастерок, когда солдаты пришивали погоны к старой форме.

⁵⁹ *Цыпленков КВ.* Униформа российского военного воздушного флота. Т. 2. Ч. 1. М., 2007. С. 219. Командующий 62-й армией Генерал Чуйков так описывал этот этап: «Самый страшный период для нас был в отношении наступательных действий противника – это период октября. Это был период, когда Гитлер дал обещание всем, что Сталинград будет взят». Архив ИРИ РАН Ф.2 Р.III. Оп. 5. Д. 2а. Л. 16.

⁶⁰ *Цыпленков КВ.* Униформа российского военного воздушного флота. С. 218–221. Генерал Хрулев был вынужден просить отсрочку в выполнении приказа.

⁶¹ ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 44а. Д. 9427. Л. 41.

были введены из эстетических и моральных соображений⁶². До 1943 г. погоны были ненавистным атрибутом царской армии. Их введение означало фундаментальное изменение образа Советского государства, наиболее очевидно это изменение проявилось в форме военнослужащих и на знаменах советских военных частей. Еще до возвращения погон была изменена надпись на знаменах: на место «Рабочие всех стран соединяйтесь!» пришла надпись «За нашу Советскую Родину!»⁶³.

Советский солдат перестал быть интернационалистом, он стал продолжателем дела великих полководцев прошлого, успешно защитивших родину. Изменение формы сопровождалось и введением новых орденов в честь этих героев: Александра Невского, Александра Суворова и других. Великая Отечественная война воспринималась не только как угроза существованию Советского Союза, но как эпическое событие в истории великого русского народа и его братьев. Главное политуправление Красной Армии объясняло произошедшее следующим образом:

«После Октябрьской революции, когда реакционное офицерство выступило против советской власти с оружием в руках, молодая Красная Армия отказалась от формы, которую носили ее враги. С тех пор много воды утекло. Красная Армия выросла и окрепла. В ее рядах сформировались замечательные командирские кадры, и ныне страна дает своим сынам знаки воинского достоинства, украшавшие мундиры российской армии времен 1812 года, героев Севастопольской обороны и битв с немцами в годы первой мировой войны».⁶⁴

⁶² Другие армии в ходе войны также передевались, но эти скорее были вынуждены шагами, определяемые недостатком ресурсов (у японцев и немцев) или поиском более функциональных и удобных в разных климатических условиях вариантов (армия США в обоих театрах военного действия). Например, в Европе американской армией была введена более удобная куртка («М-43») с большими карманами, в которых помещались и боеприпасы, и паек. Эта куртка могла быть использована и как верхняя одежда, и как основная форма. Также она лучше отвечала требованиям маскировки. На тихо-океанском фронте провели эксперимент с целью понять какая ткань удобнее всего. См. *Stanton S. US Army Uniforms of World War II. Mechanicsburg, PA 1993.*

⁶³ ПРИКАЗ С ОБЪЯВЛЕНИЕМ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР «ОБ УТВЕРЖДЕНИИ НОВОГО ОБРАЗЦА КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ» № 405 24 декабря 1942 г. // Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г.: Документы и материалы. Русский архив. Великая Отечественная: Т. 13 (2—2). М., 1997. С. 383–384.

⁶⁴ *Кривицкий*. О военном мундире и погонах.

Введение погон сопровождалось изменением культуры РККА. В армию было возвращено офицерство. Велась работа по укреплению дисциплины. Незадолго до расстрела на вопрос об отношении к погонам Адмирал Колчак ответил следующее: «Я лично относился [к погонам, Б.Ш.] положительно, мотивируя это тем, что это есть чисто русское отличие, нигде за границей не существующее. Я считал, что армия наша, когда была в погонах, дралась, когда армия повернула свой дух, когда она сняла погоны, это было связано с периодом величайшего развала и позора»⁶⁵. Для многих возвращение погон означало восстановление прерванной большевиками связи с военными традициями прошлого.

Вручение погон должно было сопровождаться специальной церемонией, было важно «придать вручению характер политического события, не подойти к нему как к техническому мероприятию»⁶⁶.

После введения погон внимание к внешнему виду солдат усилилось. С 1943 г. солдатам не разрешалось появляться где-либо в нечищенной одежде и обуви, небритыми или непричесанными, сидеть в транспорте в присутствии офицера или появляться на рынке в форме⁶⁷. Военный этикет должен был соблюдаться солдатами постоянно. Судя по воспоминаниям и дневникам, с 1943 г. солдаты чаще стали попадать в комендатуру из-за неряшливого вида и чаще подвергались штрафам за нецензурную брань⁶⁸.

Однако некоторые усматривали в этих изменениях ревизионизм. Например, Начальник ГЛАВПУРРКА Щербаков подверг жесткой критике попытки некоторых офицеров создать пособие по этикету для военных⁶⁹. непонимание некоторых военнослужащих вызвало и введение погон. Борис Сурис в январе 1943 г. заметил в своем дневнике: «Указ о погонах. Мы все недоумеваем»⁷⁰.

⁶⁵ Колоницкий Б. Борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001. С. 79.

⁶⁶ Моран Р. «О вручении погон» // Красная звезда. 1943. 28 января; Лесин. Была война. С. 130. Лесин вспомнил эту церемонию.

⁶⁷ «Военнослужащие вне строя» // Красная звезда. 1943. 18 июля; «Переход на новые знаки различия – погоны» // Красная звезда. 1943. 31 января.

⁶⁸ См., например: Лесин. Была война. С. 246-247; Tempkin. My Just War. С. 129-130.

⁶⁹ ДИРЕКТИВА ГЛАВПУ РККА ЧЛЕНАМ ВОЕННЫХ СОВЕТОВ, НАЧАЛЬНИКАМ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЙ ФРОНТОВ И ОКРУГОВ О ЗАПРЕЩЕНИИ ИЗДАНИЯ ПЕЧАТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРУДОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ПОВЕДЕНИЕ ОФИЦЕРОВ НА СЛУЖБЕ И В БЫТУ № 02 17 апреля 1944 г. // Главные Политические Органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной Воине 1941 – 1945 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная Т.17-6 (1-2). М., 1996. С. 271-272.

⁷⁰ Сурис Б. Фронтовой дневник. С. 259.

Новая форма вызывала восхищение белогвардейцев, как вспоминал Борис Слуцкий в 1945 году: «Все эмигранты, оставшиеся в Белграде, от души умилялись Красной Армией. Но их чувства сосредоточивались на погонах, на орденах Суворова и Кутузова, на заветном слове «подполковник»⁷¹. Новые погоны дезориентировали граждан на освобожденных территориях, некоторые не узнавали своих солдат⁷² и задавали неловкие вопросы: «Правда ли, что в СССР создается новая аристократия: генералам, например, не разрешается жениться на простых девушках?» и «Верно ли, что после введения погон в СССР нет больше коммунистов и комсомольцев?»⁷³. Некоторые пленные немцы рассуждали так: «это не та Красная Армия, которую мы били в 1941 г. Теперь же той армии, говорили они, - нет, сейчас появилась царская, русская армия»⁷⁴.

Сами солдаты относились к погонам по-разному. Были противники новых знаков различия. Многие вынужденные надеть погоны красноармейцы, испытывали смущение. Упомянутая выше Валентина Чудакова относилась к погонам негативно, объясняя это тем, что «воинов моего поколения смутило слово «офицер»... Вся литература о Гражданской войне дышала непримиримостью к офицерскому корпусу белой армии: раз золотопогонник – значит враг, зверь, садист»⁷⁵. Критика нововведения имела различные аргументы. Так, по мнению одного офицера: «...просто непонятно, почему решили вводить погоны. Было время, когда мы их ненавидели, а теперь решили по образцу старой армии надеть их. Многие не понимают того, что старый офицер русской армии был культурнейший человек, а наши – это просто срамота»⁷⁶. Одни были напуганы тем, что новые знаки различия предшествуют возвращению старого строя, другие относились к введению «ново-старой формы» иронично⁷⁷. Некоторые солдаты и офицеры

⁷¹ *Слуцкий Б.* О других и о себе. М., 2005. С. 132.

⁷² *Livin N.* (translated and edited by Stuart Britton). 800 Days on the Eastern Front. Lawrence, 2007. P. 29. См. так же *Лесин.* Была война. С. 185; *Генатулин А.* Вот кончится война. М., 1988. С. 250.

⁷³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д. 242. Л.101.

⁷⁴ Архив ИРИ РАН Ф. 2 Р. 1. Оп. 124. Д. 1 Л. 1.

⁷⁵ *Чудакова.* Ратное счастье. С. 24.

⁷⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 4. Д 913. Л.151-153 // Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 390.

⁷⁷ *Дунаевская.* От Ленинграда до Кенигсберга. С. 170; *Путьшев Н.В.* В памяти и в сердце. М., 1986. С. 110; Докладная записка ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР о реагировании военнослужащих на введение новых знаков различия 19 января 1943 г. // Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 388-391.

сомневались в экономической целесообразности введения погон. Борис Сурис писал в своем дневнике: «Много говорят об офицерской чести, о достоинстве командира. Но куда к чертям нужны такие разговоры, когда у нас командиры ходят в ботинках с обмотками или в тысячекратно продранных и залатанных сапогах, в засаленнейшем и выгоревшем от солнца обмундировании...»⁷⁸.

Были и те, кто громко приветствовал погоны из идеологических или из эстетических соображений⁷⁹. Например, в полит-донесениях января 1943 г. один солдат говорил: «Указ Президиума Верховного Совета о введении погон подымет авторитет и роль командного состава. Теперь будут все соблюдать честь русского военного мундира. Вот возьмите в 1941 году, когда Юго-Западный фронт попал в окружение. Все начали переодеваться в гражданскую одежду, бросая обмундирование. Этого никто не сделает сейчас, т.к. будут соблюдать честь мундира, уважать командный состав и каждый командир будет дорожить своей честью...»⁸⁰. В 1943 г., Давид Самойлов так объяснил изменения в поведении государства: «Обращение к традиции (кадетские корпуса, офицеры, гвардия, женские и мужские школы и т.д.) означает не регресс, а вступление нашего государства в пору зрелости, в классический этап развития. Уже нет нужды в пышном отрицании. Мы и так слишком мало традиционны»⁸¹. По словам Льва Слезкина, сначала большинство солдат довольно равнодушно отнеслись к возрождению дореволюционной формы и «соответствующий субординации», но:

«Когда, спустя некоторое время, [им] прислали погоны и [они] пришли их, то многие испытали удовлетворение. Большинство не столько от восстановления внешней связи с прерванной на четверть века традицией, сколько от придающего носящему погоны как бы молодцеватость и воинственность».⁸² Несмотря на различия в восприятии, погоны стали обязательной частью формы и, соответственно, частью солдатской биографии. Один политработник декларировал следующее: «Надев погоны, советские

⁷⁸ Сурис. Фронтовой дневник, Запись 23.08.1943 г. С. 137-8.

⁷⁹ Фралов Н.С. Все они хотели жить: Фронтовые письма погибших солдат, воспоминания ветеранов войны. Казань, 2003. С. 59.

⁸⁰ Докладная записка ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР о реагировании военнослужащих на введение новых знаков различия 19 января 1943 г. // Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. С. 388.

⁸¹ Самойлов Д. Поденные записи. Т.1. М., 2002. С. 178.

⁸² Слезкин Л.Ю. До войны и после войны. М., 2009. С. 456-457.

солдаты и офицеры пронесут их сквозь огонь сражений как свои маленькие, личные боевые знамена, торжественно врученные им родиной»⁸³. В старой форме РККА отступала до Волги и Кавказских гор. В новой форме, при погонах, лучше вооруженная и более профессиональная, Красная Армия шла на Запад. Новая форма сама по себе стала символом победы.

Заключение

В период между отступлением 1941 г. и до водружения красного знамени над Рейхстагом понятие «советский» значительно преобразовалось⁸⁴. В 1945 г. текст гимна страны больше не говорил обо «всем мире голодных и рабов», речь шла уже о «Великой Руси»⁸⁵. В СССР появилось новое отношение к прошлому. Это уже не молодая страна первой пятилетки, а древняя держава. Солдаты Красной Армии вернулись на родину в старо-новой форме. Крестьяне из Ферганы и Смоленщины побывали в центрально-европейских столицах и были удостоены медалями за взятие этих городов. Нашивки говорили о том, сколько раз они были ранены, а ордена визуализировали их подвиги. У бывших кулаков и представителей этнических меньшинств появилась возможность для новой идентификации – в качестве ветерана и героя войны, что вписало их в эпические события истории страны.

⁸³ *Моран*. «О вручении погон». Лесин сослался на эту статью в своем дневнике. *Лесин*, Была война, 130.

⁸⁴ Эти изменения уходят корнями в предвоенный период, но война однозначно дала толчок возникновению явления, которое Бранденбергер назвал «национальный большевизм». См. *Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956*. Cambridge, 2002.

⁸⁵ «Интернационал», песня Парижской Коммуны (1871 г., автор Эжин Потье) и «Гимн СССР» (1943 г., авторы Сергей Михалков и Эль-Регистана). О государственном гимне Советского Союза. // Красная Звезда. 21 декабря 1943 г.

Конструируя
советскую модерність

Елена Кочеткова

Трансфер технологий в советскую лесную промышленность в 1953 – 1964 годах

Введение

На протяжении своей истории Россия была страной-реципиентом во многих отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства, транспорта и строительства. После Второй мировой войны необходимость поиска ресурсов для восстановления и развития производственных мощностей ощущалась особенно остро. С точки зрения сталинского руководства, данная необходимость касалась в первую очередь тяжелой промышленности, что связывалось с курсом на повышение обороноспособности государства. В то же время очевидные успехи в тяжелом секторе, ядерных разработках сочетались с отсталостью целого ряда отраслей – пищевой, лесной промышленности и т.д.

Лесная промышленность традиционно была одной из самых проблемных отраслей страны, в которой находились огромные запасы древесины. Очевидными трудностями являлись устаревшее оборудование и технологии производства, а также нехватка денежных средств. Хотя в СССР работали общесоюзные и региональные научно-исследовательские институты, существовали сложности с освоением новых методов лесозаготовки, выработки бумаги, целлюлозы, картона и прочей продукции, гораздо ранее начавших применяться в Финляндии и других европейских странах.¹ Особенно заметной отсталость отрасли стала в связи с присоединением финляндской территории Карельского перешейка и Северного Приладожья, аннексированной СССР по итогам советско-финляндской войны 1941 – 1944 годов. В частности, на момент присоединения территорий, производство целлюлозы располагавшихся на ней предприятий равнялось выпуску целлюлозной продукции во всем Советском Союзе.

¹ Например, одним из ведущих научно-исследовательских институтов страны был Всесоюзный НИИ целлюлозно-бумажной промышленности. В предвоенные годы им была создана технология производства сульфитной целлюлозы, а также сухой способ производства длиноволокнистой бумаги, за разработку которых сотрудники учреждения были награждены Государственной премией. В годы Великой Отечественной войны институт вел разработки в сфере получения порохов из целлюлозы, а также технологии производства пищевой целлюлозы. В послевоенные годы институт занимался разработками тарного картона, технических видов бумаги и материалов для различных отраслей.

Благодаря их присоединению уже в 1950 г. лесопромышленное производство СССР превзошло довоенный уровень на 73%.²

Вопрос о необходимости развития лесной отрасли, как и целого ряда других направлений, был поставлен советским руководством, пришедшим к власти после смерти И.В. Сталина. На XX съезде партии в 1956 году Н.С. Хрущев заявил о необходимости обновления «парка оборудования, совершенствовании технологического производства, внедрении механизации и автоматизации».³ Директивы XX съезда партии к шестому плану развития народного хозяйства на 1956–1960 гг., например, указывали на необходимость «улучшить использование оборудования в лесной промышленности и оснащения ее более производительными машинами и механизмами», завершения механизации лесозаготовок.⁴

Преодоление отсталости лесной отрасли в течение нескольких лет при отсутствии производства современной техники и развития технологий в послевоенной стране едва ли было возможно. Советское руководство было вынуждено обратиться к сотрудничеству со странами, развитие лесной отрасли которых превосходило уровень советской лесной промышленности. Советская сторона инициировала ряд договоров о научно-техническом сотрудничестве, а также торговых соглашений, в рамках которых предполагался обмен опытом в разных отраслях экономики и науке.⁵ Фактически эти договоры создавали каналы для переноса «западных» технологий в Советский Союз. В условиях Холодной войны обоснованием подобной позиции советского руководства, стремившегося догнать «западные» страны за счет их ресурсов, стала идея о «мирном сосуществовании». Этот тезис, легший в основу внешней политики руководства страны после смерти И.В. Сталина, во многом подразумевал стремление советского руководства к выигрышу времени, за которое государство должно было провести серию мероприятий, позволявших догнать ведущие страны «Запада». Фактически годы правления Н.С. Хрущева стали временем использования «западных» технологий с целью достижения «западного» уровня технологического развития.

² *Большакова Г.И.* Заложники новой границы. СПб., 2009. С. 22–24.

³ XX съезд (14 – 25 февраля 1956 года). Т. 1. М., 1956. С. 30.

⁴ Постановление Второго пленума Ленинградского областного Правления НТО лесной промышленности от 17.2.1956 г. // Центральный государственный архив научно-технической документации СПб. (ЦГАНТД СПб) Ф. 342. Оп. 1-1. Д. 261. Л. 2.

⁵ В 1955 г. были подписаны договоры о научно-техническом сотрудничестве с Финляндией, в 1959 г. – с ФРГ, в 1960 г. – с Францией и другими странами.

В данной работе я рассмотрю трансфер «западных» технологий в СССР в хрущевский период. Целью статьи является выявление роли, которую трансфер сыграл в хрущевской модернизации лесной отрасли. Перенос технологий осуществлялся с помощью различных практик (командировки специалистов и ученых, совместные проекты, промышленный шпионаж и т.д.). Однако в данной статье я исследую поездки советских специалистов в рамках научно-технического сотрудничества СССР с «западными» странами. Отправной точкой работы является тезис о проницаемости «железного занавеса», через который перемещались люди, идеи и технологии. Данное положение было высказано исследователями, работающими над проектом, основанным группой ученых из Александровского Института в Финляндии (Aleksanteri Instituutti) в 2007 году. История Холодной войны представляется в рамках этого проекта как сотрудничество на микроуровне при сохранении противостояния на макроуровне, что позволяет увидеть связи между разными странами, объединенными циркуляцией знаний.⁶ Целый ряд исследований в рамках нового проекта был издан в сборнике *Reassessing Cold War Europe*.⁷ Однако среди существующих публикаций практически нет работ, рассматривающих кооперацию стран в сфере лесной промышленности. В данной статье я постараюсь восполнить существующий пробел и рассмотрю трансфер технологий в советскую лесную отрасль на микроуровне. Это позволит понять механизмы переноса «зарубежного» опыта, сотрудничества стран с разными политико-экономическими системами в годы Холодной войны, а также увидеть проблемы, существовавшие в советской лесной промышленности.

Советский Союз и Финляндия: условия трансфера

Несмотря на заключение договоров с рядом «западных» стран, кооперация Советского Союза с «капиталистическим лагерем» была осложнена экономическими запретами на продажу стратегических и высокотехнологичных продуктов, инициированными в 1949 году США. Финляндия, выражавшая позицию нейтралитета и не подчинявшаяся комитету, контролировавшему торговлю с СССР (CoCom), во многом зависела от импорта технологий из США, Канады, Швеции и ФРГ.⁸

⁶ *Autio-Sarasma S.* The Cold War from New Perspective / *Autio-Sarasma S., Mikóssy K.* (Ed.) *Reassessing Cold War Europe*. NY, 2011. P. 3.

⁷ *Reassessing Cold War Europe*. PP. 83-99.

⁸ *Kobvalka M.* Science, Technology and Changing Power Relations: The negotiation Process of the Agreement on Finnish-Soviet Scientific-Technical Cooperation // *Scandinavian Journal of History*. Vol. 36. No 3. 2011. P. 352.

В то же время послевоенные советско-финляндские отношения обуславливали передачу «западных» технологий из Финляндии в СССР. Начало подобного перетекания технологий из одной страны в другую было положено выплатами репараций в виде промышленных товаров. Послевоенные обязательства страны стимулировали интенсивное развитие ее экономики, отраслей, ориентированных на репарационные поставки в СССР.⁹ В частности, к началу 1950-х годов финляндская лесная промышленность, в первую очередь, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная отрасли, достигла значительных успехов, став одной из ведущих в мире.

После советско-финляндских войн 1939 – 1940 и 1941 – 1944 годов Финляндия стала единственным капиталистическим «другом» соседнего социалистического государства. Опасения советской оккупации привели к возникновению в Финляндии курса, предложенного президентом К.Ю. Паасикиви, который был уверен в том, что только дружественное отношение к восточному соседу позволило бы избежать новой войны. Формальная дружба между государствами являлась необходимостью: для СССР – поиска союзника для импорта технологий и доказательства возможности мирного сосуществования, для Финляндии – своего рода определенной гарантии самостоятельности во внутренних делах.¹⁰ В хрущевский период Финляндия рассматривалась, в первую очередь, как проводник американских и западноевропейских технологий, своего рода «окно в Европу». В 1955 году между государствами был заключен договор о научно-техническом сотрудничестве в разных сферах: металлургической, лесной отраслях, гуманитарных науках, сельском хозяйстве и других направлениях; расширялись культурные контакты, в основном, через «Общество дружбы», основанное в 1944 году для развития культурных связей. Договор определял формы сотрудничества, такие как передача друг другу информации и литературы, обмен опытом через командировки специалистов, ученых и студентов, приглашения лекторов и совместные научно-технические совещания, а также «добровольные контракты между заинтересованными

⁹ Репарации, выплачиваемые Финляндией, составили 300 миллионов долларов США сроком в восемь лет с возможностью погашения товарами, в том числе лесными материалами, бумагой, целлюлозой, машинным оборудованием.

¹⁰ Подробнее о положении Финляндии в годы Холодной войны см. *Saarikoski, V. Between East and West. Finland and Hungary during the Cold War // Vebviläimen, O. (Ed.) Hungary and Finland in the XX century, SKS, FLS, Helsinki. P. 119; Jensen-Eriksen, N. 2010 CoCom and Neutrality: Western Export Control Policies, Finland and the Cold War, 1949 – 1958, // Autio-Sarasma S, Mikössy K. (Ed.) Reassessing Cold War Europe. NY, 2011. P. 52.*

советскими организациями и финскими фирмами». ¹¹ Таким образом, договор обеспечивал возможности модернизации советской экономики за счет трансфера технологии из Финляндии.

Получение данных о «западных» технологиях

О том, что лесная промышленность Финляндии являлась одной из ведущих, в Советском Союзе было широко известно задолго до 1950-х годов, однако получение более детальных сведений представляло непростую задачу. Несмотря на начавшийся после войны 1941 – 1944 годов этап советско-финляндского сотрудничества, открытые каналы доступа к информации о том, что происходило в другом государстве, не существовало. Одним из главных источников получения сведений о технологиях других стран были зарубежные профессиональные журналы.

Изучение научно-технического опыта капиталистического блока по материалам печати в Советском Союзе не было новой практикой. Советские учреждения никогда не переставали выписывать и обменивать журналы «западных» стран, а также публиковать обзоры иностранной литературы, даже в годы Великой Отечественной войны. ¹² Однако в середине 1950-х годов число и «ассортимент» иностранных журналов существенно увеличился. Главным центром аккумуляции «капиталистического» печатного знания был Всесоюзный институт научно-технической информации (ВИНИТИ). Это учреждение было основано в 1952 году и находилось в подчинении Советской Академии наук и Государственного комитета по новой технике Совета министров СССР («Гостехника»). ¹³ В задачи Института входили перевод и аннотирование статей из зарубежных журналов и книг, а также распространение обзоров и аннотаций среди советских ученых. Эти функции отчасти также выполняла и «Гостехника», являвшаяся главным организационным и контролирующим развитие науки и техники органом. Обе организации занимались передачей зарубежных материалов в крупные библиотеки, административные, учебные и промышленные учреждения. Среди наиболее часто аннотировавшихся журналов по лесной отрасли были немецкие *Zellstoff und Papier*, *Forst und Jagd*, британский

¹¹ Советско-финляндские отношения 1948 – 1983 гг. / Ред. А.Г. Ковалев. М., 1983. С. 22.

¹² Лесная промышленность. 1940. № 12. С. 67 и др.

¹³ Черный А.И. Всероссийский институт научной и технической информации. М., 2005. С. 24.

What we are doing, *Bulletin of the British paper and board industry research*, шведский *Svensk pappers tidning*, американские *Pulp, paper and board*, *Journal of Forestry*, *Forest Science*, *Ecology*, а также финские издания *Finnish Paper and Timber*, *Paperi ja Puu*, *Suomen talousmetsä*, публиковавшие статистику, последние новости и сведения о предприятиях.

Советские учреждения, прежде всего, были заинтересованы в публикациях, описывавших новую технику и технологии, методы производства продукции лесозаготовительной, деревообрабатывающей, деревоперерабатывающей, целлюлозно-бумажной и прочих отраслей, а также в общих сведениях о состоянии лесной отрасли в той или иной стране. Аннотации и резюме статей публиковались в советских изданиях в отдельных рубриках, таких как «Зарубежная техника», «Новинки зарубежной техники», «Из иностранных журналов». Хотя приоритет отдавался статьям о последних достижениях зарубежного опыта, большая часть рецензий, аннотаций и обзоров публиковалась спустя год и более после выхода в свет оригинала. С одной стороны, данные материалы должны были компенсировать информационную изоляцию, созданную Холодной войной. С другой стороны, бюрократизированный порядок подготовки материалов обуславливал поступление информации годичной давности. Тем не менее, такие публикации позволяли знакомиться с «западными» технологиями, которые могли быть внедрены в советской лесной отрасли. Часто именно сведения из печатных источников использовались в качестве обоснования поездок советских специалистов за границу для изучения достижений зарубежной науки и техники. Так, в одном из них, подготовленном специалистами Ленинградского НИИ лесного хозяйства, указывалось: «Из литературы известно о проводимых крупных работах по лесосушению в Финляндии».¹⁴

Другим источником информации о «западных» технологиях были сообщения о выставках, подготавливавшиеся Международным отделом Академии наук, «Гостехникой», Государственным комитетом науки и техники, Министерством торговли и другими учреждениями.¹⁵ В рамках своей компетенции данные организации распространяли данные о зарубежных событиях, особое внимание уделяя выставкам новинок техники и производства.

¹⁴ Научные поездки в Финляндию // ЦГАНТД СПб. Ф. 310. Оп. 1-2. Д. 888. Л. 40.

¹⁵ Резолюция АН СССР // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 22. Л. 43.

Несмотря на то, что получаемые данные касались технологического развития разных государств, более детальное ознакомление с наукой и техникой капиталистического блока было затруднено действием эмбарго 1949 года и Холодной войной в целом. Как справедливо указывал заместитель председателя Государственного комитета по науке и технике РСФСР П. Науменко, «изучение иностранной периодической литературы и каталогов не дает полностью необходимого материала для создания новейших современных конструкций, т.к. эти материалы часто освещают уже пройденный этап развития техники».¹⁶ Поэтому советская сторона стремилась использовать свою «дружбу» с нейтральной Финляндией для получения актуальных сведений, в первую очередь, об американской, канадской и западногерманской лесной отрасли. Такая задача была поручена советским специалистам, выезжавшим в Финляндию в рамках соглашения о научно-техническом сотрудничестве.

В Национальном архиве Республики Карелия сохранилась запись беседы советских специалистов с представителями финских компаний Метекс (*Meteks*) и Раума-Репола (*Rauma-Repola*) доктором Мусто и инженером Ласила в декабре 1957 года.¹⁷ Этот источник свидетельствует о том, что у советских специалистов существовали общие сведения, вероятно, в первую очередь, почерпнутые из печатных материалов, которые они пытались уточнить у представителей финских компаний. Вопросы, интересовавшие советскую сторону, варьировались от самых общих к узко специальным. Они касались техники и технологического производства, как в самой Финляндии, так и в других странах, прежде всего, США и Канаде. К финнам обращались как к экспертам, для которых информация о технологиях других стран была более доступной, чем для советских специалистов. Например, вопросы касались видов аппаратуры и наиболее удачно применявшегося в Северной Америке метода размола древесной щепы. Ответом экспертов были краткие рекомендации финских фирм-поставщиков американской техники и сведения об использовавшихся в Финляндии методах. Финским специалистам были заданы и более узкие вопросы, а именно: какова должна быть жесткость целлюлозы, поступавшей на отбелку и нужна ли обработка целлюлозы, получавшейся после отбелки сернистой кислотой. Кроме того, советские специалисты пытались уточнить детали

¹⁶ Письмо заместителя председателя ГКНТ РСФСР П. Науменко. 1960 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 408. Оп. 1. Д. 129. Л. 107.

¹⁷ К сожалению, в документе не указаны имена советских специалистов.

общей известной им информации: например, чем вызвано введение периодической отбели в последней ступени на новом заводе в Космополисе в США. Финские эксперты должны были, таким образом, детализировать известную советской стороне в общем виде информацию о производстве в государстве, с которым СССР имел ограниченные контакты.¹⁸

Общие и специальные данные о финских технологиях лесной отрасли использовались в обзорных и тематических докладах, часть из которых публиковалась в журналах. Вероятно, данные отчеты распространялись среди советских специалистов, готовившихся выехать в командировку в Финляндию. Целый ряд подобных отчетов был написан советником по науке и технике при советском посольстве в Финляндии В. Соломко.¹⁹ Главной задачей советника было осуществление помощи советским специалистам в период их командировок, переговоры и поддержание контактов с финскими фирмами и предоставление информации советским учреждениям. В отличие от советских специалистов, прибывавших на короткий период, В. Соломко имел доступ ко многим библиотекам и архивам Финляндии. За время своей работы он подготовил для советских учреждений несколько докладов, в которых в основных чертах постарался познакомить советских специалистов с тенденциями в развитии лесной отрасли финской экономики.²⁰

Организация поездок советских специалистов в Финляндию

В организации поездок специалистов принимал участие целый ряд советских и финских учреждений. Поскольку поездки специалистов совершались в рамках научно-технического сотрудничества, в организацию трансфера были вовлечены учреждения разного уровня. В 1955 году была основана упоминавшаяся выше «Гостехника», которую два года спустя сменил Государственный комитет по новой технике Совета Министров СССР (ГКНТ). В 1961 году комитет был упразднен, и вместо него был создан Государственный комитет Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ. Все эти организации имели схожие функции и включали в свой состав различные

¹⁸ Беседа с финскими специалистами 3.12.1957 // Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-2831. Оп. 1. Д. 6/34. Л. 107-116.

¹⁹ С середины 1950-х годов при многих советских посольствах находились советники по научно-техническим вопросам.

²⁰ Доклад В. Соломко для ГКНТ, 1959 г. // ГАРФ. Ф. 9430. Оп. 3. Д. 1547. Л. 316.

исследовательские группы по разным отраслям промышленности и сельскому хозяйству. В целом, комитеты занимались развитием советской науки и техники, а также изучением и внедрением в народное хозяйство зарубежного опыта. С 1958 года ГКНТ занимался рассмотрением заявок советских промышленных, исследовательских учреждений на командирование их специалистов за границу.

В 1958 году в советско-финляндское сотрудничество были введены академические и промышленные организации – исследовательские кафедры и промышленные предприятия.²¹ С финской стороны были вовлечены как государственные, так и частные организации: Государственный технический научно-исследовательский институт в Хельсинки, научно-исследовательский институт целлюлозно-бумажной промышленности в Хельсинки, ОАО Вяртсиля (Värtsilä Yhtymä Oy), Центральный союз деревообрабатывающей промышленности (Metsäteollisuuden keskusliitto), Лесное объединение Финляндии (Suomen Metsäyhdistys), а также целый ряд промышленных предприятий. С советской стороны – Государственный институт планирования объединения предприятий, Исследовательский институт целлюлозной и бумагоделательной промышленности, Центральная бумажная лаборатория, Академия наук СССР.

Для направления специалистов в командировки учреждения должны были составлять заявки, содержавшие «техническое обоснование целесообразности поездки»,²² которое представляло собой мотивировку необходимости изучения того или иного вопроса. Обоснование включало в себя положения о направлениях финской лесной отрасли и имевшихся в них достижениях, полученные из рассмотренных в первом разделе источников, а также идеи о возможном положительном эффекте вследствие использования финского опыта в советской практике. Как указывали ГКНТ и Совет министров РСФСР, заявки в рамках научно-технического сотрудничества должны быть составлены, исходя «из актуальности темы, ее народно-хозяйственного значения, развития и внедрения новой технологии и других задач, которые предполагается решить с помощью иностранного опыта».²³

²¹ *Kaukonen V.* Kaksi vuosikymmentä tieteellis-teknillistä yhteistoimintaa Suomen ja Neuvostoliiton välillä. Helsinki, 1975. S. 25.

²² Переписка Отдела внешних сношений ГНТК с Карельским СНХ // ГАРФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 912. Л. 125.

²³ Письмо ГКНТ СМ РСФСР совнархозам и ведомствам РСФСР. 1958 г. // ГАРФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 41. Л. 174.

На практике это постановление реализовывалось в следующем виде: как правило, заявки начинались с краткого описания существовавшей в СССР проблемы, затем давали указания на успешность Финляндии в аналогичном вопросе. Последняя часть заявки представляла собой рассуждения о возможном эффекте от применения финских практик.²⁴ Например, в техническом обосновании группы специалистов Светогорского, Приозерского и Сяського комбинатов указывалось, что реконструкция, расширение и строительство цехов отбелки целлюлозы часто производится без средств защиты от коррозии. В СССР такие средства не производят, но известны технологии нанесения защитных покрытий финских фирм Раума-Репола (Rauma-Repola) и Савио (Savio), которые обслуживают целлюлозно-бумажные предприятия с оборудованием, аналогичным оборудованию отбельных цехов, устанавливаемому сейчас в СССР. Применение этих технологий позволило бы, согласно обоснованию, предотвратить коррозию материалов и существенно сократить издержки модернизации комбинатов.²⁵

Заявки отправлялись в «Гостехнику»,²⁶ после чего поступали в советско-финляндскую комиссию, основанную в 1955 году. Задачей комиссии было обсуждение приложений и составление списка тем для командировок.²⁷ Как правило, процесс рассмотрения занимал около года, и только в 1960 году было решено рассматривать заявки сразу же после их получения.²⁸ После одобрения заявок и последующих переговоров с финскими фирмами о приеме советских специалистов делегаты направлялись в Москву для прохождения инструктажа.

Советские специалисты в Финляндии

Основным контингентом советских делегаций в Финляндии были инженеры промышленных предприятий, высококвалифицированные работники лесхозов, академики, сотрудники научно-исследовательских учреждений, а также руководители участвовавших в трансфере учреждений. Главным критерием были

²⁴ Заседание Отдела изучения и использования передового опыта ... Госкомитета СМ СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство // ГАРФ. Ф. 9430. Оп. 2. Д. 633. Л. 91.

²⁵ Техническое обоснование группы специалистов. 1950-е – 1960-е гг. // ГАРФ. Ф. 408. Оп. 5. Д. 5. Л. 128.

²⁶ Позднее в сменявшие ее комитеты.

²⁷ Отчет П.Г. Истомина // ГАРФ. Ф. 8430. Оп. 1. Д. 879. Л. 134.

²⁸ Стенограмма заседания шестой сессии советско-финляндской комиссии // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9480. Оп. 3. Д. 1877. Л. 3.

квалификация, опыт работы, должность командировавшегося и, по возможности, владение иностранным языком. На практике, однако, в некоторых случаях квалификация делегата не соответствовала целесообразности последующего применения технологии. Например, в состав делегаций не входили проектировщики, занимавшиеся проектированием при установке оборудования, реконструкции технологических объектов и пр.: «мы, проектировщики, слушаем доклады [советских специалистов о поездках], когда дело доходит до проектирования, у нас основных показателей, чтобы обосновать, нет».²⁹ Это высказывание косвенно свидетельствует о том, что специалисты не имели конкретных указаний и собирали все возможные и доступные данные в рамках широкой темы. Впоследствии такой способ переноса технологий создавал целый ряд сложностей при имплементации технологии в связи с недостатком тех или иных сведений.

В отборе советских делегатов важным был не только принцип образования, квалификации и должности, но и критерий «надежности»: в первую очередь в Финляндию отправляли тех, кто мог успешно «выполнить поставленные перед ними задачи».³⁰ Видимо, показателем такой надежности служили характеристики, которые входили в заявку на командировку, а также биография данного специалиста. Само понятие «надежности» подразумевало то, что специалист был способен выполнить возлагавшиеся на него задачи в короткий срок. Он должен был собрать максимальное количество информации, необходимой для развития советской лесной промышленности. За четыре – пять дней до поездки командировавшихся вызывали в Москву, где проводили инструктаж, выдавали валюту, уточняли технические задания, а также знакомили с данными о стране, фирмами и т.п.³¹ Вызов делегатов за столь короткий срок до командировки был связан с тем, что итоговые решения о персональном составе делегации выносились за несколько дней до поездки.³²

Мне не удалось обнаружить данные о том, как делегатам рекомендовали вести себя за границей и, в частности, в Финляндии, однако мне встретились материалы об участии советских представителей на первой сессии Объединенной рабочей группы

²⁹ Обсуждение отчета Техническим советом // РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 3256. Л. 28.

³⁰ Постановление АН СССР «О мерах по упорядочению международных научных связей» // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 22. Л. 43.

³¹ Отчет об итогах работы по командировкам за границу в 1960 г. специалистов СНХ, министерств и ведомств РСФСР. 1961 г. // ГАРФ. Ф. 408. Оп. 5. Д. 29. Л. 9.

³² Там же. Л. 15.

по технике лесозаготовок и лесной промышленности в Женеве в июне 1954 года. Там говорилось, что представители должны «присматриваться к работе группы и ограничиваться краткими сообщениями по наиболее важным вопросам», обязательно принять участие в экскурсии для ознакомления с техникой на лесозаготовках.³³ Полагаю, что, в целом, поведение советских специалистов в Финляндии было схожим: главным было получение знаний через беседы и наблюдение, т.е. следование принципу «учиться, а не учить». Это подразумевало необходимость учиться у «Запада» и исключало демонстрацию «достижений» советской лесной отрасли. В известной мере это показывает то, что «западная» отрасль воспринималась как более развитая, чем советская. В то же время, на более высоком уровне – крупных мероприятиях, проводившихся международными организациями, такими как ООН, советское руководство стремилось к демонстрации и пропаганде достижений советской науки и техники. Так, в частности, СССР стремился расширить пропаганду через ЮНЕСКО, а участие в организованных ей научных мероприятиях и публикация трудов советских ученых рассматривались как возможность продемонстрировать высокий уровень развития советской экономики, науки и техники.³⁴

Советская сторона интересовалась, прежде всего, практическим изучением вопросов и, конкретнее, посещением предприятий и опытных станций, делянок, мест строительства лесных автодорог, лесных станций, образовательных учреждений, выставок, научно-исследовательских учреждений с целью «осмотреть», «изучить» объекты.³⁵ Советские специалисты нередко делали фотографии, которые прикладывали к отчетам, старались брать все возможные материалы, которые в том или ином виде предоставляли информацию в рамках изучавшейся ими темы. Показательна в этом отношении история специалиста Министерства лесной промышленности А.Н. Холмовского, у которого пропали сделанные во время командировки фотографии. На обсуждении результатов своей поездки делегат представил альтернативное изображение – спичечный коробок, картинка на котором иллюстрировала нужный ему станок.³⁶

³³ Указания советскому представителю на первой объединенной рабочей группе по технике лесозаготовок и подборке работников лесной промышленности в Женеве, 1954 г. // РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 7. Д. 365. Л. 2-3.

³⁴ *Гайдух ИВ.* Советский Союз и ЮНЕСКО в годы «Холодной войны». 1945 – 1967 // Новая и новейшая история. № 1, 2007. С. 30.

³⁵ См., например: Программа работы д.т.н. В.А. Баженова и др. в командировке в Финляндии // Архив АН СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 395. Л. 1.

³⁶ Стенограмма заседания Президиума технического совета Министерства

Многие делегаты указывали, что финские фирмы скрывали информацию, либо якобы по ошибке направляли советских специалистов на ненужные объекты.³⁷ На обсуждении отчета группы специалистов секции Целлюлозно-бумажного и картонного производства Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности в 1957 году начальник Технического отдела Главфанспичпрома Смирнов говорит: финны «не спешат предлагать нам новое оборудование. Зачем? Мы их конкуренты, потом у нас разные системы – мы социалистическое большое государство, они капиталистическое малое государство, им выгоднее нас держать в неведении, продавать нам освоенное».³⁸ При этом советские специалисты имели сведения о наличии у финнов тех или иных технологий, но в некоторых случаях их получение оказывалось затруднительным.

Организация командировок специалистов вызвала ряд практических трудностей, главной из которых была нехватка денежных средств. Беседы специалистов обеих сторон осуществляли переводчики, поскольку большая часть советских специалистов не владела финским и плохо владела другими языками, что являлось причиной существенных финансовых затрат на переводческие услуги. В то же время советское руководство стремилось экономить на самих специалистах. В 1959 году постановлением СМ СССР устанавливалось несколько новых ограничений в расходах. В частности, отныне командированные специалисты могли пользоваться в своих поездках только ж/д транспортом второго класса. Это вызывало ряд неудобств, о которых делегаты сообщали в своих отчетах: представители зарубежных фирм, сопровождавшие советских специалистов, отказывались ехать во втором классе, пользовались вагонами первого класса и, тем самым, ставили «советских специалистов в крайне неудобное положение».³⁹ Помимо экономии средств, практические сложности в поездках делегатов были вызваны излишней централизацией в решении бытовых вопросов. Например, в одном из отчетов специалистов указывалось, что советским делегатам за границей часто вручают недорогие сувениры, что, как говорилось в тексте, являлось «общепризнанным элементом

лесной промышленности СССР по вопросу командировки А.Н. Холмовского в Финляндию // РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 3288. Л. 15.

³⁷ Отчет группы специалистов // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 925. Л. 223.

³⁸ Там же. Л. 86-87.

³⁹ Отчет об итогах работы по командировкам за границу в 1960 г. специалистов СНХ, министерств и ведомств РСФСР. 1961 г. // ГАРФ. Ф. 408. Оп. 5. Д. 29. Л. 11. Отчеты по загранкомандировкам специалистов РСФСР в 1959 г. // ГАРФ. Ф. 408.

международного этикета». В то же время, для того, чтобы сделать подарок финской стороне, советским специалистам нужно было получить разрешение не только руководства своих учреждений, но и Совета министров РСФСР.⁴⁰ Подобная практика, несомненно, отражала унификацию системы организации трансфера, но осложняла установление контактов.

«Западные» технологии в Советском Союзе

По возвращении в СССР делегаты должны были подготовить отчеты и рекомендации по внедрению новых технологий. Они должны были включать всю полученную информацию, описывать свои наблюдения и прикладывать привезенные материалы. Архивные фонды, однако, содержат немало жалоб представителей учреждений, организовавших поездки, на то, что делегаты не соблюдают сроков и подолгу задерживают у себя материал.

Как правило, отчеты строились на сравнении советских и финских реалий, описании материалов сквозь призму «у нас», «у них». Так, инженер Н.А. Бочко, изучавший лесозаготовку в Финляндии в 1955 году, указывал, что, в отличие от советских лесозаготовителей, финны рубили лес зимой, что позволяло сохранять лесоматериалы от гниения. Также он привел пример строительства лесных дорог для транспортировки сырья, указав на то, что финны не использовали никакой технической документации и строили все «на глаз». Вероятно, здесь следует вспомнить о свидетельствах других специалистов, указывавших на нежелание финнов «делиться» технологиями: проектная и техническая документация, без которой простое наблюдение было мало полезно для успешного трансфера технологий, практически никогда не предоставлялась финской стороной. Н.А. Бочко, однако, на основе своих наблюдений, рекомендовал «пересмотреть технические условия строительства автогравийных лесовозных дорог в сторону увеличения слоя гравия».⁴¹

В другом отчете группы специалистов технического совета Министерства лесной промышленности 1955 года, изучавших лесопиление в Финляндии, описывается технологический процесс окорки и промывки бревен. Предложения авторов включали в себя приобретение металлоуловителей (которые использовали финны для поиска в древесине гвоздей и осколков металла),

⁴⁰ Оп. 5. Д. 19. Л. 16.

⁴¹ Бочкарев М.М. 15 дней в лесах Финляндии // Лесное хозяйство. 1964. № 4. С. 88-93.

автокраны для укладки лесоматериалов, а также необходимость «резко усилить» строительство цехов по переработке отходов лесопиления, купить пакетоформирователи для укладки пиломатериалов.⁴² В целом, во многих отчетах говорится о необходимости срочного внедрения всех увиденных финских практик и закупки техники.

Вероятно, подобные «амбициозные» рекомендации являлись итогом не рефлексии и профессионального анализа, а культурного шока. Для абсолютного большинства поездки в Финляндию была большим культурным событием, и едва ли советские специалисты могли изолировать себя от впечатлений. Так, некоторые фотографии, сделанные специалистами во время поездки и приложенные к отчету, запечатлели фотографии домов, клумбы и памятники.⁴³

Обсуждение отчетов и рекомендаций в учреждениях, направивших специалистов, представляло важный этап трансфера и являлось обязательной практикой. Зачастую заседания организовывали спустя год после прибытия делегатов, и обсуждения происходили в рабочее время. Как отмечал сотрудник Министерства лесной промышленности СССР Е.И. Лопухов, некоторые поездки оказались безрезультатными, «они закончились тем, что люди посмотрели технику за рубежом, после этого сделали поверхностный отчет, который пришивался к делу, а дело не двигалось вперед».⁴⁴ Очевидно, что обсуждение опыта коллег не вызвало большой заинтересованности со стороны специалистов и рабочих.

Заключение

В источниках нет единых данных о количестве выезжавших в Финляндию специалистов. Генеральный секретарь первого состава финской части советско-финляндской комиссии В. Кауконен (V. Kaukonen) приводит следующие сведения о числе делегатов, выезжавших в Финляндию по всем направлениям научно-технического сотрудничества (Табл. 1).

⁴² О лесопилении в Финляндии. Отчет // РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 3238. Л. 88-89.

⁴³ Отчет по поездке в Финляндию // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. Д. 51. ЛЛ. 43-84.

⁴⁴ Стенограмма заседания Президиума технического совета Министерства лесной промышленности СССР по вопросу командировки А.Н. Холмовского в Финляндию. 1956 г. // РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 3288. Л. 60.

Табл. 1. Число советских делегатов в Финляндию

Советские делегаты в Финляндии		
Год	Кол-во групп	Кол-во человек
1956	59	173
1957	28	66
1958	61	195
1959	45	95
1960	26	54
1961	23	65
1962	18	46
1963	17	37
1964	16	38

Составлено по: Kaukonen, V. Op. cit. S. 27.

Если верить этим данным, то можно видеть постепенное сокращение числа советских делегатов в Финляндии. Вероятно, это было связано со снижением энтузиазма советского руководства, что, в целом, подтверждают архивные материалы. Представляется, что к середине хрущевского периода стали очевидными нецелесообразность больших финансовых затрат и малый эффект от поездок специалистов.

В 1960 году советский посол в Финляндии А. Захаров выслал письмо председателю ГКНТ СМ СССР КД. Петухову, где утверждал, что такое положение дел «вызывает отрицательное впечатление, и ставится под сомнение наша заинтересованность в этом сотрудничестве».⁴⁵ Как утверждал советник Соломко, в Советском Союзе трансфер понимался как конечный процесс, изучение технологий в определенном объеме, но «представление о том, что в Финляндии нами уже все изучено – неправильно».⁴⁶ «Количественный, качественный и технико-экономический уровень современной финской лесопромышленности [в 1960 году] совсем иной, чем был в 1950 – 1955 гг.» Финны строят фабрики, завозят машины из Америки, Англии, ФРГ и это, по мнению В. Соломко, было показателем перманентности прогресса, который нельзя понимать как конечный.⁴⁷ В 1962 году советник был отозван с должности, и отсутствие нового кандидата вызвало беспокойство со стороны финской части советско-финляндской комиссии.⁴⁸ Причина снятия советника с должности формально объяснялась окончанием срока его полномочий, но также могла быть связана с его «излишним» энтузиазмом и настойчивостью.

В целом, несмотря на снижение интереса к трансферу и организационные сложности переноса технологий, в хрущевский период оформились каналы сотрудничества СССР и Финляндии, а также были заложены основы для дальнейшей кооперации. Представленная история трансфера «западных» технологий в лесную отрасль советской промышленности позволяет говорить о проницаемости «железного занавеса». Противостояние идеологий, лозунги о соревновании капиталистической и социалистической экономик не препятствовали осуществлению трансфера, происходившего в виде контактов специалистов стран двух блоков.

⁴⁵ Письмо посла А. Захарова в ГКНТ // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 930. Л. 187.

⁴⁶ Письмо В. Соломко в ГКНТ. 1960 г. // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 930. Л. 161.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Стенограмма заседания советско-финляндской комиссии // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 927. Л. 110.

В то же время, однако, в известной степени на микроуровне сотрудничество воспринималось как вынужденное и имело следствием отсутствие заинтересованности советских специалистов, а также культурный шок. Краткосрочные поездки людей, большая часть которых впервые оказывалась за границей, не могли позволить «перенести» все технологии, а бюрократические препятствия еще больше осложняли данный процесс.

Екатерина Калеменева

Города под куполом: советские архитекторы и освоение Крайнего Севера в 1950-1960-е годы¹

В поисках наиболее подходящей с эстетической или функциональной точки зрения формы архитектурная мысль иногда намного опережает реальность, создавая тем самым иллюзию возможности приближения воображаемого будущего. История архитектуры XX века, во многом проходившая под знаменами модернизма, знает немало примеров зданий, районов и даже целых городов, многие из которых были приняты далеко не всеми современниками и так и остались на бумаге. В некоторых случаях сама природа требует от проектировщиков разработки особых принципов градостроительства, вызывая тем самым необходимость не только специальных инженерных решений, но и особых форм. Для Советского Союза в 1950-е годы территория Крайнего Севера была именно таким регионом, суровость климатических условий которого, с одной стороны, бросала вызов инженерам и проектировщикам, с другой стороны, вдохновляла их на поиск новых подходов к строительству. Одним из ярких примеров таких подходов являются проекты крытых городов под стеклянным куполом в Сибири. Данное исследование посвящено изучению того, почему и каким образом архитекторы и другие специалисты по вопросам урбанизации Крайнего Севера с 1950-х годов пытались изменить практику строительства и освоения в этом регионе.

Арктические территории² играли для Советского Союза чрезвычайно важную роль как с геостратегической, так и с экономической точки зрения: они являлись хранилищем несметных

¹ Исследование выполнено в рамках международного проекта «Оценивая будущее Арктики: ресурсы, люди, нарративы», поддержанного Фондом стратегических исследований в области окружающей среды (MISTRA), Швеция.

² Стоит прояснить употребление в исследовании понятий Арктика и Крайний Север, дискуссионных при географической локализации. В Советской литературе по отношению к ним не было терминологической точности, они часто использовались как синонимы. Причем, «Арктика» в большей степени употреблялось в международном аспекте. Потому в 1950-е годы для обозначения этого региона чаще употребляли понятие «Север» или «Советский Север», куда включались районы, расположенные к северу от обжитой территории СССР, в отношении которых стояла задача промышленного освоения. Потому, следуя терминологии источников, в данной работе понятия Арктика, Крайний Север, советский Север также выступают в качестве синонимов.

природных богатств. Там было сосредоточено почти $\frac{3}{4}$ запасов всех природных ресурсов страны: нефти и газа, различных видов руд, металлов, дефицитных и редких типов ископаемых (алмазы, золото, вольфрам) и др. Освоение этих земель советской властью началось уже с 1920-х годов. Причем, несмотря на то, что определенные шаги в этом направлении делались и до революции, в официальной риторике постоянно подчеркивалось, что прежде эти земли «не только не осваивались, но и были изучены в ничтожной мере».³ Потому Крайний Север в советском дискурсе в середине XX века нередко метафорически изображался в качестве земли «ледяного безмолвия», а процесс его освоения – как стирание белых пятен с карты страны советским человеком. Основной целью освоения этих территорий было исследование и использование их богатейшего ресурсного потенциала, что позволяло окупить чрезмерно высокие государственные расходы на строительство и работы в условиях Крайнего Севера. Потому развитие региона носило, в первую очередь, индустриальный характер. Его символом были новые очаги добывающей промышленности и целые промышленные районы.⁴ В то же время с процессом промышленного освоения была тесно связана проблема строительства новых городов и населенных пунктов при северных предприятиях.

Уже в 1930-е годы на Крайнем Севере возникают такие крупные индустриальные центры как Норильск, Магадан, Воркута. Но большая часть территории к середине XX века оставалась неосвоенной из-за суровости природных условий на Севере. Сложность строительства в условиях вечной мерзлоты; сильные снежные заносы; длительные отрицательные температуры (до 9 месяцев в год); удаленность от других индустриальных центров и низкий уровень транспортного сообщения с ними; сложность продовольственного и промышленного снабжения; крайняя малонаселенность территории и высокие затраты на труд являлись основными факторами, которые приводили почти к пятикратному удорожанию строительных работ на Севере по сравнению со средними широтами, не говоря уже об увеличении сроков строительства.⁵ В 1950-е годы начинается новая волна индустриального освоения северных территорий Советского Союза в связи с обнаружением там все новых запасов полезных ископаемых, необходимых для развития промышленности в масштабах всей страны.

³ *Славин С.В.* Промышленное и транспортное освоение Севера. М, 1961. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ *Черский Н.* Север не ждет, Север требует! // Известия. 1960. 18 марта.

Помимо этого, в послевоенные годы технические и экономические возможности государства позволяли увеличить темпы организации новых производств в северных широтах. Это повлекло за собой организацию многочисленных постоянных поселений в местах добычи ресурсов. Однако в это же время в связи с постепенной ликвидацией системы ГУЛаг обостряется социальная сторона проблемы. Если ранее разработка ресурсов, строительство дорог и населенных пунктов в основном лежали на плечах заключенных, то отныне важнейшей задачей государства становилось привлечение добровольцев на северные стройки и, что еще важнее, стимулирование людей оставаться в Арктике на длительный срок.

В связи с растущим вниманием к территориям Крайнего Севера в послевоенное время происходит значительная активизация исследований, направленных на поиск наиболее рациональных принципов развития Севера Советского Союза. Более того, серьезно возрастает статус занятых в этом ученых и проектировщиков, которым была отведена роль экспертов по разработке проектов наиболее экономичного строительства на Севере. Актуальность этих вопросов также возросла на волне активной жилищной политики при Хрущеве, направленной на смягчение остроты квартирного вопроса в стране. Потому проблема улучшения бытовых условий для населения занимала одно из центральных мест в официальном дискурсе эпохи Оттепели. Кроме того, в этот период внутри советской архитектуры происходили важные перемены, касавшиеся очередной смены официально поддерживаемого стиля. В 1955 году произошло осуждение «сверху» излишеств и перегибов сталинского ампира, и прозвучал директивный призыв к архитекторам разработать новые образцы функционального типового массового строительства. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» провозглашалось, что «советской архитектуре должна быть свойственна простота, строгость форм и экономичность решений»⁶. Это стимулировало увеличение исследований в области строительства и архитектуры в новом направлении. Помимо этого, в годы Оттепели возобновляются прерванные в начале Холодной войны контакты с зарубежными специалистами, публикуются издания,

⁶ См.: Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года №1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55/30.09.12>

посвященные работам иностранных архитекторов, совершаются визиты делегаций в целях взаимообмена опытом.

Эти процессы оказывали влияние на развитие архитектурных идей в СССР. Многие инженеры тоже были охвачены атмосферой творчества и энтузиазма, характерной для эпохи 1960-х, потому проектные организации откликнулись на подобные призывы усиленной разработкой новых технических решений и форм.⁷ Вследствие сильной централизации науки и исследовательской деятельности в Советском Союзе основные организации, занимавшиеся этими вопросами, находились в Москве и Ленинграде. Но влияние их теоретических разработок, неоднократно публиковавшихся в различных изданиях, сказывалось в научных центрах по всей стране. Одним из центральных учреждений, занимавшимся вопросами хозяйственного освоения страны, был Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР. В сферу его деятельности входило комплексное изучение экономического потенциала территории и составление перспективного плана индустриального развития различных регионов. Примечательно, что в рамках СОПСа в 1954 году была создана особая межведомственная Комиссия по проблемам Севера для разработки принципов наиболее рационального развития во многом неизведанных ранее земель. Эта Комиссия была центром, координирующим работу по изучению различных аспектов, связанных с Арктикой. Ее сотрудники принимали участие почти во всех конференциях, посвященных проблеме. Они также выпускали один из наиболее влиятельных в своей области научных журналов «Проблемы Севера», страницы которого объединяли ученых различных областей знания – от гляциологов и океанологов до градостроителей. Глава Комиссии – доктор экономических наук, профессор Самуил Венедиктович Славин – являлся одним из наиболее авторитетных специалистов по развитию региона. Он стоял у истоков североведения в СССР, с 1931 года был руководителем группы Севера в Госплане, а с 1962 в течение почти 30 лет руководил Комиссией по проблемам Севера СОПС. В целом, влияние его разработок сказывалась почти на всех работах, посвященных исследованию советского Севера.⁸

⁷ О тенденциях в советской архитектуре в годы Оттепели подробнее: Рубл Б. От «хрущоб» к коробкам // Жилище в России: Век XX: Архитектура и социальная история / Сост. У.К. Брумфилд, Б. Рубл. М., 2002. С. 139-156.

⁸ Подробнее о С.В. Славине см.: Потери науки. Памяти Самуила Венедиктовича Славина (1901-1989) // Известия РАН. Серия Географическая. 1990. N 6.

В то время как сотрудники СОПС изучали перспективы промышленного освоения Арктики, разрабатывая тем самым общие принципы «продвижения на Север», основная проектная деятельность по созданию планов новых арктических городов была сосредоточена в Ленинградском филиале Академии строительства и архитектуры (далее - Ленфилиал)⁹. Этот институт специализировался на градостроительстве в арктических условиях. В 1957 году его сотрудники принимали участие в широкомасштабной работе по составлению «Правил и норм планировки и застройки населенных мест Крайнего Севера и Северо-Востока СССР», которые должны были служить ориентиром для всего северного строительства. Помимо проектной деятельности, внутри института была организована обширная научная работа по теоретическому исследованию различных аспектов градостроительства на Севере: от чисто технических сторон (к примеру, технология строительства в вечномёрзлых грунтах) до проблем дизайна северных поселений (цветовое решение, озеленение).¹⁰ Несмотря на то, что эти организации находились достаточно далеко от арктического региона, их члены неоднократно участвовали в различных командировках и экспедициях в города и поселки Крайнего Севера для изучения местных условий. По итогам этих поездок они составляли обширные отчеты, служившие базой для дальнейших исследований¹¹. В ходе этих экспедиций проводилось изучение природных и климатических условий в разных районах Севера и условий жизни населения, проверка состояния инженерного оборудования, сбор материалов по градостроительным показателям и прочей информации. Причем в ходе сбора материалов проводились опросы среди сотрудников местных партийных организаций, промышленных предприятий и даже простого населения. Между этими двумя организациями была определенная связь и обмен знаниями, который осуществлялся как на страницах уже упомянутого издания «Проблемы Севера», так и на различных конференциях. К тому же, СОПС неоднократно отправлял заказы в Ленфилиал на исследование тех или иных вопросов. Таким образом, хотя эти учреждения подходили к проблеме освоения Севера с разных сторон (одна – с экономической, другая – с инженерной), в их работе легко проследить множество схожих черт.

⁹ В 1964 году он был реорганизован в Ленинградский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования (ЛенЗНИИЭП).

¹⁰ Большинство подобных разработок в настоящее время хранится в фонде ЛенЗНИИЭПа: ЦГАНТД, Ф.17.

¹¹ См., например: Обследование населенных мест Арктики и Крайнего Севера. Т.1-3. [Л, 1957] // ЦГАНТД, Ф. 17, Оп. 2-2, Д. 423, 424, 425.

В настоящее время существует множество исследований, раскрывающих частичную либерализацию и автономизацию научного мира в годы Оттепели.¹² Эта тенденция охватила не только естественнонаучное сообщество, но была также характерна для различных прикладных и технических сфер. Работы специалистов, занятых разработкой принципов создания новых северных поселений в 1950-60-х, являются ярким тому доказательством. В эти годы в их деятельности происходит важный поворот: специалисты-североведы буквально в один голос начинают говорить о необходимости радикального изменения принципов освоения Крайнего Севера СССР, обращая внимание на тяжелое положение населения в арктических широтах. Более того в своих работах они открыто демонстрируют множество ошибок и просчетов в прежней практике строительства 1930-х годов, критикуя за это в том числе вышестоящие инстанции, что является серьезным отличием от сталинского времени. Труды специалистов отражают многие характерные черты эпохи: энтузиазм и стремление изменить жизнь на Севере к лучшему, веру в науку и прогресс, в достижимость идеалов, а также критику «прежних недочетов» и инициативу в их изменении.¹³ Так, в 1950-1960-е годы в работах, посвященных развитию приарктических областей, все чаще можно встретить указание на то, что «слишком много отрицательных сторон в опыте освоения северных районов».¹⁴ Причем такие утверждения появляются не только на страницах внутренних отчетов различных исследовательских учреждений, но и в большом количестве изданий, ориентированных на более широкий круг читателей,¹⁵ вплоть до центральной прессы.¹⁶

Для подобного усиления внимания архитекторов и других специалистов к проблемам улучшения условий жизни человека на Севере были все основания: судя по отчетам уже упомянутых

¹² *Berry M.J.* Science, Technology and Innovation // Khrushchev and Khrushchevism. Indiana University Press. 1987. P.71-95; *Grabam L.* The ghost of the executed engineer: technology and the fall of the Soviet Union. - Harvard University Press, 1993; *Ivanov K.* Science after Stalin: Forging a New Image of Soviet Science // Science in Context, 15 (2), 2002. P. 317-338.

¹³ Подробнее об общественных настроениях оттепели: Вайль П., Генис А. 1960-е: мир советского человека. М., 2001.

¹⁴ Прогнозы развития системы обслуживания населения и типов общественных зданий в условиях Севера (I климатической зоны) [1969]// ЦГРНТД. Ф.17. Оп. 2-6, Д. 1188. Л. 1.

¹⁵ Примеры, иллюстрирующие подобные ошибки строительства и халатность прежних органов, многократно встречались на страницах научных трудов, издаваемых многими организациями, занятыми изучением Крайнего Севера, в 1950-1960-е годы.

¹⁶ Например: Черский Н. Север не ждет, Север требует! // Известия. 1960. 18 марта.

экспедиций в арктические поселки, повседневная жизнь в большинстве населенных пунктов была на грани экстремальной. К примеру, к 1950-м годам не было разработано никаких специальных методов строительства в условиях с длительными отрицательными температурами, отсутствовала даже техника, способная работать в таких условиях.¹⁷ Потому зачастую северные рабочие поселки застраивались спонтанно, без предварительно разработанного плана, одно- или двухэтажными деревянными зданиями барачного типа, характерными для более южных широт.¹⁸ Из-за сильных снеговых заносов, доходящих в некоторых регионах до 30 метров, подобные дома могло полностью покрывать снегом. К примеру, зимой 1948 – 1949 годов в поселке Тикси была занесена выше крыши большая часть зданий, и более трех месяцев не работал находящийся там завод.¹⁹ Помимо этого, сказывался резкий недостаток жилого фонда. Так в Воркуте на 1957 год на одного жителя приходилось 2,7 квадратных метра, при этом часть жилого фонда состояла из непригодных для жилья помещений из-за неблагоустроенности, недопустимого охлаждения и других причин, включающих разрушение из-за неправильных методов строительства в местных климатических условиях.²⁰ В большинстве населенных пунктов отсутствовали канализация, централизованное водоснабжение и отопление. К тому же при освоении месторождений нередко в первую очередь строились производственные объекты, а жилье и здания непромышленного характера вводились с большим опозданием. А если месторождение признавалось неперспективным, то их строительство вовсе прекращалось.²¹ Подобные крайне плохие бытовые условия жизни и работы на Крайнем Севере были причиной непомерной текучки кадров, что приводило к еще большему увеличению государственных расходов.

Таким образом, в качестве главной ошибки, из которой следовали все остальные, ученые постоянно указывали игнорирование специфики природных условий Крайнего Севера. Именно это,

¹⁷ *Савин С.В.* Наступление на север // РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 18. Л. 216.

¹⁸ *Ястребов А.Л.* Освоение Крайнего Севера и проблемы строительства // Проблемы Севера. Вып. 10. 1964. С. 24.

¹⁹ Правила и нормы планировки и застройки населенных мест Крайнего Севера и северо-востока СССР [Исполнители – Т.В. Римская-Корсакова, А.Л. Ястребов, 1957] // ЦГАНТД, Ф. 17, Оп. 2-2 Д. 428. Л. 14.

²⁰ Перспективы развития населенных мест Крайнего Севера [Е.П. Муравьев, Т.В. Римская-Корсакова, 1958] // ЦГАНТД, Ф. 17. Оп. 2-2, Д. 432. Л. 32.

²¹ *Батаева Т.И.* Особенности условий жизни населения Магаданской области // Население и трудовые ресурсы северо-востока СССР. Труды Северо-восточного комплексного НИИ. Выпуск 27. М., 1968. С. 35.

по их мнению, вело к непомерным и неоправданным увеличениям расходов на развитие региона. С другой стороны, в 1950-е годы практически в любой работе, посвященной северным стройкам, подчеркивалась не просто необходимость снижения расходов на строительство, но и, в первую очередь, требование позаботиться о населении арктических городов, защитить его от неблагоприятного воздействия суровой среды с помощью новых принципов северного градостроительства и проектирования. Таким образом, с этого времени проектировщики всерьез начинают выступать в защиту нужд населения. Потому архитекторам, как нанятым государством экспертам, необходимо было найти консенсус между интересами разных групп: с одной стороны, обеспечить максимальное снижение государственных расходов, с другой – обеспечить наиболее комфортные условия для местных жителей. В связи с этим большинство предложений специалистов являлось своеобразным компромиссом между этими двумя задачами, а их аргументация строилась как иллюстрация к поговорке «скупой платит дважды»: лучше изначально вложить больше средств на разработку и внедрение новой техники и методов строительства, чем постоянно увеличивать расходы впоследствии. Яркой чертой послевоенного советского общества являлась восторженная вера в научно-технический прогресс и способность с его помощью приблизить «светлое будущее», улучшить жизнь людей. Это во многом способствовало формированию убеждений о возможности максимального улучшения условий жизни на Севере в самом ближайшем будущем благодаря научным разработкам современников.²²

На этом примере хорошо заметна значимость роли архитекторов и проектировщиков как медиаторов между различными интересами общества и власти. Их деятельность является своеобразным местом пересечения различных задач. На нее с разных сторон оказывали сильное влияние государственные цели (в данном случае – удешевление строительства), социальные вопросы (улучшение бытовых условий для местного населения), технические возможности времени и даже природные особенности. Помимо этого, в работах специалистов-проектировщиков хорошо заметны и интересы своей корпорации – обос-

²² Показательной иллюстрацией подобных воззрений является статья: Иоффе А.Ф. Что могут дать Северу современная наука и техника? // Проблемы Севера. Выпуск 6. 1962. С. 95-97.

нование первостепенной значимости деятельности научного экспертного сообщества, в чем состоит одна из отличительных черт развития науки в годы Оттепели. На волне изменения положения различных исследовательских институтов в после- сталинское время в большинстве работ североведов также встречаются призывы к изменению принципов взаимодействия государства и ученых: от модели «приказ (план) – выполнение» к полноценному сотрудничеству в вопросах освоения Севера, даже первостепенному учету мнения специалистов. Так, постоянно подчеркивалась необходимость первоначальных научных разработок любых действий, прежние ошибки зачастую объяснялись чрезмерным бюрократизмом государственных структур. Постоянно звучали упреки в недостаточном внимании государства к деятельности специалистов: «Неблагополучие на наших северных стройках – это результат не только неповоротливости плановых и финансовых органов <...>. Это, прежде всего, следствие одностороннего подхода к проблемам Севера и недооценки научно-исследовательских работ в строительстве на Крайнем Севере».²³ Вследствие этого подчеркивалось, что именно специалисты отныне должны определять, каким должно быть будущее Крайнего Севера.

В этих условиях сотрудники Ленфилиала с середины 1950-х годов начинают разрабатывать новые принципы и нормы северного градостроительства. В различных проектах будущих арктических городов хорошо заметны несколько общих черт. Лейтмотивом каждого из них звучал тезис о том, что Север – уникальный регион, который требует совершенно особого подхода. Причем специальным там должно быть все: от техники «в северном исполнении» до социальной организации поселений. К тому же можно утверждать, что Крайний Север нередко воспринимался как «земля будущего»: это была чистая, практически не освоенная человеком территория, к которой нельзя было применять известные ранее нормы и подходы. Поэтому сама суровая природа требовала от архитекторов разработки принципиально нового решения традиционных задач, вследствие чего они обладали большой свободой для воплощения самых смелых идей, которые, порой, граничили с фантастикой. В этих проектах наиболее яркое воплощение получило стремление к максимальной рационализации, «научной организации» окружающего пространства.

²³ Ястребов А.Л. Освоение Крайнего Севера и проблемы строительства. С. 22.

Стоит выделить хотя бы несколько базовых положений градостроительства на Севере, которые архитекторы предлагали рассматривать в качестве необходимых требований. Основным принципом всех разработок провозглашалось создание там более высокого уровня жизни населения, чем в среднем по стране, «чтобы компенсировать трудные природные условия».²⁴ Исходя из этого, архитекторы, в первую очередь, призывали полностью отказаться от практики строительства, традиционной для средних широт. Для создания максимально комфортных условий жизни все новые города предлагалось строить (или перестраивать старые) по заранее разработанным специальным планам путем плотной и компактной застройки крупнопанельными высотными домами по принципу микрорайона.²⁵ Этот шаг был выгоден как с экономической, так и с социальной точек зрения. Это уменьшило бы затраты на проведение канализации и другой инфраструктуры в условиях вечной мерзлоты, и в то же время облегчило жизнь человека в суровом климате, поскольку позволило бы максимально уменьшить длину пешеходных сообщений, сократив тем самым время вынужденного пребывания людей на открытом воздухе. Поэтому особому расчету подвергалось расположение жилых и общественных зданий с целью обеспечения наименьшего расстояния между важными для человека объектами.²⁶ К примеру, среднее расстояние от школы до места жительства не должно было превышать 300 метров.²⁷

Наиболее смелой и радикальной попыткой реализации идеи создания наиболее комфортных условий для населения Арктики являются проекты строительства крытых городов с искусственным микроклиматом. Ранее образ городов под куполом можно было встретить только на страницах фантастических романов, однако в 1960-е годы подробные проекты все чаще стали появляться в среде проектировщиков сразу в нескольких странах. Причем они не являлись лишь образцами «бумажной архитектуры». Напротив, эти проекты были детально разработаны с технической стороны в специальных проектных организациях, и многие их аспекты имели не идейную, а вполне рациональную

²⁴ *Славин С.В.* Справки по советскому и американскому северу [июнь 1966] // РГАЭ. Ф. 746 Оп. 1. Д. 135. Л. 248.

²⁵ *Муравьев Б.В., Римская-Корсакова Т.В.* Градостроительство и акклиматизация населения на Крайнем Севере // Проблемы Севера. Вып. 6. 1962. С. 84.

²⁶ *Римская-Корсакова Т.В.* Структура селитебной территории населения мест Крайнего Севера // Проблемы Севера. Вып. 10. 1964. С. 63-70.

²⁷ Там же. С. 66.

аргументацию²⁸. Возможно, на распространение идеи города под куполом оказало серьезное влияние успешное освоение человеком космоса – еще одного пространства, казавшегося ранее неподвластным. После его покорения освоение Крайнего Севера для постоянных поселений казалось гораздо более легкой задачей. Космическая тема была настолько распространена в массовой культуре, что даже ее визуальные формы находили отражение во многих аспектах общественной жизни – от литературы, дизайна одежды до формы зданий.²⁹ Потому не случайно, что образ крытого города переходит со страниц научно-фантастических книг в градостроительные проекты именно в 1960-е годы.

Технически эта идея могла быть осуществима благодаря открытию принципов строительства геодезического купола американским инженером Ричардом Бакминистером Фуллером в 1940-е годы. Он организовал несколько компаний для продвижения этой идеи в строительстве. Его ученики и коллеги неоднократно создавали проекты отдельных домов под куполом, а в скором времени подобная идея распространилась на целые города. Вероятнее всего, что к советским проектировщикам эта идея перешла из Канады благодаря тесным международным научным контактам и информационным обменам, участвовавшим в годы Оттепели. Так, на страницах советских изданий, посвященных освоению Севера, нередко в эти годы можно было встретить сюжет о проекте канадского арктического городка Фробешер-Бэй, разработанном в 1958 году (Рис.1).³⁰

Согласно этому проекту, город должен был представлять собой плотно застроенный городской центр с основными административными и общественными учреждениями, включая школы и церкви, полностью укрытый защитным куполом. Температура воздуха в нем должна была искусственно поддерживаться

²⁸ Подобные проекты обсуждались даже в периодических изданиях. Например, советские: *Одновалов С.П., Цимбал М.В.* Архитектура населенных мест с искусственным микроклиматом // *Проблемы Севера*, Вып.10. 1964; *Дом в Заполярье* // *Юность*, №7, 1976. Подробнее о канадском проекте: *June in January? Plastic Frobisher Dome May Change Arctic Life* // *Ottawa Citizen*. Nov. 20, 1958; *City Around the Dome Planned for Arctic Area* // *Popular Mechanics*. May, 1959. Схожие идеи были и среди шведских архитекторов: *Erickson R.* Architecture and town-planning in the North // *Polar records*. Vol.14, Issue 89. May 1968.

²⁹ О влиянии космической тематики на архитектурный дизайн подробнее: *Anker P.* The closed world of ecological architecture // *The Journal of Architecture*. Volume 10. Number 5, p. 527-552.

³⁰ *Farish M., Lackenbauer P.W.* High modernism in the Arctic: planning Frobisher Bay and Inuvik // *Journal of Historical Geography* 35 (2009). Pp. 517–544.

в наиболее холодные месяцы не ниже минус 6 градусов при полном отсутствии ветра. Купол, в свою очередь, должен быть окружен 36-ю двенадцатиэтажными башнями-домами. Источником энергии и тепла должна была служить атомная электростанция. Этот проект часто приводился советскими учеными в качестве примера наиболее продуманного и грамотного подхода к строительству северных городов, как образец сотрудничества государства и ученых в вопросах освоения Арктики.³¹

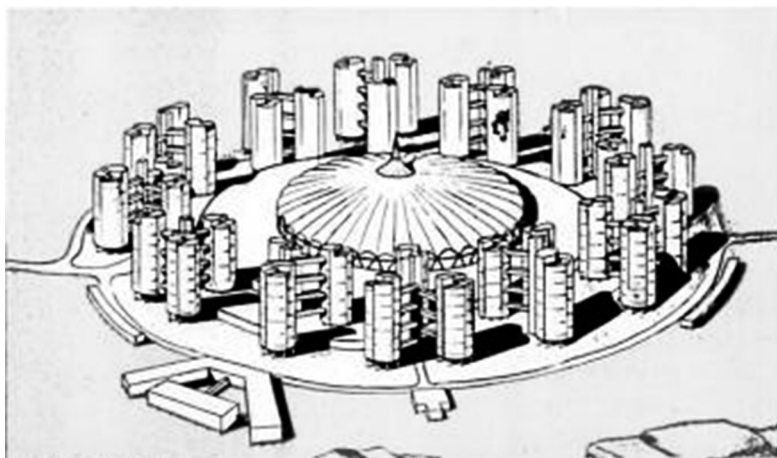

Рис.1 Проект города Фробишер Бэй. Источник: Popular Mechanics. May, 1959. P.136.

Любопытно проследить дальнейшую историю идеи крытого арктического города. В ходе одной из поездок группы советских ученых в Канаду, из бесед с канадскими коллегами выяснилось, что указанный проект служил в большей степени рекламным целям, и ему, кроме авторов, никто даже не придавал серьезного значения:

Канадцы считают, что почти полная изоляция жителей в таких городах и поселках от естественных условий может привести к неблагоприятным последствиям, необходимо предварительно провести большие работы по исследованию физиологического и психического состояния человека в подобных условиях. К тому же, осуществление такого проекта обойдется в несколько раз дороже, чем строительство поселка обычного типа со всеми видами коммунального обслуживания.³²

³¹ Ястребов А.Л. Освоение Крайнего Севера и проблемы строительства. С. 24.

³² Отчет советской делегации по поездке в Канаду для ознакомления с опытом строительства в северных районах // РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 135. Л. 11.

Однако, несмотря на это, среди советских ученых-проектировщиков идея постройки города под куполом в наиболее суровых заполярных условиях получила чрезвычайно широкое распространение. Разработанные проекты были очень схожи с канадским аналогом. Они поражают своей продуманностью и спланированностью и, в то же время, неким отзвуком фантастики. В качестве примера можно рассмотреть проект строительства поселка Айхал вблизи места добычи алмазов в Якутии. Центр города с основными административными, общественными и культурными учреждениями предлагалось накрыть стеклянным куполом, от которого бы расходились крытые галереи и пассажи, соединявшие его с многоэтажными жилыми домами (Рис.2). Эти дома должны были иметь цилиндрическую форму, чтобы вблизи стен не образовывалось большого скопления снега, а суровые северные ветра «огибали» здания.

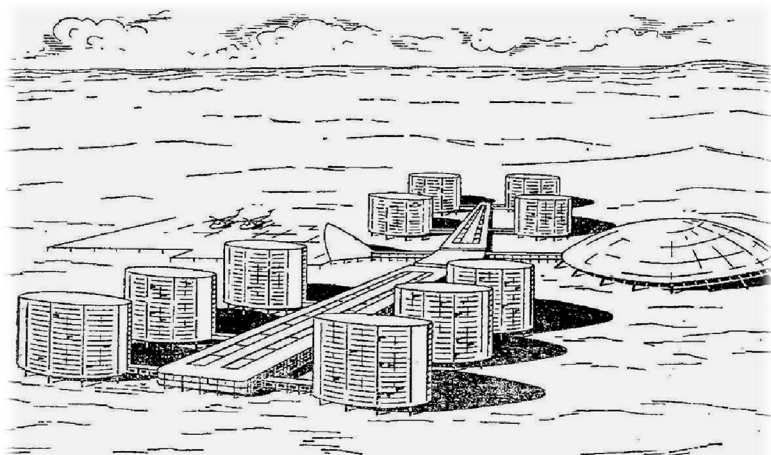

Рис.2. Проект города при руднике Айхал (Якутия). Источник: Проблемы Севера, 1964. С.100.

Необходимость повышенной этажности (до 15 этажей) объяснялась слишком большой стоимостью установки свай в условиях вечномёрзлых грунтов, необходимостью более компактного проживания населения, а также тем, что при грамотном расположении эти здания будут являться снегозащитным фактором.³³

³³ *Одновалов С.П., Цимбал М.В.* Архитектура населенных мест с искусственным микроклиматом // Проблемы Севера. Вып.10. 1964. С. 96.

Кроме того, проекты предусматривали поднятие первого этажа зданий примерно на 3 метра над уровнем земли, чтобы избежать отложения снеговых заносов и передачи тепла от зданий в вечномерзлый грунт. Крытые галереи и пассажи, соединяющие центр с остальными зданиями, должны были являться своеобразными бульварами или улицами города с газонами и декоративными кустарниками, тем самым решая проблемы прогулочного пространства и озеленения городка.³⁴ В них же для удобства предполагалось размещать основные учреждения обслуживания (магазины, парикмахерские и т.п.). Помимо прочего, такой город позволял решить вопрос с автотранспортом. Из-за высокой стоимости строительства дорог на вечномерзлом грунте, а также отсутствия «северного» транспорта, в данных условиях предлагалось отказаться от массового использования городского транспорта, чтобы в идеале северный город был городом пешеходов.

Таким образом, крытые города являлись бы своеобразным полуавтономным организмом, где все было рационально организовано на научной основе. Природа в них не должна была препятствовать человеку в работе, отдыхе, общественной и культурной жизни. Сложно не заметить, что стремление ученых к рационализации пространства распространялось и на социальную структуру этих городов. Человеку там предстояло практически постоянное нахождение в крытом пространстве, перемещение по строго установленным переходам. Особому регулированию предполагалось подвергнуть численность населения этих городов, поскольку проживание людей на Севере обходилось государству крайне дорого. Потому нередко можно встретить требования четко регулировать количество жителей поселений.³⁵ Более того, предлагалось заселять Север только физически развитыми здоровыми квалифицированными специалистами, что должно было служить целям более экономичного освоения. В одной из статей С.В. Славин вообще призывал брать на северные стройки в первую очередь сибиряков, поскольку их организм лучше других приспособлен к адаптации в суровых арктических условиях.³⁶ В целях рационализации планировалось использовать труд семей специалистов (женщин и молодежи) в сфере обслуживания. «Освободив женщину от трудных в тамошних условиях бытовых забот, дав ей возможность работать на предприятиях или в сфере обслуживания, – мы получим двойную

³⁴ Там же. С. 99.

³⁵ *Римская-Корсакова Т.В.* Структура селитебной территории. С. 69.

³⁶ *Славин С.В.* Как лучше взять богатства Севера? // Цемент. 1961. 4 ноября.

выгоду: меньше придется «завозить» людей из других районов страны, поднимется общий заработок семьи». ³⁷ Для этого даже предлагали максимально сократить продажу продуктов в магазинах параллельно с созданием широкой сети общественного питания, «что позволит освободить население от малопроизводительной затраты времени и сил на приготовление пищи дома». ³⁸

Появление подобных разработок у советских проектировщиков, с одной стороны, свидетельствует о том, что в годы Оттепели архитектура в СССР развивалась в русле западноевропейских тенденций. В них нашли отражение многие принципы модернизма и функционализма, утвердившиеся на Западе в XX веке под влиянием работ Ле Корбюзье. С другой стороны, в них можно проследить влияние разработок советских авангардистов 1920-х годов, особенно в вопросе социального устройства города. Это касается, к примеру, идеи освобождения женщины от домашнего труда путем создания развитой сети детских учреждений и системы общественного питания. Однако если в 1920-е годы эта идея имела идеологическое объяснение с точки зрения необходимости «освобождения женщины от домашнего рабства», то в 1960-е годы аргументация была более практическая – это было стремлением максимально эффективно использовать всю рабочую силу. Макет подобного города под стеклянным куполом для алмазного рудника Айхал, «где все рассчитано по принципу: человек не должен ощущать полярную стужу», был представлен на международной выставке в Монреале «ЭКСПО – 1967» ³⁹. Однако распространение подобных утопических проектов в СССР вызвало определенное беспокойство на Западе. В частности, в редакционной статье газеты «Таймс» от 23 мая 1966 года планы строительства города с искусственным микроклиматом в Сибири критически расценивались как слабо завуалированная попытка обречения людей на очередную разновидность ссылки в тот суровый край. ⁴⁰

В конечном итоге все эти проекты так и остались на бумаге. Попытка воплотить даже один из них не увенчалась успехом: при строительстве Айхала от разработанного плана отказались почти сразу после начала работ. Вопрос «почему» требует дополнительного исследования, но можно предположить, что всему

³⁷ *Славин С.В.* Наступление на Север [Статья, 1970] // РГАЭ. Ф. 746. Оп.1. Д. 18. Л. 217.

³⁸ *Одновалов С.П., Цимбал М.В.* Архитектура населенных мест. С. 95.

³⁹ *Новокишинов П.* Виллюй: электричество на старте // Известия. 1967. 21 августа.

⁴⁰ The Times. 1966. May 23.

виной был все тот же критикуемый авторами бюрократизм, неповоротливость инстанций и простая несогласованность действий. По крайней мере, об этом красноречиво свидетельствуют слова одного из главных специалистов по вопросам освоения Севера С.В. Славина:

В печать много писалось о будущем сказочном Айхале, столице недавно открытых крупнейших месторождений алмазов, о городе с максимумом удобств для населения. В нем будут сборные многоэтажные дома из алюминия и пластмасс, с закрытыми переходами, плавательными бассейнами и т.д. и т.п. Но жизнь не ждет, стране нужны алмазы. Пока идет разработка проектов, в районе новых месторождений растет временный город, уступающий по удобствам даже Мирному. Какова будет его судьба?⁴²

Появление этих проектов, равно как и их судьба, свидетельствуют о серьезном изменении положения специалистов в СССР в 1950 – 60-е годы. На этом примере заметна большая автономизация научного сообщества от директив со стороны государственных структур, стремление к самостоятельному решению различных задач и повышение социального статуса и влияния. Потому архитекторы и другие специалисты по освоению Крайнего Севера при составлении проектов городов начинают обращать внимание не только на государственные интересы, но и прислушиваться к потребностям жителей этих городов, стремясь улучшить их быт. С другой стороны, судьба большинства разработок демонстрирует относительность изменения: отводя специалистам пространство для относительной свободы творчества, государство вовсе не брало на себя обязательств серьезно к этому относиться. Возможно, поэтому практика строительства городов на Крайнем Севере не скоро подверглась серьезным изменениям, несмотря на множество недочетов, открыто обсуждаемых в печати в после- сталинский период, и предложения по изменению принципов строительства, детально разрабатываемые с 1950-х годов. Все разработки архитекторов имели статус лишь рекомендательных положений, необязательных для их соблюдения. Еще в 1969 году в качестве основной задачи градостроительства на Севере Т.В. Римская-Корсакова провозглашала «приведение северных поселений к состоянию *благоприятной обитаемости* (курсив мой. – Е.К.)».⁴² Однако, несмотря на то, что «наиболее комфортные для условий Севера» крытые города так и не были возведены, позднейшее постепенное улучшение бытовых условий в северных поселениях, начавшееся в 1970-е годы, было бы невозможным без этих разработок 1950 – 1960-х годов.

⁴¹ Славин С.В. Наступление на Север // РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 18. Л. 216.

⁴² Прогнозы развития системы обслуживания населения и типов общественных зданий в условиях Севера (I климатической зоны). [1969] // ЦГРНТД. Ф.17. Оп.2-6. Д. 1188. Л. 2.

Кирилл Чунихин

Американская национальная выставка в Сокольниках и Выставка достижений СССР в Нью-Йорке: история, семантика и кинорепрезентация двух выставок 1959 года

Введение

Словосочетание «Холодная война» ассоциируется, в первую очередь, с глобальным геополитическим противостоянием, развернувшимся между США и СССР после Второй мировой войны. Однако в этом идеологическом конфликте существовало своеобразное «культурное измерение», где конкуренция между странами разворачивалась не на ядерных полигонах, а на спортивных площадках, в концертных залах и выставочных пространствах. Настоящая статья представляет собой исследование этого «культурного измерения» и посвящена двум главным выставкам 1959 года: Американской национальной выставке (АНВ) в Сокольниках и Выставке достижений СССР в Нью-Йорке. Историография АНВ обширна – это событие рассматривается с различных ракурсов в многочисленных исследованиях. Так, например, профессор Акронского Университета Уолтер Хиксон отводит отдельную главу своей ставшей уже хрестоматийной книги *«Раздвигая занавес: пропаганда, культура и Холодная война»*¹ (1997) под описание политического контекста данного события и реакции на него. Вопрос рецепции АНВ в СССР был подробнейшим образом рассмотрен в статье известного британского исследователя Сюзан Рид, которая подвергла сомнению как адекватность комментариев, размещенных в книге отзывов, так и объективность интерпретации подобных комментариев американской стороной². И если АНВ стала объектом анализа двух ключевых вышеуказанных и некоторых других исследований³, то историография

¹ *Hixson W.* Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945 – 1961. Macmillan, 1997.

² *Reid S.* Who Will Beat Whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 9. 2008. P. 855-904.

³ К примеру, экспозиции живописи и скульптуры на АНВ посвящена статья *Kushner M.* Exhibiting Art at the American National Exhibition in Moscow, 1959. Domestic Politics and Cultural Diplomacy // *Journal of Cold War Studies*. Vol. 4. No. 1. 2002. P. 6-26. История разработки концепций американских международных выставок (в том числе и АНВ) представлена с точки зрения дизайнеров, работавших над проектами, в книге *Masey J, Morgan C.* Cold War Confrontations. US Exhibitions and their Role in the Cultural Cold War. Baden, 2008.

ответной Выставки достижений СССР в Нью-Йорке только начинает формироваться⁴.

Первая часть статьи представляет собой ретроспективу двух выставок 1959 года. При этом, помимо известных нам статей и фотоматериалов, мы использовали два до сих пор не удостоившихся внимания документальных фильма, посвященных этим выставкам и снятых советскими и американскими кинодокументалистами: «Это видел Нью-Йорк» (реж. Н. Соловьева, 1959) и «Opening in Moscow» (реж. Д.А. Пеннебейкер, 1959). Эти фильмы в силу специфики своей медийной природы изобилуют визуальными материалами, иллюстрирующими устройство, содержание выставок и реакцию посетителей, и, следовательно, являются ценнейшим фактологическим источником. Поскольку ни западными, ни отечественными исследователями до сих пор не предпринимались попытки рассмотрения двух выставок 1959 года в их онтологическом единстве⁵, во второй части данной статьи мы сравним и сопоставим семантику двух данных выставок. Мы также попытаемся установить, в какой степени эти два события являлись попыткой диалога, а в какой – попыткой противостояния. Третья часть исследования является анализом двух вышеуказанных документальных фильмов. При этом киноленты уже выступают не как источник визуальной информации о выставках, а как непосредственный объект исследования: сравнение особенностей поэтики данных фильмов позволяет сделать ряд выводов о специфике репрезентации событий 1959 года Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Кроме того, благодаря анализу этих двух картин становится возможным проследить идеологические интенции организаторов выставок на новом эмпирическом материале.

⁴ Нам известно об одной советской научной публикации, которая носит поверхностно-описательный характер: *Фурсенко А.* Выставка достижений науки, техники и культуры СССР в Нью-Йорке 1959 года // *История СССР.* 1988. № 1. С. 203–206. Кроме того, история двух выставок рассматривается в опубликованном в 2010 году в журнале *Ab Imperio* предисловии Алексея Фоминых к архивной публикации отрывков из книг отзывов с АНВ: *Фоминых А.* «Картинки с выставки»: книги отзывов Американской национальной выставки в Москве 1959 года – возвращение источника (предисловие к архивной публикации) // *Ab Imperio.* 2010. No.2. P.151–170. В контексте культурных связей обе выставки осмыслены в монографии *Иванян А.* Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М., 2007.

⁵ Мы полагаем, что обе выставки, будучи реализацией курса на сближения и являясь, по сути, попыткой репрезентации достижений капитализма и социализма, демонстрируют идеологическое противостояние двух сверхдержав.

Краткая история двух выставок

Две интересующие нас выставки, прошедшие в период хрущевской «оттепели», позиционировались обеими сторонами как шаги на пути к сближению двух сверхдержав⁶. Согласно официальной точке зрения, знакомство стран с культурой друг друга должно было позволить подняться на новую ступень диалога⁷. Еще 27 января 1958 года СССР и США заключили соглашение по вопросам науки и культуры, которое стало известно как «соглашение Лейси-Зарубина»⁸. В рамках именно этого соглашения и стали возможными две выставки 1959 года, по отношению к которым не должно было применяться никакой цензуры, однако при условии устранения какого-либо политического содержания⁹.

Заместитель министра торговли США Гарольд МакКлеллан, назначенный на пост главы АНВ лично Эйзенхауэром, заявлял, что целью является не пропаганда, а увеличение взаимопонимания и что следует избегать военно-политической тематики¹⁰. Технически, на первых порах эта договоренность была соблюдена, поскольку *политическое* и *военное* действительно не демонстрировалось. Тем не менее, именно политика и идеология оказали значительное влияние на выбор экспонатов, их количество и способ экспонирования. Политика и идеология коснулись всех вещей и предметов, в том числе и произведений искусства. Таким образом, хоть и формально выставки не затрагивали политического, они остались в высшей степени политизированными. Что касается цензуры, то, несмотря на закрепленную документально договоренность, советская сторона оказывала серьезное давление на организаторов выставки США. Так, например, 23 июля, за два дня до открытия выставки, американскому послу Левелину Томпсону вручили список «антисоветских» книг, которые необходимо было исключить из экспозиции. Этот конфликт был решен в пользу советской стороны, поскольку невыполнение требований могло повлечь за собой отмену выставки¹¹, а, между тем, в Нью-Йорке уже несколько недель для посетителей была открыта экспозиция СССР.

⁶ Материалы переписки по поводу Американской национальной выставки в Сокольниках. Том 2. Май-июнь 1959 // ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1, Д. 595. Л. 25.

⁷ Там же. Л. 25.

⁸ По именам тогдашних посла СССР в США Г. Зарубина и сотрудника Государственного департамента США У. Лейси.

⁹ Материалы переписки по поводу АНВ. Л. 25.

¹⁰ Там же. Л. 25.

¹¹ *Журинов Е.* «Нормальный человек не может изображать женщину в таком виде» // Коммерсант Власть. 2004. № 31. 25.09.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/495875>.

Организаторы обеих выставок не избежали и самоцензуры. Степень ее присутствия в действиях американской стороны можно проследить, например, по истории формирования экспозиции живописи и скульптуры: после комплектации экспозиции усилиями Фрэнсиса Уолтера, председателя Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, выяснилось, что из 67 художников 22 были бывшими коммунистами, а специальные службы насчитали у них 465 связей с коммунистической партией. Таким образом, у подавляющего большинства американских авангардистов было «левое» прошлое. Именно поэтому через три дня после отправки основной части экспозиции была укомплектована дополнительная партия из 31 произведения исключительно реалистического искусства конца XIX – начала XX веков, чьи авторы обладали «чистой» биографией и «доступным» для большинства языком¹². Что касается искусства СССР, то оно, безусловно, также подвергалось цензуре, проходя через государственный фильтр принципов соцреализма.

АНВ открылась 25 июля 1959 года, а специально к выставке были выпущены два каталога: буклет о разделах АНВ и каталог экспонируемой живописи и скульптуры. Правительство США выделило 3.3 млн. долларов, однако эта сумма никак не могла покрыть даже основные расходы: для сравнения, годом ранее павильон США на международной ярмарке в Брюсселе обошелся в 14 млн. долларов. Именно поэтому для участия в московской выставке были привлечены средства частных фирм и корпораций, благодаря которым реализация проекта оказалась возможной. На 29 мая было зарегистрировано около 602 участников из 34 штатов¹³. За 6 недель выставку посетили, по разным подсчетам, от двух до трех млн. человек. Специально для выставки американская сторона построила три сооружения: алюминиевый геодезический купол площадью 30.000 квадратных футов, который, по замыслу организаторов, должен был повторить триумф геодезического купола США на Международной выставке 1956 года в Кабуле; главный стеклянный павильон площадью 50.000 квадратных футов; комплекс пластмассовых павильонов площадью 15.000 квадратных футов¹⁴.

¹² См.: *Kushner M.* Exhibiting Art. Pp. 6-26.

¹³ Материалы переписки по АНВ. Релиз от 29.08.1959.

¹⁴ СССР принял решение купить геодезический купол и пластиковые павильоны за 375.000 долларов по окончании выставки.

Согласно замыслу американской стороны, выставка в Сокольниках – «уголок Америки в сердце Москвы» – была призвана показать, как живут типичные американцы: их быт, досуг, культуру¹⁵. Выражаясь в терминах американской идеологии, основной акцент АНВ был сделан на демонстрации жизнеспособности концепции «народного капитализма»¹⁶. Именно поэтому в 1959 году в Москве было представлено огромное количество предметов потребления, перечисление которых занимает в архивных документах о выставке 90 страниц. И если официально подобная демонстрация потребительского рая должна была способствовать лучшему взаимопониманию, то одной из главных скрытых стратегических задач подобной репрезентации было нанести удар по советской морали, заставить граждан СССР критически отнестись к своему государству, которое производит только военную технику¹⁷. В долгосрочной перспективе именно эта демонстрация превосходства уровня жизни граждан США могла в некоторой степени деморализовать советское общество. Этот тезис косвенно подтверждается тем фактом, что события 1959 года нередко рассматриваются в качестве начала последующего распада СССР, вызванного победой капиталистической культуры потребления. Так например, автор культовой монографии «Культура Два» Владимир Паперный применяет для описания экспонирования полотен американских абстрактных экспрессионистов поэтичную концепцию «отравленных одеял»: подобно тому, как американские колонизаторы посылали в качестве гуманитарной помощи американским индейцам одеяла, зараженные оспой, холсты авангардистов схожим образом вносили в общественное и художественное сознание советского человека идеологию, которая, развиваясь со временем, повлияла на последующий распад СССР¹⁸.

Несколько ранее, 29 июня 1959 года, в нью-йоркском выставочном комплексе «Колизей» открылась выставка советской стороны. Нужно заметить, что в то время в СССР доминировали оптимистичные настроения, вызванные не только оттепелью, но и достижениями науки.

¹⁵ Американская выставка в Москве, Сокольники, лето 1959: [буклет]. США, 1959. С. 2.

¹⁶ Англ. *people's capitalism*. Благодарим Тони Свифта (Университет Эссекса) за эту ремарку.

¹⁷ Reid S. Who Will Beat Whom? P. 855.

¹⁸ Паперный В. Нейлоновая война // Сноб. 2011. 08. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.snob.ru/selected/entry/38961>.

На прошедшей в 1958 году Международной выставке в Брюсселе делегация СССР была удостоена многочисленных гран-при, на фоне которых померкла секция США. Кроме того, успешный запуск советского спутника в 1957 году позволил оттеснить Америку на второе место в космической гонке. Если в попытке избежать политического и военного содержания американская сторона представила срез культуры потребления, то советская сторона решила подчеркнуть мирное начало во всех своих технологиях. Так, были экспонированы макет атомной станции, макет атомного ледокола, макет ступени ракеты в натуральную величину, макеты трех спутников и, собственно, первый запущенный в космос спутник – именно как примеры применения военных технологий в гражданских целях. Всего Советский Союз предложил вниманию американского зрителя около 10.000 различных объектов (от автомобилей и продуктов питания до музыкальных инструментов и произведений искусства), по мнению организаторов, свидетельствующих о больших успехах СССР на пути к построению социализма¹⁹. И хотя широта демонстрируемых Советским Союзом экспонатов не позволяет говорить о каком-либо акценте на идее «мирного атома» и использования технологий в мирных целях, к подобным выводам нас приводит анализ размещения секций в «Колизее». Самый большой по площади центральный холл отведен под экспонирование спутников, ступени космического корабля, макета ледокола «Ленин» и тому подобных объектов, а остальные предметы (продукты питания, одежда, музыкальные инструменты и тому подобное) были представлены в намного меньших по площади залах, расположенных на разных этажах по периметру.

¹⁹ Кроме того, советская выставка включала в себя экспозиции по истории СССР, создание которых подробно описывает один из главных советских историков-американистов А.А. Фурсенко: «Отправке экспонатов в Нью-Йорк предшествовала работа по подготовке экспозиции в Москве и Ленинграде. В короткий срок, в течение нескольких месяцев, при участии ведущих советских специалистов в области отечественной и всемирной истории, археологии и этнографии были подготовлены стенды трех экспозиций. Основной стенд – экспозиция по отечественной истории – был сооружен в виде стакана высотой более 5 м с вьющимся вокруг него пандусом для осмотра экспонатов, находившихся за плелкстигласовой оболочкой стенда. Два других стенда – размещенные друг против друга одинаковые плоские вертикальные витрины длиной 3-4 м и высотой 2 м – посвящены были работам советских ученых в области всеобщей истории и истории США. Экспозиция включала в себя фотографический материал, книги и карты. Было принято решение выставить также несколько предметов старины: новгородскую берестяную грамоту, первопечатное издание «апостола» Ивана Федорова и найденное в скифских курганах седло для верховой езды». Фурсенко А. Выставка достижений. С. 204.

Семантика выставок

И американская, и советская сторона не столько выставляли и представляли свои достижения, сколько противопоставляли. Нужно заметить, что именно Холодная война, будучи глобальным геополитическим противостоянием, актуализировала отточенное Второй мировой мышление бинарными оппозициями, главной из которых, безусловно, стала оппозиция капитализм-коммунизм (социализм). Уже на самых ранних стадиях антитеза капитализма-социализма воплощается в способе организации выставок: если США активно привлекали частные фирмы и средства, то СССР, разумеется, вкладывал государственный капитал. Экспонаты, представленные на выставках американской и советской сторонами, свидетельствуют не только о достижениях (в случае СССР достижений не только фактических, но и потенциальных²⁰) сторон в культуре, науке и технике, но и о ключевых ценностях капиталистического и социалистического обществ, многие из которых, как известно, в период Холодной войны были диаметрально противоположны.

Материальные достижения капиталистического общества составляют большую часть экспозиции США. Мир повседневности и вещей предстает перед советским зрителем как конкретная реальность. Реальная модель дома и кухни за 15.000 долларов, представленного для удобства посещения и просмотра в разрезе (на этой кухне в день открытия выставки разгорелись знаменитые кухонные дебаты между Вице-президентом США Ричардом Никсоном и Председателем Совета Министров СССР Никитой Хрущевым), оснащена реальной техникой и укомплектована продуктами питания, посудой и прочими предметами. США показывают то, чего они уже добились к настоящему моменту; то, как живут типичные американцы, хотя фактически, и по едкому замечанию советского посетителя²¹, им удастся продемонстрировать, как живут не типичные, но типовые граждане, так как очевидно, что в 1959 году далеко не каждая семья существовала в заявленных условиях.

²⁰ Несмотря на то, что большинство макетов представляли реально действующие и созданные объекты, мы можем говорить о демонстрации Союзом и «потенциальных достижений». Так, например, широкий ассортимент продуктов питания, представленных в Нью-Йорке, включал в себя большое количество дефицитных товаров (колбасы, икру и тому подобное). Аналогична ситуация была с мебелью, одеждой, бытовой техникой. Таким образом, фактически, советская выставка показывала только то, что производится в СССР, а не то, что доступно большинству граждан. Впрочем, можно предположить, что в ближайшем будущем товары народного потребления должны были непременно появиться у рядовых граждан. Именно в этом смысле демонстрация различных товаров народного потребления является демонстрацией «потенциальных достижений».

²¹ *Reid S. Who Will Beat Whom?* P. 893.

Кроме модели дома, кухни, разнообразных бытовых приборов и предметов гигиены, одежды и музыкальных инструментов, автомобилей и медицинского оборудования, экспозиция США знакомит с серией снимков, на которых запечатлены различные люди в бытовых условиях. Фотовыставка Эдварда Стайхена «Род человеческий», фактически являвшаяся собранием кадров, сделанных в разных частях света, может рассматриваться и как визуальная репрезентация американского мультикультурного общества, поскольку данная экспозиция была размещена на территории выставки страны, известной своей полиэтничностью. Этот портрет нации, по замыслу организаторов, иллюстрирует определенный случайный срез общества:

Семейство людей - это пятьсот снимков, сделанных фотографами 68 стран, включая 9 работ советских мастеров фотоискусства. Снимки подобраны американским фотографом Эдуардом Стайхеном, просмотревшим свыше двух миллионов фотографий. Они отражают борьбу и надежду, счастье и горе, - все эти обычные переживания для людей всего мира²².

На этом портрете человечества президент находится на одном уровне с фермером, а иерархия вертикали отсутствует. При этом реальность выборки подчеркивается «случайностью» запечатленных объектов. Таким образом, США демонстрируют ценности равенства, демократии, единства во множественности и разнообразии. Фотовыставка может рассматриваться как визуальная репрезентация уже не столько метафоры «*плавильного котла*», сколько пришедшей ей на смену метафоры «*салатницы*»²³. При этом множественные «Я», хоть и образуют в своем единстве «Мы», но не перестают быть уникальными и неповторимыми. На АНВ зритель слышит голоса различных «Я», которые в сумме своей и представляют человечество, читай, американскую нацию.

Выставка СССР демонстрирует иные, замаятинские отношения между «Я» и «Мы». Если американская нация разговаривает с советским зрителем миллионами голосов так, что каждый индивид может обладать ярко выраженной точкой зрения, то советский народ не допускает индивидуализма. Советский народ есть одно коллективное «Мы», некое общее волеизъявление. Тот факт, что советская выставка не допускает какого-либо индивидуализма, подтверждается на уровне стилистической принадлежности произведений советского искусства. Экспозиция не демонстрирует разнообразия художественных течений, а, напротив, состоит

²² Американская выставка в Москве, Сокольники, лето 1959: [буклет]. С. 4.

²³ Метафора «Салатница» (англ. salad bowl) возникла в 1970-х и отражает мультикультурный аспект общества США и не предполагает ассимиляции, отказа от идентичности в отличие от «плавильного котла».

из отборной соцреалистической живописи и скульптуры, иллюстрируя исторические сцены и исторических деятелей²⁴, бытовые сцены из жизни народа²⁵, а также идеализированного советским художником советского человека, рядового, равного остальным, и тем выдающегося²⁶.

Каноны соцреализма требуют от художника изображения мира таким, каким он должен быть, и ограничивают свободу самовыражения мастера. Демократичные США поощряют индивидуальность и ее право на самовыражение, представляя среди прочих предметов живописи и скульптуры полотна американских абстрактных экспрессионистов, которые являются беспрецедентными по степени выражения «Я» художника. Тот факт, что западная идеология признает право на индивидуальность и, следовательно, допускает плюрализм мнений, подчеркивается и на уровне грамматических форм лексики: в каталогах и документах США используется существительное множественного числа «американцы». Напротив, в документах и каталогах советской стороны употребляется словосочетание «советский народ».

Весьма значительными оказываются советская и американская трактовки *запретного* и *дозволенного*. Экспозиция СССР в Нью-Йорке представляет разнообразные объекты, которые, по большей части, доступны только для визуального контакта, реже для контакта тактильного, что абсолютно естественно для музейных пространств, в которых традиционно существует запрет на прикосновение к вещи и, тем более, на ее присвоение²⁷. Именно

²⁴ «Конец» Кукрыниксов, «Ленин» Исаака Бродского, бюст «Рабиндранат Тагор» скульптора З. Азгура, «Групповой портрет Кукрыниксов» П. Корина.

²⁵ «Письмо с фронта» А. Лактионова, «На плотях» Я. Ромаса.

²⁶ Скульптура Е. Вучетича «Перекуем мечи на орала».

²⁷ Характерна экспозиция советских музыкальных инструментов: медные духовые подвешены в воздухе и сопровождаются табличкой «Do not touch». Подобное решение весьма предсказуемо, потому что большинство произведенных в СССР инструментов, за редким исключением, сильно уступали западным аналогам и прототипам. Показателен эпизод с демонстрацией рояля «Эстония». Известно, что этот инструмент обладает сравнительно неплохими характеристиками и в некотором смысле конкурентоспособен. Поэтому на выставке «Эстония» была доступна для посетителей. Однако советская власть попыталась извлечь из данного эпизода максимум, пригласив опробовать инструмент икону Холодной войны – пианиста Ван Клиберна. Фильм «Это видел Нью-Йорк» демонстрирует, какой церемониальный характер, придали этому событию советские организаторы. Сперва сообщается, что победитель конкурса им. Чайковского (Ван Клиберн) посетил выставку. Затем музыканту преподносят коробку конфет, выполненную в форме рояля и с портретом пианиста. После этого Ван Клиберн садится играть, звучат «Подмосковные вечера», пианист задумчиво смотрит вверх и появляются кадры с конкурса в России, где под аплодисменты зала и оркестра (и на фоне портрета Чайковского) Ван Клиберн выходит играть. В заключение сцены звучат одобрительные слова пианиста («Превосходный инструмент, я на таком играл в Кремле»), хотя демонстрируемые до этого кадры с концертом были сняты не в Кремле, а сам Ван Клиберн играл на рояле Steinway.

в подобной «консервативной» музейной традиции и была разработана советская выставка. Напротив, организаторы АНВ приложили все усилия к тому, чтобы каждый посетитель мог потрогать практически любой предмет, за исключением произведений живописи. Более того, американская сторона не была против того, чтобы советские граждане оставляли себе некоторые экспонаты, например, книги, последние экземпляры которых, в конце концов, приходилось приклеивать к стендам. Как замечает сотрудник АНВ Ирма Вайних, для русских

эта выставка была карнавалом, самым светлым и ярким местом в Москве. Обычно смертельно серьезные и законопослушные, живущие в мире четких «запрещено делать» и «запрещено трогать», они могли выбрать свой собственный маршрут для осмотра экспозиции. На выставке можно было увидеть сотни вещей, и не было никаких указаний, какие - в первую очередь²⁸.

Таким образом, если иерархически выстроенная экспозиция СССР (сперва космос, затем «мирный атом» и промышленность, далее достижения в области культуры, образования) предполагала определенную экскурсионную программу с определенным маршрутом, то посетитель АНВ был практически полностью свободен в своих передвижениях. Кроме того, в каждой точке пространства ему предлагался не один, а множество объектов, тем самым посетитель сам решал, чему уделять внимание, а чему нет. Множественность сконцентрированных в одной точке объектов, с одной стороны, может рассматриваться как некоторая свобода выбора, а с другой – как беспрецедентное в 1959 году информационное давление на посетителя. Для передачи информации использовались визуальный, аудиальный и тактильный каналы, причем зачастую одновременно. Этот широчайший информационный ассортимент являлся, по замыслу устроителей, иллюстрацией богатой разнообразной культуры США, которая не может быть продемонстрирована одним экспозиционным маршрутом. Именно по причине невозможности рассказать о жизни США в одном-единственном фильме, одновременно показывались семь различных фильмов на семи размещенных рядом экранах. Создатели этой части экспозиции, знаменитые дизайнеры Имзы, полагали, что семь экранов являются оптимальным вариантом, поскольку большее количество фильмов, показываемых одновременно, уже не воспринимается. Эти семь фильмов, названные «Америка мельком», единовременно иллюстрируют жизнь различных семей из разных штатов США, тем самым утверждая разнообразие быта гражданина США.

²⁸ Цит. по.: *Masey J., Morgan C. Cold War Confrontations*. P. 214.

Как уже было замечено выше, США представили на выставке «реальную» картину жизни капиталистического общества, мир уже созданного и воплощенного. СССР по объективным причинам представляет по большей части не реальные предметы, но модели и планы. Таким образом, формируется еще одна значимая для этих двух выставок оппозиция: *реальность – утопия*. Это противопоставление обусловлено и различным отношением двух народов к времени: очевидно, что США показывают жизнь в настоящем, в то время как СССР, помимо конкретных достижений, демонстрирует свершения будущего. Уже самим подбором экспонатов советское общество демонстрирует свою футуроцентричность – в Нью-Йорке представлены многочисленные проекты: макеты строящихся атомных станций, макет нового города науки в Новосибирске, генеральный план реконструкции Москвы и пятилетний план. При этом для придания большей убедительности макетам создатели моделей практически повсеместно добавили в них движущиеся детали. Так, например, у ледокола «Ленин» вращаются лопасти, а метровая стрела башенного крана движется по круту над головами посетителей.

Футуроцентричность подчеркивается и официальным лозунгом того времени, который в 1957 году озвучил Хрущев: *«догнать и перегнать Америку»*. Грамматическая категория совершенного вида является одним из способов выражения будущего времени. Более того, официальная позиция СССР предполагала, что представленные достижения США для коммунистического общества – дело ближайшего будущего: *«Мы можем кое-чему научиться. Мы воспринимаем Американскую выставку как выставку наших собственных достижений в ближайшем будущем»*.²⁹

Именно в будущее устремлен спутник, изображенный на обложке каталога СССР³⁰. Размытый фон свидетельствует о том, что спутник движется на большой скорости. Сам спутник изображен четко. Следовательно, автор, читай, советский народ, находится на той же скорости и движется в том же направлении. СССР ориентирован на поиск, на постоянное движение вперед, на расширение, на постижение новых макрокосмических пространств. Один из главных экспонатов США – кухня демонстрирует принципиально иное мироощущение: ориентацию на микрокосм, на личное, интимное.

²⁹ Мы перегоним Америку! Речь Председателя Совета министров СССР Н. С. Хрущева при открытии выставки Соединенных Штатов Америки в Москве // Труд. 1959. 25 Июля.

³⁰ USSR Exhibition: New York 1959: [booklet]. СССР, 1959.

Репрезентация: документальные фильмы о выставках

АНВ в Сокольниках, и Выставка СССР в Нью-Йорке получили освещение в ряде документальных фильмов³¹. Наибольший интерес для нас представляют две киноленты: «*Это видел Нью-Йорк*» и «*Opening in Moscow*».

В своей интерпретации двух фильмов мы учитываем их пропагандистскую природу, не ставя перед собой задачи установить, насколько представленные в двух произведениях факты соответствуют исторической действительности. Нас интересует сравнение поэтики двух лент и особенности репрезентации аналогичных сюжетов советским и американским режиссерами. Поскольку оба фильма являются документальными, в кинематографический текст включаются не только собственно документальные кадры с выставок, но и комментарии очевидцев событий. Подобным образом режиссеры придают большую убедительность, «прозаичность» своим произведениям. Однако включение вербальных свидетельств очевидцев было реализовано различными способами.

В фильме «*Opening in Moscow*» повествование ведется от лица нескольких гидов АНВ, имена которых указаны во вступительных титрах. Однако на двадцатой минуте в кадре появляется гид Мария Винн и представляется как уроженка Чехословакии и иммигрантка в США. После этого все повествование ведется от ее лица и является, по сути, ее историей знакомства с Советским Союзом. Таким образом, фильм, который, судя по названию, должен освещать открытие выставки, становится не столько рассказом об экспозиции США и ее рецепции советскими гражданами, сколько путевыми заметками иностранки, оказавшейся в СССР. Мария Винн посещает действующую синагогу, цирк, пляж, ресторан, деревню, знакомится с советским джазом. В фильме «*Это видел Нью-Йорк*» отсутствует аналогичный взгляд на чужую страну глазами иностранца³². Однако еще в титрах фильма указывается, что «*в фильме приведены подлинные записи американцев в книгах отзывов о советской выставке*». Нам не представляется возможным опровергнуть подлинность комментариев американцев, однако мы можем поставить под сомнение их адекватность и объективность.

³¹ Несмотря на то, что нам известны и доступны несколько других документальных фильмов, снятых СССР о выставке в Нью-Йорке, мы решили ограничиться рассмотрением только одного, поскольку лента «*Это видел Нью-Йорк*» наиболее подробным образом освещает события 1959 года и сопоставима по хронометражу с американским аналогичным фильмом (40 и 45 минут).

³² Исключение составляют первые панорамные кадры Нью-Йорка, сопровождаемые закадровыми комментариями.

«*Это видел Нью-Йорк*» изобилует откровенно панегирическими отзывами, как, например, «*иляты долой перед удивительным прогрессом Советского Союза*». Для создания ощущения пущей объективности приведенных комментариев в фильм вставляются и откровенно негативные: «*Что вы показываете нам свои автомобили? Вы бы лучше показали нам свою рабочую лошадь*». Тем не менее, подобная критическая чужая речь опровергается не советским диктором, а гражданином США: «*Для вас надо было бы выставить осла. Он вам ближе*», благодаря чему повышается ощущение объективности комментариев и соотношения с действительностью.

Помимо чисто вербальных средств передачи реакции посетителей на выставки, режиссеры обоих фильмов прибегли к средствам кинематографическим. В советском фильме крайне распространены кадры, на которых посетители задирают голову, чтобы рассмотреть многочисленные экспонаты, размещенные выше человеческого роста (Ил.1). При этом субъективная камера демонстрирует, что может увидеть «восторженный американский зритель» наверху: макеты самолетов, вертолетов, первый в мире спутник и, наконец, портрет Ленина. И если подобная мизансцена с человеком, смотрящим вверх, может рассматриваться как некоторый лейтмотив фильма о выставке в Нью-Йорке, то человек, тянущийся к экспонату, будет аналогичным лейтмотивом выставки в Сокольниках (Ил.2).

Ил. 1: Посетительница, рассматривающая экспонаты на советской выставке. (Кадр из фильма «*Это видел Нью-Йорк*», реж. Н. Соловьева, 1959)

Ил. 2: Советские посетители, тянущие руки к американскому гиду, раздающему полиграфическую продукцию. (Кадр из фильма «Opening in Moscow», реж. ДА. Пеннебейкер, 1959)

Тема популярности представленных на АНВ предметов среди советских людей неоднократно поднимается в фильме Пеннебейкера. Когда гид рассказывает о реакции посетителей на фотоаппарат «Полароид», он упоминает, что многие ждали до семи часов в очереди, чтобы получить свой снимок. Эти воспоминания сопровождаются соответствующими кадрами, демонстрирующими ажиотаж вокруг моментальной фотографии. Аналогичные кадры мы встречаем и в сценах с раздачей «Пепси», в сценах, снятых, в книжном павильоне и многих других секциях АНВ. В американском фильме неоднократно приводится тезис о том, что посетители АНВ проявляли живой интерес к американцам и всему американскому. На 36 минуте Винн вспоминает, что люди смотрели на нее везде, где она была, потому что она – американка. А на 42 минуте фильма видно, как советские люди не покидают Сокольники, несмотря на начавшийся ливень.

В обоих фильмах всячески подчеркивается, что выставки пользовались большим успехом. Однако, сравнив панорамные съемки с выставок, мы можем сделать вывод о том, что посещаемость была далеко не равнозначной. И если в американском фильме кадры с толпами людей говорят за себя и поэтому не требуют

особого дополнительного усиления вербальными средствами, то в случае советского фильма ситуация прямо противоположная: диктор использует такие эпитеты, как «громадная», «бесконечная» очередь, хотя визуальная репрезентация подобных сцен противоречит вербальным комментариям (Ил.3).

Ил. 3: Очередь в выставочный комплекс «Колизей», где проходит советская выставка. (Кадр из фильма «Это видел Нью-Йорк», реж. Н. Соловьева, 1959)

Рассмотрим специфику монтажа в произведениях. В обоих фильмах присутствуют кадры с выставок, чередующиеся с кадрами из жизни во вневыставочном пространстве. К примеру, в советском фильме присутствует сцена с выставки, в которой показываются различные макеты технических приборов и сооружений. По сюжету фильма работоспособность гидроэлектростанции, макет которой демонстрируется в кадре, вызывает сомнения у американского посетителя. Однако после этого в фильм монтируются реальные кадры действующей ГЭС на Волге, а закадровый голос задает риторический вопрос: *«А что бы сказали наши посетитель, увидев это?»*. Таким образом режиссер советского фильма подтверждает реальность и действенность ряда объектов, макеты которых представлены на выставке³³.

³³ Аналогичным образом монтируются кадры с макетами и реальными зданиями заводов.

Иной природой и иной прагматикой обладает монтаж кадров выставочного и вне-выставочного пространств в фильме «*Opening in Moscow*». Рассмотрим следующий пример: в фильме повествуется о том, что советская власть заранее организовала многочисленные выставки в Москве. Эти выставки должны были проходить одновременно с АНВ и тем самым оттягивать на себя поток посетителей. На пятой минуте мы видим толпы людей, заполонивших Сокольники, а сразу после этого демонстрируется практически пустующая территория ВДНХ. При этом в кинотекст не включается каких-либо уличительных комментариев, поскольку визуальный ряд оказывается достаточно убедительным. Таким образом, зритель получает возможность сравнить и оценить популярность выставки в Сокольниках и других московских выставок среди жителей СССР. Кроме того, кадры, запечатлевающие пустые улицы утренней Москвы³⁴, монтируются с кадрами многотысячных толп людей на АНВ. В результате этого, у зрителя может сложиться впечатление, что вся жизнь города передислоцировалась в Сокольники.

Также показательна часть фильма, где показан московский метрополитен. Этот эпизод (и еще несколько незначительных) снят на черно-белую пленку, в то время как сам фильм цветной³⁵. Тем самым подчеркивается контраст между прозой московской жизни и яркой феерией АНВ³⁶. Кроме того, кадры съемок немногочисленного метро не сопровождаются музыкальной подложкой. Вообще режиссер американского фильма уделил особое внимание работе со звуковым сопровождением. Так, например, кадры с АНВ часто сопровождаются новейшей на 1959 год музыкой в стиле бибоп в быстрых темпах, в то время как кадры, на которых запечатлена жизнь СССР за пределами выставки, сопровождаются размеренной фортепианной музыкой, русскими народными песнями и композициями, исполненными на русских народных инструментах: балалайке, домре, гармонии. Важно учитывать, что американский фильм создавался для американского зрителя, и подобные музыкальные контрасты должны были продемонстрировать различия между интенсивностью жизни в США и размеренностью, спокойствием быта в СССР³⁷.

³⁴ Эта сцена напоминает начало фильма «Дом на Трубной» Б. Барнета (1928), где город «просыпается», «умывается».

³⁵ В то время как советский фильм черно-белый.

³⁶ См. цитату Вайних. Сноска 28.

³⁷ Вопрос контраста России и Америки встает и в самих рассказах Винн. Она говорит, что в Союзе есть много вещей, к которым она никогда не смогла бы привыкнуть, что Москва очень «старомодная». При это она избегает прямой резкой критики, говоря, например, что ей нравится, как русские следят за своими детьми – они всегда одеты лучше взрослых.

В заключение рассмотрим специфику кинорепрезентации официальных лиц, посетивших выставки. Четверть советского фильма отведена для демонстрации официального открытия выставки Президентом Эйзенхауэром, Вице-президентом Никсоном, Членом Президиума ЦК КПСС Фролом Козловым. В американском фильме, напротив, отсутствуют аналогичные кадры. Даже эпохальные кухонные дебаты между Никсоном и Хрущевым не получили освещения в ленте.

Все советские документальные фильмы, в которых, так или иначе, освещается выставка СССР в Нью-Йорке, показывают именно церемонию открытия высшими государственными деятелями двух стран. В советском фильме присутствуют многочисленные комментарии официальных лиц по поводу экспонатов выставки: кадры с министром сельского хозяйства, сидящим за рулем советского комбайна; замечание о том, что жене Эйзенхауэра понравились советские шубы, а сам президент намерен в старости купить себе автомобиль «Москвич»; сцена с известным нефтяником у макетов нефтяных комбинатов и другие тому подобные эпизоды.

Неравная репрезентация политического подтекста этих двух событий (значительная в случае советского фильма и незначительная в случае фильма американского) не просто отражает характер проникновения государственной идеологии в методы репрезентации. Она свидетельствует о том, насколько успешно Соединенным Штатам удалось избежать *явного* идеологического содержания, и как с этой задачей не справились советские организаторы.

В конечном счете, американский фильм есть попытка показать эффект, произведенный АНВ на советских людей, а также продемонстрировать причины успеха выставки. Главная задача американского фильма не рассказать о достижениях США, а описать события в Москве 1959 года, показав жизнь рядовых советских людей. Сцены, иллюстрирующие советскую повседневность (жизнь в деревне, торговля на рынках и пребывание на вокзалах), являются своеобразным ответом на вопрос, почему АНВ пользовалась таким успехом у советских людей. Американский зритель, сравнивая показанную режиссером жизнь в Союзе с реалиями США, самостоятельно приходит к выводам о превосходстве того или иного политического строя.

Лента «*Это видел Нью-Йорк*», напротив, показывает уже готовую официальную точку зрения и призвана продемонстрировать достижения социализма, причем продемонстрировать их в первую очередь советскому зрителю. Как и советская выставка, посвященный ей фильм суть экскурсия по музею достижений социализма: реальных и потенциальных.

Заключение

Из приведенного выше анализа следует, что две выставки 1959 года являясь, согласно официальной точке зрения, реализацией курса на сближение, осознавались сторонами и как этап противостояния, как одно из сражений Холодной войны. Именно поэтому следует избегать огрублений, оценивая эти события только как мирный диалог культур или только как войну идеологий. Американская сторона видела в АНВ возможность репрезентации западной культуры в Москве как инструмента деморализации советского общества. Хрущев же прекрасно понимал, что впускает Троянского коня, однако, помимо всего прочего, он рассчитывал на то, что этот опыт действительно плодотворно отразится на техническом прогрессе СССР³⁸. Тем сильнее было разочарование некоторых посетителей, отмечавших с сожалением, что на выставке показаны продукты, но не средства производства³⁹, а именно технологии и представляли наибольший интерес. Советская сторона, в свою очередь, пыталась продемонстрировать в США свои технические достижения и их широту, не сильно заботясь о том, доступны ли такие экспонаты, как шубы, красная икра, цветной телевизор рядовому советскому зрителю. Эта неадекватность соотношения представляемого и реально доступного была точно подмечена одним из американских посетителей, сказавшим, что большинство показанных Союзом благ находятся в распоряжении верхов Партии⁴⁰.

Обе выставки есть не только взаимные пропагандистские жесты в сторону «другого мира», но и своего рода сообщения, адресованные самим себе: успех американской выставки за железным занавесом мог использоваться для пропаганды внутри США. Аналогичная ситуация была с Выставкой достижений СССР,

³⁸ *Reid S.* Who Will Beat Whom? P. 862. Сьюзан Рид справедливо задается вопросом, были ли подобные критические комментарии оставлены специально подготовленными советскими агитаторами или же отражали мнение рядового советского человека.

³⁹ *Ibid.* P. 877.

⁴⁰ Этот комментарий озвучивается в третьей части фильма «*Это видел Нью-Йорк*».

несмотря на то, что она оказалась куда менее удачной. Рассмотренные нами документальные фильмы представляются некоторой точкой в истории культурных контактов 1959 года. Адресованный советскому зрителю фильм о советской выставке позволяет показать события в Нью-Йорке в адекватном официальной идеологии свете, схожие функции выполняет и лента Пеннебейкера, демонстрирующая американскому зрителю триумф Американской национальной выставки в Скольниках 1959 года.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что не только советская выставка была удобным для тоталитарного режима инструментом в идеологической борьбе, но и АНВ аналогичным способом использовалась демократическими США. Соотношение представленной на АНВ картины жизни и американской реальности вызывает не меньше сомнений, нежели соответствие экспозиции СССР и советской действительности. Смысловая доминанта АНВ – доступные массам блага в условиях свободного рынка – есть свидетельство влияния (капиталистического) американского государства на экспозицию, развевающее миф об «аполитичности» АНВ.

Список сокращений

ВИНИТИ – Всесоюзный институт научно-технической информации

Военкор – военный корреспондент

ВСНХ – Высший Совет Народного Хозяйства

ВУЦИК – Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет

ГАХО – Государственный архив Харьковской области

ГКНТ – Государственный комитет по новой технике СМ СССР

ГЛАВПУРККА – Главное Политическое Управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии

Гостехника – Государственный комитет по науке и технике СМ СССР

ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала

Комвзвод – командир взвода

КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины

ЛенЗНИИЭП – Ленинградский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования Ленфилиал – Ленинградский филиал Академии строительства и архитектуры

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия

СМ СССР – Совет министров СССР

СОПС – Совет по изучению производительных сил

УКП – Украинская коммунистическая партия (укапистов)

УКП(б) – Украинская коммунистическая партия (боротьбистов)

ЦГАНТД – Центральный государственный архив научно-технической документации

ЦДАГОУ – Центральный державний архів громадських об'єднань України (Центральный государственный архив общественных объединений Украины)

ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет

Сведения об авторах

Березина Вера, слушатель Факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, аспирант Санкт-Петербургского Института Истории Российской Академии Наук. В 2010 закончила факультет социальных наук Российского государственного университета им. А.И. Герцена. Работает над диссертацией об экскурсионной работе в 1920-е годы как средстве формирования нового мировоззрения. Круг научных интересов: история и культура раннесоветского общества, историческая антропология, краеведение.

Основные публикации:

Экскурсионная работа в 1920-е гг. как средство воспитания нового человека: теоретический аспект // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов. СПб, 2012. С. 12-19

Гирик Сергей, аспирант Института украинской археографии и источниковедения им. М.С.Грушевского НАН Украины, в 2010 закончил Институт украинской филологии Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (г. Киев). Текущий диссертационный проект – Источники для исследования идеологии Украинской коммунистической партии (боротьбистов). Круг научных интересов – история левых политических партий, политические, межэтнические и межконфессиональные конфликты.

Основные публикации:

“The Permanent Revolution” and “the Asian Renaissance”: Parallels between the Political Conceptions of Leon Trotsky and Mykola Khvylovy // Debatte: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe, Vol. 17, Issue 2 (August 2009). P. 181-191.

Иллюзия неразрешимости. Диалектика классового и национального в украинском национал-коммунизме // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов (14–15 апреля 2011 года, Санкт-Петербург). — СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. — С.40-44.

Селяни й аграрне питання в ідеології Української комуністичної партії (боротьбистів) // Наукові записки. Праці молодих вчених та аспірантів. Вип. 24. Київ: ІВАД ім. М.С. Грушевського НАНУ, 2012 (готовиться к печати).

Проблема військового будівництва в УСРР і Українська комуністична партія (боротьбистів) // Наукові записки. Праці молодих вчених та аспірантів. Вип. 25. Київ: ІВАД ім. М.С. Грушевського НАНУ, 2012 (готовиться к печати).

Problem stosunków międzyetnicznych w ideologii narodowych komunistów ukraińskich oraz partii radykalnie lewicowych żydowskich na Ukrainie w latach 1918-1921 // Galicia, Bukovina and other Borderlands in Eastern and Central Europe. Essays on Interethnic Contacts and Multiculturalism (=Jews and Slavs. Vol. 23). Jerusalem; Siedlce, 2013 (готовится к печати).

Калеменева Екатерина, слушатель факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Окончила исторический факультет Северного (Арктического) Федерального университета в 2011 году. Тема диссертационного исследования: «Урбанистическое будущее Арктики: проекты по изменению практики освоения Крайнего Севера СССР в 1950-1960е годы». Научные интересы: история освоения Арктики в XX веке, советские ученые, советская архитектура, экологическая история.

Основные публикации:

«Земля будущего»: проекты строительства крытых городов на Крайнем Севере СССР в 1950-1960-е годы // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов (20-21 апреля 2012 года, Санкт-Петербург). – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С.65-72.

Кочеткова Елена, слушатель факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. В настоящее время работает над диссертационным проектом «Советская лесная промышленность и советско-финские приграничные территории в 1953 – 1964 гг.: Трансфер технологий». Научные интересы: история науки и техники, циркуляции знаний, советско-финляндские отношения, история послевоенного СССР, история Холодной войны. Елена являлась стипендиатом Германского исторического института в Москве, а также Karen Johnson Freeze Fund.

Основные публикации:

Трансфер технологий в советскую лесную отрасль в рамках советско-финляндского научно-технического сотрудничества в 1953 – 1964 гг.// Конструируя “советское”? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: Материалы научной конференции студентов и аспирантов. СПб., 2012. С. 92 – 98.

Трансфер технологий из Финляндии в советскую лесную промышленность в 1953 – 1964 гг. // История: электронный научно-образовательный журнал. – 2012. – Вып. 5 (13): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Электронный ресурс]. – Доступ для зарегистрированных пользователей. – URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/transfer-tehnologii.html>

Soviet-Finnish Cooperation in the Near-Border Area in 1953 – 1964// Crossing Borders: history, dialogue of languages and culture. May 17 – 19, 2012, Abstract book. Ed. O. Burdakova. pp. 75 – 76.

Любавский Роман, в 2010 г. окончил исторический факультет Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. В этом же году стал аспирантом кафедры истории Украины исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Тема диссертационного исследования - «Повседневная жизнь рабочих Харькова в 1920-1930-е годы». В 2011 г. был стипендиатом Германского исторического института в Москве. В 2011-2012 гг. получал именную стипендию Президента Украины. Научные интересы: история повседневности, советского общества, жизни рабочих в годы первых пятилеток, историческая антропология.

Основные публикации:

Умови праці робітників заводів-гігантів Харкова в роки перших п'ятирічок // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія історія. Вип. 44. Харків, 2011. С. 174–180.

«Создадим Новый Харьков!»: идея создания «социалистического городка» для рабочих Харьковского тракторного завода в 1930-е годы. // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов. СПб., 2011. С. 134–138.

«Соціалістичне містечко»: конструювання радянського урбаністичного простору для робітників Харківського тракторного заводу у 1930-ті рр. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія історія. Вип. 45. X., 2012. С. 124–133.

Чунихин Кирилл, в 2009 году окончил факультет романо-германской филологии Кемеровского Государственного Университета. В 2012 защитил магистерскую диссертацию (тема: «Клемент Гринберг: историческая апология модернизма») в Европейском Университете в Санкт-Петербурге. В настоящее время работает над кандидатской диссертацией «Репрезентация и рецепция изобразительного искусства США в СССР 1946-1989 гг.» Основные научные интересы: искусство и идеология; культурные контакты эпохи Холодной войны; риторика и поэтика советского критического арт-дискурса.

Основные публикации:

Клемент Гринберг и эволюция «исторической апологии» модернизма // Актуальные проблемы теории и истории искусства – 2012: тезисы докладов международной конференции. СПб., 2012. С.139-140.

Сквозь железный занавес: репрезентация изобразительного искусства США в журнале «Америка» в эпоху Холодной войны // Артикульт. 2012. №8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://articult.rsuh.ru/article.html?id=2627601>.

«Модерн и постмодерн» Клемента Гринберга, или апология модернизма в эпоху постмодернизма // Актуальные проблемы теории и истории искусства – 2012: сборник статей по итогам конференции. СПб., 2013. (в печати).

Шехтер Брэндон, аспирант исторического факультета Университет Калифорнии-Беркли. В 2005 закончил факультет славистики в Вассарском Колледже. Он стажировался в Европейском Университете в Санкт-Петербурге (2005-2007) и Высшей Школе Экономики (2012-2013). Тема будущей диссертации – «Казенные вещи: материальная культура РККА 1941-1945».

Основные публикации:

“The People’s Instructions’: Indigenizing the Great Patriotic War Among ‘Non-Russians’”. *Ab Imperio*. 2012. №3. p. 109-133.

“The Language of the Sword’: Aleksandr Bek, The Writers Union and Baurdzhan Momyshuly in Battle for the Memory of Volokolamskoe Shosse.” *Berkeley Working Papers*. 2009. Available at http://iseees.berkeley.edu/working_papers.